

ВЕСТНИК  
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО  
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379

Серия

2014 / № 5

# ЛИНГВИСТИКА

## Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

## The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

2014 / № 5

Series

ISSN 2072-8379

# LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE  
REGIONAL UNIVERSITY

# Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

## Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

**Хроменков П.Н.** – к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

**Никитин О.В.** – д.филол.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)

**Абрамов А.В.** – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»

**Асмолов А.Г.** – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

**Белозеров В.Е.** – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)

**Боголюбов Л.Н.** – академик РАО, д.пед.н., проф.

**Клычников В.М.** – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ

**Затулин К.Ф.** – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)

**Конищев А.С.** – д.б.н., проф. МГОУ

**Лекант П.А.** – д.филол.н., проф. МГОУ

**Марченко М.Н.** – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

**Ницевич В.Ф.** – д.пол.н., проф., директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

**Пасечник В.В.** – д.пед.н., проф. МГОУ

**Поляков Ю.М.** – канд. фил. н., гл. ред. «Литературной газеты»

**Пусько В.С.** – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана

**Ху Гумин** – д.филол.н., проф. Института иностранных языков Уханьского университета (Китай)

## Редакционная коллегия серии «Лингвистика»

*Ответственный редактор серии:*

**Ощепкова В.В.** – д. филол. н., проф.

*Заместитель ответственного редактора серии:*

**Жирова И.Г.** – д. филол. н., проф.

*Ответственный секретарь серии:*

**Максименко О.И.** – д. филол. н., проф.

*Члены редакционной коллегии серии:*

**Левченко М.Н.** – д. филол. н., проф.; **Скуратов И.В.** – д.

филол. н., проф.; **Хухуни Г.Т.** – д. филол. н., проф.; **Эпи-**

**фанцева Н.Г.** – д.филол.н., проф.; **Латышев Л.К.** – д.

филол. н., проф.; **Туголукова Г.И.** – канд. филол. н.,

профессор; **Гринев-Гриневиц С.В.** – д. филол. н., проф.

(Белостокский университет, Польша); **Пан Ке Ен** – д. фи-

лол. н., проф. (Университет иностранных языков Хангук,

Республика Корея); **Герберт Пихт** – д. филол. н., проф.

(Дания); **Сесил Л. Нельсон** – доктор лингвистики, Уни-

верситет штата Индиана, (г. Терре-Хот, США)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки ([www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru)), а также на сайте Московского государственного областного университета ([www.vestnik-mgou.ru](http://www.vestnik-mgou.ru))

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

## Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: [vest\\_mgou@mail.ru](mailto:vest_mgou@mail.ru); сайт: [www.vestnik-mgou.ru](http://www.vestnik-mgou.ru)

ISSN 2072-8379

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2014. № 5. – М.: ИИУ МГОУ. – 120 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26301

Индекс серии «Лингвистика»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40713

© МГОУ, 2014.

© ИИУ МГОУ, 2014.

# The founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 6 times a year

## Series editorial board «Linguistics»

*Editor-in-chief:*

**V.V. Oshchepkova** – Doctor of Philology, Professor

*Deputy editor-in-chief:*

**I.G. Zhirona** – Doctor of Philology, Professor

*Executive secretary of the series:*

**O.I. Maksimenko** – Doctor of Philology, Professor

*Members of Editorial Board:*

**M.N. Levchenko** – Doctor of Philology, Professor; **I.V. Skuratov** –

Doctor of Philology, Professor; **G.T. Khukhuni** – Doctor of

Philology, Professor; **N.G. Yepifantseva** – Doctor of Philology,

Professor; **L.K. Latyshev** – Doctor of Philology, Professor; **G.I.**

**Tugolukova** – Ph. D. in Philology, Professor; **S.V. Grinev-**

**Grinevich** – Doctor of Philology, Professor (Bialystok University,

Poland); **Pang Gyo-Youn** – Doctor of Philology, Professor (Hankuk

University of Foreign Studies, Korea); **Heribert Picht** – Doctor

of Philology, Professor (Denmark); **Cecil L. Nelson** – PhD in

Linguistics, Indiana State University, Terre Haute, Indiana, USA

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library ([www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru)), as well as at the site of the Moscow State Regional University ([www.vestnik-mgou.ru](http://www.vestnik-mgou.ru))

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

### The Editorial Board address:

#### Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98

Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: [vest\\_mgou@mail.ru](mailto:vest_mgou@mail.ru)

Site: [www.vestnik-mgou.ru](http://www.vestnik-mgou.ru)

## Publishing council «Bulletin of the MSRU»

**P.N. Khromenkov** – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (Chairman of the Council)

**O.V. Nikitin** – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (Deputy Chairman of the Council)

**A.V. Abramov** – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University

**A.G. Asmolov** – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University

**B.E. Belozero** – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)

**L.N. Bogolubov** – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor

**V.M. Klychnikov** – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU

**K.F. Zatulín** – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)

**A.S. Konichev** – Doctor of Biology, Professor of the MSRU

**P.A. Lekant** – Doctor of Philology, Professor of the MSRU

**M.N. Marchenko** – Doctor of Law, Professor of Moscow State University

**V. F. Nitsevich** – Doctor of Politics, Professor, the Head of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration

**V.V. Pasechnik** – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU

**Yu. M. Polyakov** – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

**V.S. Pus'ko** – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University

**Hu Gumín** – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhan University (China)

### ISSN 2072-8379

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Linguistics». 2014. № 5. – M.: MSRU Publishing house. – p. 120

The series «Linguistics» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИИ № 0С77-26301

### Index of the series «Linguistics» according to the union catalog «Press of Russia» 40713

© MSRU, 2014.

© MSRU Publishing house, 2014.

# СОДЕРЖАНИЕ

## РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Богданова Т.В.</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА <i>LIFE</i> , ХАРАКТЕРНОЕ ДЛЯ БРИТАНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА .....	6
<i>Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А.</i> ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ ПОЗНАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА (К 10-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ПОЯВЛЕНИЯ АНТРОПОЛИНГВИСТИКИ) .....	12
<i>Жарова (Фёдорова) А.В.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА СОТРУДНИКА БАНКА.....	26
<i>Зверева П.П.</i> СЕНТИМЕНТ-АНАЛИЗ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ ТЕКСТОВ ГАЗЕТЫ «THE NEW YORK TIMES» О РОССИИ И РОССИЯНАХ) .....	32
<i>Малюга Е.Н., Коготкова С.С.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РАСЧЛЕНЁННЫХ ВОПРОСОВ В ДЕЛОВОМ ИНТЕРВЬЮ В РЕЧИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН* .....	38
<i>Максименко О.И.</i> ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫЕ СИСТЕМЫ: ОЦЕНКА МЕТОДОМ НЕЧЁТКОЙ ЛОГИКИ.....	45
<i>Мурашкова Е.М.</i> ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ .....	53

## РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

<i>Болховитянов И.В.</i> ВЛИЯНИЕ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ НА РАЗВИТИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ АМЕРИКАНСКОГО ФУТБОЛА) .....	60
<i>Колесников А.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН В РЭП-ДИСКУРСЕ.....	66
<i>Молчанова Д.В.</i> ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ЛЕДИ» (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА СРЕДИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ РЕСПОНДЕНТОВ).....	72
<i>Москалева А.С., Круглякова О.В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ МЕТОДОМ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА .....	77

## РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бабич Н.Г.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ПРАГМАТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ИНТЕРВЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ).....	87
<i>Кириенко П.А.</i> СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА ПРОЗЫ ДЖ. КУТЗЕЕ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ .....	97
<i>Осипова А.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ).....	104

## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<u>Нелюбин Л.Л.</u> , <i>Филиппова И.Н.</i> О НАУЧНОЙ ШКОЛЕ Л.Л. НЕЛЮБИНА «LANGUAGE IN ACTION» .....	110
ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО .....	113

# CONTENTS

## SECTION I. THEORETICAL QUESTIONS OF A GENERAL LINGUISTICS

<i>T. Bogdanova</i> NATIONAL AND CULTURAL CONTENT OF THE <i>LIFE</i> -CONCEPT, TYPICAL OF THE BRITISH WORLD VIEW .....	6
<i>S. Grinev-Grinevich, E. Sorokina</i> LANGUAGE AS MEANS OF STUDING HUMAN COGNITIVE PROCESS AND EVOLUTION (TO THE 10TH ANNIVERSARY OF ANTHROPOLOGICAL LINGUISTICS AS A SEPARATE BRANCH OF SCIENCE) .....	12
<i>A. Zharova (Fedorova)</i> THE PROFESSIONAL LINGUISTIC WORLDVIEW OF A BANK OFFICER	26
<i>P. Zvereva</i> SENTIMENT-ANALYSIS OF TEXT (TEXTS ABOUT RUSSIA AND THE RUSSIANS FROM THE NEW YORK TIMES) .....	32
<i>E. Malyuga, S. Kogotkova</i> COMMUNICATIVE STRATEGIES OF DISJUNCTIVE QUESTIONS IN BUSINESS INTERVIEW OF WOMEN AND MEN .....	38
<i>O. Maksimenko</i> INFORMATION RETRIEVAL SYSTEMS: ESTIMATION BY FUZZY LOGIC .....	45
<i>E. Murashkovskaya</i> APPROACHES TO DISCOURSE MARKERS ANALYSIS .....	53

## SECTION II. LANGUAGE UNITS OF LANGUAGE SYSTEM

<i>I. Bolkhovityanov</i> IMPACT OF TRANSLATION STUDIES ON THE DEVELOPMENT OF LINGUISTIC AND LINGUOCULTURAL ASPECT OF TRANSLATION (ANALYSIS OF AMERICAN FOOTBALL LEXICON) .....	60
<i>A. Kolesnikov</i> CHARACTERISTICS OF PRECEDENTIAL NAMES USAGE IN RAP-DISOURSE .....	66
<i>D. Molchanova</i> FIGURATIVE CONSTITUENTS OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT «LADY» (ASSOCIATIVE EXPERIMENT AMONG RUSSIAN NATIVE SPEAKERS) .....	72
<i>A. Moskaleva, O. Kruglyakova</i> THE STUDY OF LEXICAL SYNONYMS BY APPLYING CORPUS ANALYSIS IN ENGLISH FOR CUSTOMS .....	77

## SECTION III. COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>N. Babich</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF LEXICAL AND SEMANTIC MEANS OF THE PRESIDENTIAL INTERVIEW PRAGMATIC FILLING-UP (ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES) .....	87
<i>P. Kirienko</i> SYNTACTICAL STYLISTICS ANALYSIS OF J.M. COETZEE PROSE IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES .....	97
<i>A. Osipova</i> SPECIFICS OF TRANSLATION OF RELIGIOUS TEXT INTO THE RUSSIAN LANGUAGE (THE BOOK OF PROVERBS) .....	104

## ACADEMIC LIFE

<u>L.L. Nelyubin</u> , <i>I.N. Filippova</i> THE SCIENTIFIC SCHOOL LL NELYUBIN «LANGUAGE IN ACTION» .....	110
THE MEMORY OF THE OUTSTANDING SCIENTIST .....	113

# РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

---

УДК 81

**Богданова Т.В.**

*Московский государственный областной университет*

## **НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА *LIFE*, ХАРАКТЕРНОЕ ДЛЯ БРИТАНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА**

*Аннотация.* В статье проводится обзор современных точек зрения на природу концепта, анализируются способы его изучения, определяются основные термины, раскрываются лингвокультурные особенности концепта *life* в британской картине мира. Представлены результаты проведённого ассоциативного эксперимента с последующим применением методики прямого толкования слов. Они позволяют расширить представление о языковом сознании современных жителей Британии возраста 19–25 лет и о британской языковой и концептуальной картине мира в целом. Методом прямого толкования слов устанавливаются три наиболее общих определения лексической единицы *life*.

*Ключевые слова:* концепт, языковая картина мира, ассоциативный эксперимент, метод прямого толкования слов, лингвокультурологический анализ.

**T. Bogdanova**

*Moscow State Regional University*

## **NATIONAL AND CULTURAL CONTENT OF THE *LIFE*-CONCEPT, TYPICAL OF THE BRITISH WORLD VIEW**

*Abstract.* A review of modern viewpoints on the nature of concept is given and methods for its study are analyzed. The basic terms are defined. The linguo-cultural features of the life-concept are revealed. The results of an associative experiment, followed by a technique of direct word – interpretation are presented. They allow to find out some facts about the linguistic consciousness of the British people aged 19-25 and about British linguistic and conceptual world image. Three most general definitions of lexical unit life are determined by the method of direct word interpretation.

*Key words:* concept, language world-view, associative experiment, direct word interpretation, linguo-cultural analysis.

Концепт в лингвокультурологии рассматривается и анализируется как единица культуры: «Концепт – это сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [10, с. 40]; «это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру» [10, с. 80]

Одну из наиболее полных дефиниций понятия *концепт* предложила А. Вежбицкая (польский и австралийский лингвист), охарактеризовав обозначаемый им феномен как объект из мира «идеальное», наделённый именем и выступающим в функции отражения культурно-обусловленных представлений индивидуума об окружающем мире «действительности» [1, с. 123].

Лингвокультурный концепт состоит из трёх частей, в отличие от когнитивного концепта. Как утверждают В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин в статье «Лингвокультурный концепт как единица исследования», между этими двумя понятиями существует разграничение; в составе лингвокультурного концепта неизменно присутствует ценностная составляющая: «центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [3, с. 75]. Помимо ценностной составляющей концепт содержит: 1) фактуальную, т. е. слово, хранящееся в сознании человека, и 2) образную, т. е. невербальный элемент концепта. По определению исследователей, *лингвокультурный концепт* – «условная ментальная единица, используемая в комплексном изучении языка, сознания и культуры» [3, с. 76]; таким образом,

*лингвокультурный концепт отличается от других единиц ментальной природой* [3, с. 76].

Термин *картина мира* возник в физической науке на рубеже XIX–XX вв. С 60-х гг. XX в. этот термин используется в лингвистике, где выделяются *языковая картина мира* (ЯКМ) и *концептуальная картина мира* (ККМ). Под ЯКМ понимается «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [9, с. 5].

Концептуальная картина мира (ККМ) составляет основу языковой. По теории Е.С. Кубряковой, ККМ – «ментальный уровень, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [4, с. 94]. ККМ, как совокупность определённым образом организованных концептов, значительно шире и богаче ЯКМ, поскольку сведения о мире кодируются не только вербально, но и невербально. ККМ – феномен более сложный, чем языковая картина мира, которая вторична по отношению к концептуальной [2, с. 101].

Национальная картина мира (КМ) отражается в семантике языковых единиц через систему значений и ассоциаций: «Слова с особым культурно-специфическим значением отражают не только образ жизни, характерный для языкового коллектива, но и образ мышления» [8, с. 336].

Мы разделяем точку зрения С.Г. Тер-Минасовой, согласно которой «важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передаёт её из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную роль в формировании личности, национального характера,

этнической общности, народа, нации» [11, с. 80].

В совокупности словарный запас отдельного человека, и всего языка в целом, можно обозначить как концептосферу. Наполненность и развитость концептосферы национального языка детерминируются культурой нации и имеют непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере, которая соотносима со всем историческим опытом нации в целом и религией в частности [5].

Среди источников, дающих объективные сведения о национальном характере того или иного народа, С.Г. Тер-Минасова выделяет набор стереотипов, ассоциирующихся с данным лингвокультурным сообществом, где под *стереотипом* понимается «тип, существующий в мире, он измеряет деятельность, поведение и т. д.» [7, с. 147]. Наиболее популярными источниками стереотипных представлений, по С.Г. Тер-Минасовой, являются: 1) разнообразие шуток; 2) национальная классическая и художественная литература; 3) фольклор; 4) национальный язык [11, с. 147]. При этом концепты рассматриваются как элементарные единицы НКМ.

При восприятии объективного мира человек определяет для себя ценностные ориентиры. Всё происходящее вокруг оценивается субъектом на основании дихотомии «добро – зло», «хорошо – плохо», «свет – тьма», т. е. объект действительности рассматривается с точки зрения его соответствия / несоответствия норме.

Приступая к исследованию концепта *life* (*жизнь*) в англоязычной культуре, рассмотрим этимологию

его ключевого слова. «Life – the state of a material complex or individual characterized by the capacity to perform certain functional activities, including, metabolism, growth, reproduction, and some form of responsiveness and adaptation. Life is further characterized by the presence of complex transformations of organic molecules into the successively larger units of protoplasm cells organs and organisms» [15]. *Life* – «existence, lifetime, way of life, condition of being a living thing, opposite of death, property which distinguishes living from non-living matter» [15]. Другие лингвистические словари определяют *life* как «the quality that distinguishes a vital being from a dead body; the fact of act of living; time of existing biography, living form of model; vigour, vivacity etc.» [14]. Таким образом, научное определение концепта *life* (*жизнь*) отличается от наивного, бытового, что подтверждает предположение о том, что данный концепт не имеет стереотипов.

Обратимся к словарю английских фразеологизмов и проиллюстрируем наши наблюдения примерами: *Life is not a bed of roses. Life is not all cakes and ale. Life is not all bear and skittles. Life is not all clear sailing on calm waters. There is a crook in the life of everyone. Life is short and time is swift. It is a great life if you don't weaken. Life is made up of little things* [13].

Культура всегда национальна, принадлежность человека к определённой социуму и объясняет особенности мировосприятия. Для британской нации *life* (*жизнь*) – это понятие неоднозначное, в большинстве случаев связанное с трудностями на пути, с борьбой и со стойкостью в своих убеждениях.



Русско-английский словарь пословиц и поговорок А. Маргулис и А. Холлодной даёт нам следующее представление о приоритетах в Британии:

– *Tolerate others and refrain from trying to direct the way they run their lives* (*Живи и жить давай другим*);

– *Eat, drink and be merry for tomorrow we (you) die* (*Живи не скупись, с друзьями веселись*);

– *While you are alive, and you should be interested in all earthly matters and enjoy life. There is always life for a living one* (*Живой о живом и думает*);

– *No church is so handsome that a man would desire straight to be buried* (*Живой смерти не ищет*);

– *Life is complicated, and the way through is not easy. It is a great journey to life's end* (*Жизнь прожить – не поле перейти*);

– *Don't expect your life to be always easy; accept bad times philosophically. Life has its ups and downs* (*Жизнь протянется – всего достанется*);

– *Life is constantly changing* (*Жизнь – это движение*);

– *Death is the grand leveler* (*Жил – полковник, помер – покойник*);

– *Rely on yourself and make your own decisions in your life and work. Every herring must hang by its own grill. Let each tailor mend his own coat. Let every fox take care of his own coat* (*Живи всяк своим умом да своим горбом*) [6].

Анализ приведённых выше пословиц и поговорок позволяет утверждать, что британская нация самодостаточна. Британцы чтут материальное благополучие наряду с социальным статусом, но при этом не скупы. Британцы живут «сегодняшним днём» и уважают собственный труд. Большинство пословиц и поговорок ука-

зывает на трудности жизни и непрекращающееся движение вперёд, что свидетельствует о значимости самосовершенствования, саморазвития, неустанного преодоления препятствий на пути. Количество фразеологизмов и пословиц, содержащих информацию о праздности и беспечной жизни, значительно меньше.

Для решения поставленной задачи в данной работе представляется необходимым прибегнуть к разного рода экспериментальным методикам, а именно ассоциативному эксперименту (АЭ) и методу прямого толкования слов, предложенными В.П. Беляниным в 2000 г.

Необходимость эксперимента в лингвистике осознавал Л.В. Щерба, который отмечал, что «выводить языковую систему, то есть словарь и грамматику», можно из «соответствующих текстов, т. е. из соответствующего языкового материала» [12]. Его огорчало, что нередко живые языки изучаются как мёртвые, то есть без опоры на факты действительности. По мнению учёного, «построив из языкового материала некоторую отвлечённую систему, необходимо проверить её на новых фактах» [12]. Именно для этого в языкознании разрабатывается ассоциативный эксперимент (АЭ), позволяющий проникнуть глубже в понимание речевой деятельности человека.

Мы проводили свободный АЭ, при котором ограничений в выборе ассоциаций не ставилось. АЭ помогает выявить частотность распределения слов-реакций на слово-стимул. Дополнительным результатом оказывается определение семантической близости между разными словами. Более того, АЭ показывает наличие в значении

слова предмета, обозначаемого словом психологического компонента. Тем самым АЭ позволяет уточнить семантическую структуру слова. Ассоциативное поле у каждого человека индивидуальное. Актуализация той или иной связи зависит от многих факторов, среди которых определяющими являются уровень образования, возраст, географические условия, профессия. Однако принадлежность к определённому народу, культуре делает центр ассоциативного поля достаточно стабильным. В нашем случае респондентами были молодые люди, проживающие на территории Великобритании, в возрасте 19–25 лет. Количество респондентов – 236 человек. Эксперимент был осуществлён при помощи интернет-сетей.

В ходе эксперимента испытуемым предлагается некоторое количество слов и ставится задача написать ассоциации, которые первыми приходят в голову с опорой на указанное слово-стимул (*life*).

Согласно теории В.П. Белянина, методика прямого толкования слов предполагает написание испытуемыми дефиниции изучаемого слова-стимула, что помогает лучше понять внутренний объём содержания искомой ЛЕ.

Методом ассоциативного эксперимента выявлено, что ЛЕ *life* вызывает более 50 ассоциаций. Ввиду обширного разброса мнений установлена система из 10 шагов, т. е. 10 наиболее частотных ассоциаций. К ним относятся: *experience*, *difficulties* – *опыт* (10,2%), *love* – *любовь* (6,1%), *happiness* – *счастье* (5,3%), *family* – *семья* (5,1%), *relationships* – *взаимоотношения* (4,6%), *harmony* – *гармония* (4,1%), *health* – *здоровье* (2,5%), *freedom* – *свобода* (2%),

*struggle* – *борьба* (1,8%), *heartbeat* – *биение сердца* (1,5%), *education* – *образование* (1,8%), *care* – *забота* (1,3%), *job* – *работа* (0,8%). Представляется значимым тот факт, что номенклатура выявленных ЛЕ неоднородна. ЛЕ с нейтральной стилистической окраской стоят в одном ряду с идиоматическими, эмоционально-окрашенными, а следовательно, несущими активную аксиологическую информацию, выражениями, словосочетаниями и фразовыми единицами разного стиля, что, вероятно, связано с неоднородностью изучаемого концепта. Как и сама жизнь, ЛЕ, описывающие её, полны разнообразия. Большинство респондентов пытались предложить собственное определение концепта *life*, ассоциации главным образом представляли собой цепочку имён существительных, описывающих понятие *life*. Малая доля опрошенных называла имена прилагательные в качестве ассоциации (например: *life* – *difficult*, *bright*, *black-white* – *трудная, яркая, чёрно-белая*).

Проанализировав ответы респондентов, обобщив тематику их реакций на слово-стимул *life* (*жизнь*) и применив методику прямого толкования слов, мы установили три наиболее общих определения ЛЕ *life*:

- 1) *life* – **experience**, both positive and negative, difficulties;
- 2) *life* – **family**, love and harmony;
- 3) *life* – **health**, heartbeat, breath, water.

Результаты проведённого эксперимента позволяют предположить, что в сознании современного британца *life* – понятие довольно абстрактное, философское. Большинство опрошенных (72%) трактуют понятие *life*

неоднозначно. Более трети из них (38%) не смогли предложить чёткого определения и ограничились лишь расплывчатыми описаниями. Однако и эти дефиниции дали возможность предположить, что *life* (*жизнь*) понятие многогранное, вечное, не имеющее стереотипов.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
2. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. Изд. 4-е, стер. М.: Академия, 2007. 336 с.
3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1996. 197 с.
5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1993. Т. 52. № 1. С. 3-12.
6. Маргулис А., Холодная А. Русско-английский словарь пословиц и поговорок / Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. McFarland & Company, Inc., Publishers Jefferson, North Carolina, and London, 2000. 487 с.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / 3-е изд., перераб. и доп. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.
8. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.; СПб.: ГПОС-СА/КАРО, 2004. 336 с.
9. Пименова М.В. Предисловие. / Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М.В. Пименовой. Вып. 4. Кемерово, 2004. 208 с.
10. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1101414/> (дата обращения: 10.09.2014).
12. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm> (дата обращения: 10.09.2014).
13. Dictionary of Idioms (Словарь английских фразеологизмов). The University of Birmingham. HarperCollins Publishers, UK., 1997. 493 p.
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Seventh edition. Oxford University Press, 2005. 1780 p. ISBN 978-0-19-4316064.
15. The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 22: Macropaedia. Knowledge in depth. Islam Life / Ed.: Robert P. Gwinn, Peter B. Norton, Philip W. Goetz. 15th ed. Chicago; Auckland; Geneva etc.: Encyclopaedia Britannica, 1989. 1002 p.

УДК 81'373

**Гринеv-Гринеvич С.В.<sup>1</sup>, Сорокина Э.А.<sup>2</sup>**<sup>1</sup>Белостокский университет, Польша<sup>2</sup>Московский государственный областной университет**ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ ПОЗНАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА  
(К 10-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ПОЯВЛЕНИЯ АНТРОПОЛИНГВИСТИКИ)**

*Аннотация.* Статья посвящена десятилетию появления новой науки – антропологической лингвистики. Рассмотрены предпосылки и краткая история её появления. Представлены основные постулаты, проблемы и перспективы дальнейшего развития этой области исследований. Доказывается правомерность изучения мышления человека в его историческом развитии от количества и качества лексики, существующей синхронно изучаемому периоду. Обосновывается «теория двух порядков» и результаты её применения в антропологической лингвистике. Кратко описаны основные достижения и новые направления антропологических исследований

*Ключевые слова:* антропологическая лингвистика, когнитивное терминоведение, этапы эволюции человека, типы мышления, протослова, ремесленная терминология, языковая картина мира.

**S. Grinev-Grinevich<sup>1</sup>, E. Sorokina<sup>2</sup>**<sup>1</sup>Belostock University, Poland<sup>2</sup>Moscow State Regional University**LANGUAGE AS MEANS OF STUDING HUMAN COGNITIVE PROCESS  
AND EVOLUTION (TO THE 10TH ANNIVERSARY OF ANTHROPOLOGICAL  
LINGUISTICS AS A SEPARATE BRANCH OF SCIENCE)**

*Abstract.* This article is dedicated to the 10th Anniversary of emergence of a new science – anthropological linguistics. It contains pre-requisites and the short history of its emergence. Main postulates, problems and perspectives in further development are presented and discussed. It is proved that evolution of human mentality may be studied on the basis of volume and type of vocabulary used at various stages of human evolution. Hypothesis of hundredfold increase of vocabulary at every stage is formulated. The main achievements and newly established directions of research in the field of anthropological linguistics are also introduced.

*Keywords:* anthropological linguistics, cognitive terminology science, stages of human evolution, types of reasoning, proto-words, professional vocabulary, language picture of the world.

*Существует только один путь реконструкции индоевропейской культуры, дающий надежду на достоверность – это язык.*

(Дож. Мэллори и Д. Адамс [24, p. 106])

В наступившем году исполнилось 10 лет со дня объявления в «Белостокском манифесте» о появлении новой научной дисциплины – антропологической лингвистики. Эта новая наука ставит своей целью исследовать и реконструировать по языковым данным не только историю развития человеческого сознания и мышления, но и историю человеческой культуры, цивилизации. Десять лет – небольшой срок для науки, однако каждый год из прошедших лет открывал новые факты, подтверждающие и уточняющие первоначальные предположения. «Белостокский манифест» (созданный за одну ночь 28 июня) был подписан на международной конференции в конце июня 2004 г. ведущими европейскими терминоведами и языковедами. В их числе Херриберт Пихт, Владимир Моисеевич Лейчик, Сергей Викторович Гринев (Гриневич), Александра Николаевна Лаврова, Любовь Бесекирска, Ян Францишек Носович, Валентина Федоровна Новодранова, Патриция Томас, Татьяна Георгиевна Скопюк и др. В этом же году по материалам конференции вышел том статей – “Language and Culture”, связанных с новым направлением лингвистики.

В следующем 2005 г. – сначала небольшим тиражом (50 экз.) – вышел первый учебник по основам антропологической лингвистики, который разошёлся в течение недели и в том же году был переиздан. В нём определены предмет, цель и задачи, основные теоретические положения, направления и проблематика

новой науки, её место в кругу смежных наук, разработаны основные методы конкретных исследований. В учебнике впервые поставлен вопрос о возможности реконструкции эволюции сознания человека на основе лингвистических и, в первую очередь, лексических данных, и был установлен стадийный характер эволюции разума человека, а также указаны основные периоды этой эволюции (прото-человеческий, донаучный, протонаучный, научный).

Антропологическая лингвистика появилась на основе исторического терминоведения, которое сформировалось в конце XX в. Многочисленные исследования истории появления и развития ряда терминологий в различных языках показали, что, во-первых, «практически все исторические изменения в человеческом сознании, развитии культуры и росте знаний отражаются в лексической системе языка. В связи с этим появляется возможность на основе анализа изменений лексической системы определённой области знания получить довольно точное представление об особенностях и закономерностях развития теоретической мысли. Это также даёт возможность реконструировать исторические состояния и тенденции развития культуры» [5, с. 9]. Во-вторых, при исследовании развития терминологий наиболее древних областей знания был установлен факт поэтапного изменения характера их лексики. Начальный период формирования терминологий основывался на

общеупотребительной лексике. В дальнейшем терминологии развивались преимущественно на основе специальной лексики, известной только лицам данной профессии. Заключительный этап отличается преобладанием научных терминов. Этому делению соответствует принятая в истории науки периодизация с выделением донаучного, протонаучного (раннего, примитивно-научного) и научного периодов.

В связи с формированием когнитивного терминоведения, явившегося другой составляющей в становлении антропологической лингвистики, появилась проблема исследования роли терминологии в познании. Познание определяется как высшая форма отражения объективной действительности людьми, представляющая собой процесс формирования знаний, передаваемых от одного поколения к другому. Этот процесс начинается с появлением человека и сопутствует ему на протяжении всего существования его как биологического вида, являясь его определяющим признаком. Поэтому наиболее эффективным способом когнитивных исследований может быть диахронический анализ терминологий, которые могут быть представлены в виде семантических полей. Поскольку *познание* и *мышление*, основанные на использовании языка, являются отличительными особенностями человека как биологического вида, данное направление лингвистических исследований позволяет изучить особенности развития человека в последний период его эволюции (после становления кроманьонского человека). К основным постулатам антропологической лингвистики были отнесены следующие положения:

– исторические изменения харак-

тера познания отражаются в количественном росте и в качественных изменениях используемой лексики;

– качественные изменения словаря в ходе развития сознания от общеупотребительных слов к профессиональной лексике (прототерминам) и далее к терминам отражают ступенчатость познавательных психических процессов сознания человека от общих представлений к специальным представлениям и далее – к понятиям. Между донаучным и научным периодами развития мышления существует переходный этап (протонаучный период), который оперирует ещё не научными понятиями, но уже не общими, а специальными представлениями, наименования которых являются *прототерминами*;

– в ходе развития познания происходит смена исторических типов мышления. Наиболее древний, донаучный, *наивный тип мышления* использует бытовую лексику, основан на здравом смысле и оперирует бытовыми представлениями; *ремесленный тип мышления* также основан на здравом смысле, но оперирует специальными представлениями; современный, *научный тип мышления*, основан на методологии исследований и оперирует научными теориями и системами понятий. Это указывает на поэтапное развитие сознания человека и его эволюции;

– развитие лексики человека в ходе его эволюции характеризуется не только качественными изменениями, но и постоянным ростом объёма словаря. При этом в результате исследования развития старых терминологий установлены расплывчатость и синкретизм (нерасчленённость, характери-

зующая первоначальное, неразвитое состояние) значения наиболее древних слов, являющихся исходными в становлении терминологий;

– развитие познания, а вместе с тем сознания и материальной культуры человечества характеризуется уточнением, специализацией первоначально общих, синкретичных значений слов путём количественного увеличения лексики языков. В определённом смысле развитие цивилизации заключается в снятии синкретизма представлений и значения соответствующих слов;

– предполагается сходство образа мышления человека в различные исторические эпохи с мышлением современного ребёнка. Основные черты начального этапа мышления – наивного мышления у человечества (как они отражаются в древнейших пластах лексики) и у детей – совпадают: предельная широта и расплывчатость значений первых слов, отсутствие строгих научных классификаций. В определённой степени психическое развитие ребёнка сводится к развитию лексических систем, в которых с углублением знаний об окружающем мире и знакомством с новыми словами (увеличением словарного запаса) происходит постоянное уточнение значений уже известных слов и их тематической перегруппировкой. Аналогичные процессы замечены в развитии лексики человека в обозримые исторические отрезки времени. Поскольку умственное развитие каждого отдельного человека повторяет основные черты развития мышления человеческого общества, это даёт возможность понимания особенностей поведения человека в различные исторические периоды (особенно ранние) и определения

степени его умственного развития.

Применение принципа аналогии онтогенеза и филогенеза, т. е. повторения в развитии сознания каждого человека основных черт эволюции человечества, даёт возможность использовать существующую в психологии практику количественного определения степени развития сознания детей по их словарному запасу и применить этот метод для измерения развития сознания человека в давние исторические эпохи. Имеющиеся данные по развитию количественного состава лексики некоторых языков позволяют определить запас лексики в определённые исторические эпохи и сопоставить его с имеющимися в возрастной психологии данными о лексическом запасе среднестатистического человека в определённые периоды его взросления. При соответствии параметров лексических систем можно предположить аналогию мотивов поведения. В учебнике было отмечено явление стратификации ментальностей, т. е. сосуществования в поздние периоды эволюции людей с различным уровнем умственного развития, что представляет собой важную проблему психологии и социологии.

В начале следующего, 2006-го г. вышло третье издание учебника более широким тиражом (500 экз.), а в 2008 г. издательство «Академия» выпустило значительным тиражом (2500 экз.) четвёртое, дополненное издание с таблицей характеристик основных периодов эволюции человека [5]. Одновременно исследователями, работавшими в этом направлении, был подготовлен и опубликован ряд монографий по данной тематике: в 2007-ом и 2010-ом гг. – на русском языке, в 2009 г. вышла

в свет монография на польском языке [22], а в следующем, 2010-ом г. – на английском языке [25]. В то же время в Польше и в России развернулись диссертационные антропологические исследования. В 2005 г. были защищены первые 6 магистерских диссертаций по данной тематике (пять – в Польше, одна – в России), и в этом же году в России была защищена первая кандидатская диссертация по антропологической лингвистике, которая стала предметом гордости Нижнего Новгорода и включена в перечень его достопримечательностей [15]. В последующее время ежегодно защищалось свыше десятка магистерских диссертаций. В 2007 г. в Москве была защищена первая докторская диссертация, связывающая проблемы когнитивного терминоведения и антропологической лингвистики [13], а в 2011-ом – вторая, всецело посвящённая проблемам антропологической лингвистики [18]. В изданных публикациях обсуждались возникающие новые проблемы в связи с постоянным уточнением, расширением и углублением тематики новой науки. Увеличилось число учёных, разделяющих основные положения новой науки – к известным терминоведам, чьи подписи стоят под «Манифестом», добавились имена профессоров Э.А. Сорокиной (Москва, Россия), Л.Б. Ткачевой (Омск, Россия), А. Степановичуса (Вильнюс, Литва), Я. Арабского и Я. Заневского (Катовице, Белосток, Польша), И. Бурлыки (Минск, Беларусь).

При этом каждый год уточнялись понятия новой науки и выявлялись её новые направления в исследовании. Оказалось, что многие основные понятия и характеристики имеют более сложный, комплексный характер, чем

казалось при первом рассмотрении, и нуждаются в дальнейшем анализе и уточнении. Так, хронологическая отнесённость этапов эволюции человека установлена приблизительно и подвержена колебаниям: начало эволюции человека рядом специалистов определено как 14 млн. лет назад; с другой стороны, более осторожные авторы датируют расхождение предков человека и человекообразных обезьян временем в 5 млн. лет назад; появление кроманьонцев, по мнению некоторых авторов, произошло 50 тыс. лет назад; энциклопедия *Британика* предлагает дату 90–100 тыс. лет, а в ряде последних публикаций она относится ко времени 130 тыс. лет назад.

В связи с возможностью количественного определения степени развития сознания человека в давние исторические эпохи по объёму словаря чрезвычайно важным стал вопрос об уточнении объёмов словаря в различные периоды эволюции человека.

С наибольшей уверенностью можно говорить о примерном числе лексем национальных языков **донаучного периода**, основываясь на данных об исторических словарях. Так, согласно авторитетной точке зрения академика Ф.П. Филина, протославянский язык, существовавший в VI–IX в.в н. э. (донаучный период), представлял собой ряд довольно независимых племенных языков, общий лексический фонд которых не превышал 21%, т. е. около 4,5 тысяч слов [16, с. 33–35]. Подобная ситуация была в древнеанглийском языке, представленном рядом независимых диалектов [21, с. 18–22]. К этому следует добавить представление в словарях древнеанглийского языка многочисленных вариантов слов от-



дельными статьями, что сводит число лексем этого периода в английском языке до 5–6 тысяч.

Для конца **протонаучного периода** (первая половина XVIII в.) показательны следующие данные: изданный в 1721 г. словарь Натаниэля Бейли (Nathaniel Bailey) *An Universal Etymological Dictionary* («Универсальный этимологический словарь») содержал около 40 тысяч слов с краткими толкованиями. В.М. Моисеев даёт описание изданий этого периода: «Словарь Бейли обладал несколькими достоинствами. Он продолжил тенденцию, наметившуюся в трудах его предшественника, известного лексикографа XVIII в. Джона Керси (John Kersey), словари которого ориентировались на рядового читателя и включали слова повседневной речи: Бейли так же, как и Керси, отразил в словнике общеупотребительные лексические единицы. Считается, что данный словарь, как и многие другие словари этого периода, послужил рабочей основой для шедевра английской лексикографии периода нормативности – *A Dictionary of the English Language*, словаря доктора Сэмюэля Джонсона (Samuel Johnson), вышедшего в 1755 г. под названием «The Dictionary of the English Language in which the words are deduced from their originals and illustrated in their different signification by examples from the best writers», но известного просто как *The Dictionary of the English Language* <...> Один, пользуясь помощью только шести переписчиков, он (Джонсон) подготовил к изданию словарь объёмом 2,3 тысячи страниц, содержащий около 40 тысяч статей» [9, с. 15–16].

Крупнейший российский словарь конца XVIII в. – 6-томный *Словарь*

*Академии Российской* (1789–1794 гг.) содержал около 43 тысяч слов [2, с. 18]. С учётом довольно интенсивного научного и культурного развития России XVIII в., вынужденной догонять передовые страны Европы того времени, можно предположить, что в первой половине XVIII в. объём национального словаря был в 1,5–2 раза меньше.

Сложнее дело обстоит с определением объёма словаря исторического человека в конце **проточеловеческого периода**. Первоначально предполагалось, что к концу проточеловеческого периода (100 тыс. лет назад) объём активного словаря кроманьонца составлял 150–200 слов при наличии пассивного словаря объёмом 400–500 слов [5, с. 114], однако некоторые специалисты в области антропологии считают, что ранний человек (кроманьонец) имел довольно большой запас слов и словарь его мог содержать 10 тыс. слов: «Ещё сравнительно недавно считалось, что языки наименее развитых групп человечества обладают очень незначительным, едва ли в несколько сотен слов, лексическим запасом и совсем лишены общих понятий. Однако последующее изучение показало, что лексикон даже наиболее отставших в своём развитии племён, например, аборигенов Австралии, насчитывает не менее 10 тысяч слов, т. е. больше, чем содержится в карманном словаре любого европейского языка. Выяснилось также, что хотя эти языки действительно тяготеют к конкретным, детализированным единичным определениям, в них имеются и обобщающие понятия. Так, у аборигенов Австралии есть обозначения не только для различных пород деревьев, но и для дерева вообще; не только для различных видов рыб или

змей, но и для рыб и змей вообще. Однако таких видовых обозначений мало, они употребляются нечасто и, что особенно показательно, не идут дальше классификации среднего уровня. Есть обозначения для дерева, кустарника, травы, но нет обозначения для растения; есть обозначения для рыбы или змеи, но нет обозначения для животного» [11, с. 107].

В то же время в лингвистических публикациях указывается на то, что большинство современных языков австралийских аборигенов содержит несколько сотен слов, объём лексики самого многословного из них едва превышает одну тысячу слов. Дополнительным основанием для сомнения в значительности объёма словаря кроманьонца являются данные о размерах словаря некоторых социальных групп XX в. Ж. Вандриес утверждал, что неграмотному французскому крестьянину начала XX в. нужно для общения всего 300 слов, а проведённые в 1950-е годы И.Н. Гореловым исследования показали, что повседневный словарь неграмотного русского человека составляет не более 500 слов. Поэтому, учитывая ощутимую разницу в обыденных знаниях человека XX в. и исторического человека, жившего 100 тысяч лет назад, следует предполагать, что объём словаря последнего составлял несколько десятков лексических единиц, не превышая 40–50 слов.

Кроме того, маловероятно появление в это время пассивного словаря, хотя этому, казалось бы, противоречат данные словаря современных детей, у которых объём пассивного словаря в среднем в три раза больше активного словаря. В данном случае сопоставление со словарём ребёнка неправомер-

но, поскольку у современных детей пассивный словарь образуется из речи окружающих его взрослых людей, словарь которых намного больше, а у кроманьонцев разница между объёмами личного словаря соплеменников была крайне незначительна, чем и объясняется медленный рост объёма словаря в донаучный период.

Вместе с тем применение принципа аналогии онтогенеза и филогенеза даёт возможность подтвердить предположения о характере лексики кроманьонца, состоявшей из однословных *протослов*. Эта аналогия подтверждается и самим термином «прото-слово», употребляемым независимо друг от друга как специалистами по детской речи, так и исследователями наиболее древних языков для обозначения наиболее ранних лексических форм.

Протослова имели весьма широкое значение, что отчасти сохранилось и в донаучную эпоху вплоть до средних веков, что отмечается исследователями: «... подчеркнём исключительную полисемантичность языка средневекового человека. Все важнейшие термины его культуры многозначны и в разных контекстах получают свой особый смысл. Наглядным свидетельством такой многозначности языка средневековой культуры могут служить популярные в ту эпоху “этимологии” и “суммы”. Умение дать “многосмысленное толкование” одного и того же текста – неотъемлемое качество интеллектуала средних веков. Итак, для того чтобы понять “язык” данной конкретной отрасли человеческой деятельности в феодальном обществе, нужно знать язык его культуры, по отношению к которому этот специальный язык является подчинённым и не конституировавшим-

ся в замкнутую автономную систему. Все профессиональные, отраслевые “языки” постоянно переходят один в другой и значимы постольку, поскольку имеют смысл не только в пределах данного специализированного рода деятельности, но и за этими пределами. Собственно говоря, есть только один язык, одна всеобъемлющая знаковая система, всякий раз особым образом расшифровываемая в зависимости от той сферы человеческой деятельности, к которой она применяется. Не связано ли с этим универсальное господство латыни в средневековой Европе?» [6, с. 15]. Обращает на себя внимание тот факт, что при сравнении словарей проточеловеческого и донаучного периодов объём словаря увеличился примерно на два порядка (в сто раз) – около 40–50 протослов в конце проточеловеческого периода – и 4–5 тыс. слов в конце донаучного периода. Это привело к предположению, что в протонаучный период объём словаря мог составлять 400–500 тысяч слов.

Но при этом необходимо отметить, что академические словари XVIII в. были в десять раз меньше по объёму. Однако в исследованиях О.Н. Трубачева и других учёных было установлено появление ещё в донаучный период «ремесленных терминов», то есть прототерминов [14; 1; 12]. Таким образом, уже в конце донаучного периода словарь был неоднородным и состоял из двух слоёв – общеупотребительной лексики и ранних прототерминов (наименований специальных представлений). Позднее, в протонаучный период объём специальной лексики значительно превосходил объём общеупотребительного словаря и к концу периода достигал нескольких сот ты-

сяч слов.

В.Д. Бондалетов приводит следующие данные: «Насчитывают десятки тысяч профессий, и у каждой свой “язык”, точнее, лексическая система. Количество профессионализмов зависит от степени развитости и специализации соответствующего производства; так, только в отделочном цехе текстильного производства более 10 видов машин (*красильная, отбивная, стригальная* и др.); у немецких плотников отмечено 6 типов топоров, 5 – молотков, 10 – пил, 22 – рубанка; русские коневоды знают более 40 мастей лошади (вороная, соловая и др.), около 20 аллюров (*рысца, хлынь, иноходь* и др.)» [3, с. 70–71]. Часть такой специальной лексики попадала в академические словари. Так, в Словаре Академии Российской из 43 тыс. слов [8, с. 18] около 3030 слов принадлежало специальной лексике – лексике ремёсел (около 1150 слов) и ремесленным терминам – около 1900 слов [8, с. 90]. Следовательно, объём словаря развитых языков в конце протонаучного периода увеличился также на два порядка.

В **научный** период, в середине XX в., объём словаря с учётом специальной лексики – прототерминов, научной терминологии и номенклатурных наименований, – составлял уже около 40–50 млн. лексем, что также на два порядка больше, чем в предшествующий период. Замеченное соотношение объёмов словаря в различные эпохи развития сознания получило условное наименование «тенденция двух порядков».

Сопоставление характеристик установленных стадий развития сознания позволило сформулировать в 2007 году ещё одно предположение. Замече-

на тенденция к сокращению длительности последующих стадий развития сознания (10 млн. лет – 100 тысяч лет – 1,5 тысячи лет), в соответствии с которой научная стадия должна измеряться сотнями лет. Тогда можно предполагать, что незаметно для себя мы сейчас входим в новую стадию (условно говоря, **постнаучную**). Если при этом учесть тенденцию к возрастанию объёмов лексики на два порядка, что было достигнуто в середине XX в., то это предположение подтверждается и данными об объёме современного словаря. Объём специальной лексики в настоящее время составляет несколько сотен миллионов наименований: согласно *Википедии*, в биологии число известных видов превышает 100 миллионов, по данным *Инфотерма* (Международного центра информации по терминологии) 2013 г. количество производимых в настоящее время в мире изделий составляет около 200 млн. наименований; если к этому добавить терминологии других областей знания и прототерминологии, то, возможно, современный объём лексики в наиболее развитых языках может превышать триста миллионов наименований. При этом для последней (новой) стадии характерен новый вид специальных лексем – названия единичных понятий – *номены*, число которых в тысячи раз больше числа терминов.

Более сложным, по сравнению с определением словаря языка, является определение объёма словаря среднего человека. В наиболее ранний период этот объём практически совпал с объёмом языка, и единственной проблемой является установление объёма жизненно необходимых слов, из которых должен был состоять такой

словарь. Разница между словарным запасом наименее развитых и наиболее развитых членов племени, по видимому, не существовала или была незначительной; не было и различия между активным и пассивным словарём в силу отсутствия последнего. В течение донаучного периода отсутствие этой разницы было причиной медленного роста объёма словаря. Только в позднейшее время с развитием культуры рост индивидуального словаря наиболее развитых, грамотных людей значительно ускорился, и к появлению первых цивилизаций его объём мог составлять около одной тысячи слов. В связи с появлением письменности, по видимому, появилась и разница между образованным и необразованным человеком, а также между активным и пассивным словарём человека, и эта разница продолжала со временем увеличиваться.

В последующие периоды с появлением и развитием ремёсел, а затем – и наук, начинается расслоение общества, приводящее к сосуществованию людей с различными уровнями умственного развития и различными типами мышления. Вместе с тем появляется и постоянно растёт разница в объёме словаря индивида и нации. Сложность в установлении степени умственного развития человека в различные исторические периоды увеличивается с формированием ремесленного, а затем научного мышления, что требует определения активного и пассивного словаря людей двух, а затем трёх различных уровней развития и типов мышления.

Помимо активного и пассивного словаря, а также формирования различных терминологий, значимым понятием в данном контексте является

*тип лексем.* В последнее время появились основания предполагать, что каждому этапу эволюции мышления человека соответствует определённый тип лексических единиц: проточеловеческому – протослова, донаучному – обычные, общеупотребительные слова, протонаучному – прототермины, научному – термины, постнаучному – номены. Вместе с тем замечено, что в каждый период начинают появляться лексемы, типичные для последующего этапа: в проточеловеческий период – первые слова, в донаучный период – прототермины (называемые О.Н. Трубачевым *ремесленными терминами* [14]), в протонаучный период – первые термины и терминологии, а в постнаучный период – первые системы номенов.

Поскольку в терминоведении установлено, что каждый тип лексем обозначает определённый тип единицы мышления, переход от одного типа лексем к другому способен отразить отношения между различными типами мышления. Конечно, эти различия не сводились только к типам мышления, а отражались и в эмоциях, и в поведении людей отдалённых эпох, что не всегда понимается современными исследователями. Как отмечает Ж. Дюби, «прежде историки не задумывались над тем, что психологические особенности людей далёких эпох существенно отличались от психологии современного человека, что чувства, эмоции, ценностные системы тоже имеют свою историю, и приписывали своим героям те желания и реакции, которые в аналогичных ситуациях проявили бы они сами» [7, с. 20].

Сходные мысли высказывает и отечественный историк средневеко-

вой культуры А.Я. Гуревич: «Понять культуру прошлого можно только при строго историческом подходе, только измеряя её соответствующей ей меркой. Единого масштаба, под который можно было бы подогнать все цивилизации и эпохи, не существует, ибо не существует человека, равного самому себе во все эти эпохи. Между тем именно убеждения, что человеческая природа, и в частности психология, представляет собой константу на протяжении всей истории, придерживались даже крупнейшие историки XVIII и XIX вв.. Исходным пунктом своих “Всемирно-исторических размышлений” Я. Буркхардт избрал человека, “каков он есть и каким он всегда был и должен быть”. В итоге современный западноевропейец подставлялся на место человека иных времён и культур» [6, с. 11].

Сравнительно недавно появилась возможность добавить в характеристику основных периодов эволюции мышления и сознания ещё один параметр – *отношение к используемому языку*, в первую очередь – *к словарю*.

Можно предположить, что в наиболее ранний период язык не был объектом рефлексии первобытного человека. В донаучный период слова наделяются магической силой и требуют осторожного отношения. В протонаучный античный период не мыслилась возможность сознательного изменения слов, вероятно имевших божественное происхождение. Можно было только предлагать наименования для новых вещей, как это делали античные философы, а в новое время также предлагать переводы латинских терминов на национальные языки. При этом первые прототермины по фор-

ме не отличались от общей лексики. В данный период слова только собираются и регистрируются в словарях. Лишь в научный период с разработкой теории терминоведения появляются методы упорядочения специальной лексики, однако терминологическая работа в основном сводилась к устранению явных недостатков терминов. И, наконец, в постнаучный период появляются возможности контролирования лексики и сознательного регулирования развития терминологий, что может стать центральным направлением в языковой корпусной политике и планировании.

Наряду с вышеуказанными параметрами нельзя не выделить связь с историческими типами культуры. Замечено соответствие между типами культуры и основными этапами эволюции:

– проточеловеческий период связан с культурой охоты и собирательства, характеризуемой случайным характером добычи;

– в донаучный период формируется ранняя сельская культура с переходом на осёдлый образ жизни и более стабильным существованием;

– в протонаучный период происходит становление цивилизации (городской культуры);

– научному периоду сопутствует индустриальная культура.

Есть основания предполагать, что в постнаучный период определяющей становится информационная культура.

Важный параметр характеристики этапов эволюции познания – предтечи антрополигвистики. Основные положения новой науки были сформулированы 10 лет назад. Однако возмож-

ность исследовать развитие культуры, мышления и в целом эволюции человека на основе истории развития лексики языка была замечена достаточно давно.

Ещё в XVII в. автор вышедшего в 1678 г. *Словаря средневековой латыни* («Glossarium ad scriptores mediae et infimae») Шарль дю Фресп дю Канж (Charle Du Fresne du Cange) обнаружил, что средневековая латынь отличалась от языка древних римлян. Он пришёл к выводу, что анализ новых слов, появившихся в средневековье, даёт возможность познать обычаи и повседневную жизнь этого периода [20, с. 11–12].

Отражение словарём уровня знаний было замечено в середине XIX в. и в России: в работе «Антропологический принцип в философии» Н.Г. Чернышевский пришёл к утверждению о том, что «... состав лексикона соответствует знаниям народа» [17].

В начале XX в. австрийский языковед Гуго Шухард положил начало направлению лингвистических исследований, получившему название «слова и вещи». Суть этого направления заключалась в необходимости комплексного изучения слова и обозначаемой им вещи в их развитии [10, с. 155–156], т. е. утверждалось, что история слов одновременно является историей культуры и их невозможно понять в отрыве друг от друга.

В начале 1930-х гг. немецкий лингвист Йост Трир впервые применил метод семантического поля к исследованию истории развития немецких слов, относящихся к понятию «разум». Применение этого метода стало весьма популярным, о чём свидетельствует перечень из 479 защищённых диссер-

тационных исследований, посвящённых истории развития слов и терминологий, и 110 работ, посвящённых семантическим полям [4, с. 293]. Во множестве публикаций, касающихся Й. Трира и метода семантических полей, включая монографии и лингвистические энциклопедии, содержится много критических замечаний к положениям теории Трира, но практически нет информации о существовании его анализа. В исследовании, проведённом Й. Триром и его учениками, сопоставляется состояние немецкой лексики семантического поля «ум, знания» в начале XIII и XIV вв.. Согласно Й. Триру, в начале XIII в. это поле включало три слова: *wisheit*, *kunst* и *list*. Первое из них означало 'знания, в первую очередь – религиозные', и имело наиболее общее значение, разновидностями которого были два других. Слово *kunst* имело значение 'рыцарские умения, придворные манеры', а *list* – 'обыденные умения, сноровка'.

Спустя сто лет это поле коренным образом изменилось, хотя его по-прежнему составляли три слова: слово *wisheit* сузило своё значение и стало означать только 'религиозное, мистическое знание'; слово *kunst* изменило своё значение и стало значить 'искусство'; а слово *list*, получившее негативные коннотации 'уловка, мошенничество' и 'применение чёрной магии', исчезло из употребления. Вместе с тем в поле появилось слово *wizzen* с общим значением 'знание', включавшим значения двух других слов. Таким образом, произошли резкие изменения в структуре поля и в значениях составляющих его слов, что указывало на начало кризиса феодальной системы, приведшего к разделу Германии на множество мел-

ких государств, и на снижение престижа религиозных знаний.

Исследование Й. Трира показало возможность использования данных об исторических изменениях словаря для исследования и реконструкции процесса развития культуры и мышления. К сожалению, этот наиболее значительный результат его работы не получил должного внимания, и последующие многочисленные диахронические исследования подобного рода носят преимущественно описательный характер без попыток осмысления и интерпретирования полученных фактов.

В начале 60-х гг. XX в. возможность использования данных об исторических изменениях лексики для изучения развития мышления заинтересовала учёных смежной науки – истории. В одном из первых программных сочинений по истории ментальностей виднейшего французского медиевиста Жоржа Дюби – статье «История ментальностей» автор отмечает: «История ментальностей не может развиваться без помощи лексикологов. Они могут дать ей фундаментальные данные – например, перечни слов, употреблявшихся в ту или иную эпоху. Задача истории ментальностей – выявить вербальные констелляции, отражающие главные сочленения коллективного сознания. Необходимо рассмотреть изменения словаря, установить потери, приобретения и трансформации в значении слов и выявить связь этих изменений с колебаниями в сфере ментальностей» [7, с. 20].

С 80-х гг. XX в., когда одним из ведущих направлений лингвистических исследований стала когнитивная лингвистика, изучающая роль языка в по-

знании, в ней выделилось несколько течений, одно из которых связано с исследованиями языковой картины мира. Понятие «языковая картина мира» было введено в научную терминологическую систему Л. Вайсгербером под влиянием идей Й. Трира. Согласно *Википедии*, **языковая картина мира** – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира [19]. По Л. Вайсгерберу, языковая картина мира – это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка. Она способствует закреплению языкового и культурного своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка; существуя в своеобразном самосознании языковой общности, она передаётся последующим поколениям через мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатлённые средствами языка. Картина мира языка является его преобразующей силой, формирующей представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка. С одной стороны, она есть следствие исторического развития этноса и языка, а с другой – является причиной своеобразного пути их дальнейшего развития [19]. С учётом близости теоретических воззрений Й. Трира и Л. Вайсгербера можно предполагать, что языковую картину мира последний представлял в виде совокупности семантических полей, то есть прежде

всего на лексическом уровне языка.

В исследованиях языковой картины мира, наиболее активно ведущихся с начала 80-х гг. прошлого в., достаточно большое внимание уделяется лексике, но при этом их недостатком является статичный аспект рассмотрения [23, с. 9, 25]. По-видимому, это вызвано высокой трудоёмкостью попытки диахронического исследования всей лексической картины мира выбранного языка или даже сопоставления ряда исторических синхронных срезов лексики языка.

Этот недостаток преодолевается другим направлением исследований – антрополингвистикой, при котором картина мира разбивается на фрагменты – семантические поля, исследуемые с учётом диахронии.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Аджишвили Ш.Д. Древнеанглийская ремесленная терминология: дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 165 с.
2. Баскаков В.Н. Академия Российская // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 18–19.
3. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
4. Гринев Гриневич С.В., Гринева В.П., Минкова Л.П., Скопюк Т.Г. Указатель терминологических диссертаций. Белосток, М., 2006. 750 с.
5. Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Скопюк Т.Г. Основы антрополингвистики: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 128 с.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
7. Дюби Ж. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / Сост.



- Е.М. Михина. М.: РГГУ; Институт всеобщей истории РАН, 1996. С. 18–21.
8. Замкова В.В. Специальная лексика в Словаре Академии Российской (лексика ремёсел) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Ленинград: Наука, 1980. С. 90–101.
  9. Моисеев М.В. Лексикография английского языка: учебно-методическое пособие: для студентов специальностей 022900 «Перевод и переводоведение» и 022600 «Теория и методика преподавания иностранных языков». Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 92 с.
  10. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки о языке: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2008. 376 с.
  11. Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1982. 223 с.; ил.
  12. Сквайрс Е.Р. Ремесленная терминология в древней Германии: дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 158 с.
  13. Сорокина Э.А. Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения): дис. ... докт. филол. наук. М., 2007. 356 с.
  14. Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М.: Наука, 1966. 231 с.
  15. Фадеева Л.Ю. Антропологическое исследование явления реверсивности в специальном поле: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 230 с.
  16. Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. М.: Наука, 1984. 175 с.
  17. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии. 1860 // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: [http://az.lib.ru/c/chernyshewskij\\_n\\_g/text\\_0430.shtml](http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0430.shtml) (дата обращения: 05.10.2014).
  18. Чернышова Л.А. Антропологические аспекты современной отраслевой терминологии (на материале терминологии железнодорожного транспорта): дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 346 с.
  19. Языковая картина мира // Википедия (Свободная энциклопедия). [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%F2%E8%ED%E0\\_%EC%E8%F0%E0](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%F2%E8%ED%E0_%EC%E8%F0%E0) (дата обращения: 05.10.2014).
  20. Bartlett, Robert. *Panorama sredniowiecza*. Warszawa: Arkady, 2002. 336 s.: il.
  21. Fisiak, Jacek. *An Outline History of English. Volume One: External History*. Poznań: Kantor Wydawniczy SAWW, 2000. 174 p.
  22. Griniewicz, Sergiusz i in. *Antropolingwistyka (nova nauka XXI wieku) / Sergiusz Griniewicz, Jan Zaniewski, Tatiana Skopiuk, Elwira Sorokina*. Białystok: WSiFiZ, 2009. 130 p.
  23. Mackiewicz J. *Słowo o słowie. Potoczna wiedza o języku*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. 2002. 165 s.
  24. Mallory J.P. and Adams D.Q. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 760 p.
  25. Zhadeyko, Marina. *Anthropolinguistic Aspect of English Polysemy / Marina Zhadeyko*. London: Lulu Enterprises, 2010. 98 p.

УДК 811

**Жарова (Фёдорова) А.В.***Московский государственный областной университет***ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА  
СОТРУДНИКА БАНКА**

*Аннотация.* В статье раскрывается содержание понятия «профессиональная картина мира» (ПКМ) в аспекте продуцирования ПКМ сотрудником банка как профессиональной языковой личностью. Исследуется языковая личность сотрудника банка с позиции овладения и усвоения ею языкового материала для приобретения соответствующего опыта в процессе своей профессиональной деятельности. Особое внимание уделяется специфике речемыслительного процесса сотрудника банка. Рассматриваются особенности формирования языковой личности, работающей в банковской сфере.

*Ключевые слова:* профессиональная языковая картина мира, языковая личность, профессиональная языковая личность, профессиональный тезаурус, сотрудник банка.

**A. Zharova (Fedorova)***Moscow State Regional University***THE PROFESSIONAL LINGUISTIC WORLDVIEW OF A BANK OFFICER**

*Abstract.* The paper discusses the concept of the «professional linguistic worldview» and the way it is represented by a bank officer as a professional linguistic personality. The article also analyses linguistic personality of a bank officer from the perspective of acquiring and mastering the language required to gain professional experience. Special attention is paid to the characteristics of bank officer's speech-and-thought process. The specific characteristics of development of a linguistic personality in banking are studied.

*Key words:* professional linguistic worldview, linguistic personality, professional linguistic personality, professional vocabulary, bank officer.

Одним из основополагающих понятий современной лингвоантропологии является понятие *профессиональной картины мира* – явление, в котором закрепляются представления людей о феноменах и процессах, связанных с их профессиональной деятельностью.

Отражая в языке понятия, представляющие определённую отрасль знаний, *профессиональная языковая картина мира* определяется как «национальная форма выражения едино-

го содержательного инварианта профессионального знания» [13, с. 15]. Ядро совокупности языковых единиц, формирующих профессиональную языковую картину мира, составляют термины, периферию – профессионализмы, терминоиды, прототермины и т. д.

Идея о профессиональной языковой картине мира напрямую связана с такими понятиями, как «профессия», «профессиональная коммуникация», «профессиональный дискурс», «про-

© Жарова (Федорова) А.В., 2014.

фессиональная среда», «профессиональная картина мира» (далее – ПКМ), «профессиональная языковая личность».

Касаясь вопроса освоения человеком профессии, учёные полагают, что «процесс вхождения молодого человека в избранную им профессию – не только приобретение соответствующих трудовых навыков и умений, но и активное личностное становление, принятие профессии, вживание в неё» [2, с. 127]. Приобретая профессию, языковая личность получает некоторые акценты восприятия и отражения объектов и ситуаций. Такое особое видение окружающего мира называется «миром этой профессии» [2, с. 128].

Исследователи отмечают, что профессиональное сознание представителей того или иного рода деятельности проявляется на двух уровнях: *первый уровень* содержит теоретическое системообразующее сознание, которое сформировано системой научных понятий, теоретических суждений и концепций, связанных с данным ремеслом; *второй уровень* представляет собой обыденное сознание, выраженное в форме массовых эмпирических знаний, полученных в результате практического освоения действительности, то есть в форме стереотипов [9, с. 29].

Необходимо отметить, что ПКМ включает в себя компонент самопроектирования личности в профессиональном плане, а именно формирование профессиональной Я-концепции, образ которой стоит на одном уровне с такими компонентами, как ценностные ориентации, мотивация. Говоря о Я-концепции, следует отметить, что она включает в себя собственно Я (Я-реальное) и Я-перспективное

(Я-идеальное), на которое ориентировано Я-реальное. Я-реальное – более или менее реалистичное представление личности о себе, о том, «какая она есть». Я-перспективное (идеальное) – модель, в которую может быть преобразовано Я-реальное в процессе реализации определённых потребностей. Человек в процессе профессиональной идентификации определяет Я-реальное (*какой я сейчас*) и Я-идеальное (*каким я буду*) [9, с. 31]. Логическим итогом развития самосознания личности в ходе самореализации может стать построение «микробраза» ПКМ, который включает профессиональный тезаурус, профессиональные навыки, профессионально значимые качества личности.

Профессиональная языковая картина мира сотрудников банков представляет собой постоянно развивающуюся, регламентированную лексико-семантическую систему, которая выступает репрезентантой взаимодействия социально-культурного контекста и профессиональной деятельности. Объект профессиональной языковой картины мира банковской сферы включает языковые и речевые единицы, привлечённые из ряда терминосистем других научных и официально-деловых областей (инвестиционно-кредитная сфера, страхование, финансы, бухгалтерское дело и т. д.). Субъект – это само понятие «профессиональная языковая личность», т. е. личность, оцениваемая в русле деятельностного подхода, постигающая и постигшая «профессиональный язык, профессиональный тезаурус и следующая стереотипам профессионального поведения» [11, с. 8]. По мнению Е.И. Головановой, *профессиональная*

*личность* реализуется через совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, его идей, ценностей, взглядов, потребностей, интересов и моральных убеждений [6, с. 472].

Однако полное представление о профессиональной личности специалиста невозможно сформировать без изучения её как *языковой личности*, которую характеризует особая организация и механизмы речевой деятельности в конкретной профессиональной сфере.

Понятие *языковой личности* вошло в научный обиход относительно недавно. Его зарождение связано с развитием когнитивно-коммуникативного подхода в современной лингвистике. Первое обращение к *языковой личности* указано В.В. Виноградовым, который, рассматривая проблемы индивидуального в языке, отмечал, что Бодуэна де Куртенэ «интересовала языковая личность как вмещище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [5, с. 61]. Однако особый интерес к данному вопросу в отечественном языкознании проявился только в 80-х гг. XX в.. Так, одна из первых дефиниций рассматриваемого понятия была дана Г.И. Богиним, по мнению которого *языковая личность* – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [3, с. 3].

Большой вклад в разработку теории языковой личности внёс Ю.Н. Караулов. Он определяет языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливаю-

щих сознание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определённой целевой направленностью» [8, с. 3]. Исходя из данного определения, можно утверждать, что речь – это один из ключевых процессов речемыслительной деятельности носителя, характеризующий его как языковую личность. В работе «Русский язык и языковая личность» Ю.Н. Караулов выделяет основные параметры репликационной структуры языковой личности, которая подразумевает:

1) вербально-семантический уровень, элементами которого являются слова, грамматические, парадигматические, семантико-синтаксические, ассоциативные структуры, модели словосочетаний и предложений;

2) тезаурусный уровень, отражающий картину мира, иерархию смыслов и духовных ценностей для людей, говорящих на одном языке, определяемый национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией;

3) мотивационно-прагматический уровень, включающий устойчивые коммуникативные потребности и коммуникативные черты, порождаемые целями и мотивами [7, с. 2].

Ю.Н. Караулов подчёркивает многогранность, многоаспектность и в то же время целостность рассматриваемого понятия. Языковая личность является неким стержневым центром длиной в жизнь, который окружён множеством аспектов: лексикон индивида, стереотипные сочетания, вербальная сеть, морально-нравственные интенции, мотивы и потребности.

Несмотря на то, что все три уровня являются важными для функционирования профессиональной языковой личности, мы полагаем, что именно мотивационно-прагматический аспект, характеризующий сферу желаний, интересов и стремлений, является значимым для нашего исследования, так как на этом уровне лучше всего проявляются черты языковой личности. Мотивационные механизмы профессионального общения во многом строятся на эмоционально-языковых аспектах. Так, по словам Ю.Д. Апресяна [1], А. Вежбицкой [4], В.И. Шаховского [12] и др., коннотативный компонент языковых единиц – эмоции – являются значимым фрагментом языковой картины мира и проявляются в «эмотивности», т. е. свойстве языка выражать переживания, чувства человека. Система коммуникативных ролей, целей, установок управляет личностью в процессе коммуникации. Любое высказывание обладает сложной интенциональной структурой. Все интенции, возникающие при осознании индивидом речевых произведений, речевой ситуации в целом, стремятся к определённым её компонентам: к субъекту речи – экспрессивы, к адресату – директивы, к субъекту и адресату в их взаимосвязи – декларативы, к предмету сообщения – репрезентативы.

Исследование образа-концепта «человек» в профессиональной сфере заключается в описании языкового образа человека через призму профессии, что значит сопоставить языковую сущность человека с результатом его работы.

Любой вид трудовой деятельности рассматривается как важнейший

институт социализации личности. Профессионализация человека невозможна без овладения специальными языком и речью, как основными регуляторами профессиональной деятельности. Осваивая определённую профессию, человеческое сознание формируется за счёт языка профессии. Язык является неким инструментарием, помогающим понимать и воспроизводить экстралингвистическое предметно-специальное содержание.

Итак, *профессиональная языковая личность* сотрудника банка – это кумулятивный языковой образ личности, который формируется и воплощается в процессе осуществления профессиональной деятельности работников сферы финансов.

Профессиональный тезаурус сотрудника банка детерминирован, *во-первых*, рядом единиц вербально-ассоциативной сети, *во-вторых*, идеями, концептами, складывающимися в единую систему ценностей, *в-третьих*, значениями, которые передаются в процессе коммуникации людей (то есть значение говорящего; значение, интерпретированное слушателем; контекстуальное значение и др).

Ключевыми критериями культуры речи сотрудника современного банка являются *точность, ясность, нормативность*. При этом речевое поведение включает не только определённый тезаурус, грамматику, но и коммуникационные стратегии в условиях служебного общения: владение культурой мышления, формирование эффективного общения, способность организовать деятельность малой группы, созданной для реализации конкретного экономического проекта. Формирование высокого уровня рече-

вой культуры определяет успешность выполнения должностных обязанностей, а также напрямую отражается на главном экономическом показателе – прибыли.

Речевая компетентность (компетентность) сотрудников банков заключается в умении логично и ясно донести информацию, в использовании правильных речевых приёмов для привлечения внимания аудитории. Более того, речевая компетентность включает технику речи (темп, дикция, речевые ошибки). Под *компетентностью* (компетенцией) мы подразумеваем «квалификационную характеристику индивида, взятую в момент его включения в деятельность» [14]. Мы осознанно объединяем понятия «компетентность» и «компетентность» для того, чтобы избежать терминологической путаницы. Стоит отметить, что другим главным критерием профессиональной речевой компетенции является знакомство и употребление профессиональной терминологии соответствующей профессиональной культуры.

Высокий уровень профессиональной речи позволит профессиональной языковой личности оставаться конкурентоспособной на рынке труда, адекватно действовать в различных социально-экономических условиях, активно участвовать в деловых переговорах.

Представляется важным подчеркнуть, что для профессиональной деятельности в банковской сфере, безусловно, характерны ряд особенностей, присущих только ей и влияющих на формирование языковой личности представителей настоящей профессии. Рассмотрим их более подробно:

1. Банковская деятельность стро-

ится на определённой структуре, которая задаёт детальную регламентацию любой деятельности. Структура банка включает следующие элементы: субъект (банк), объект (клиент), цели (динамическое развитие, нацеленное на увеличение капитализации, постоянное расширение клиентской базы и т. д.), функции (аккумуляция свободных денежных средств), методы (финансовый анализ).

2. Имманентность к финансовой сфере, подразумевающая соблюдение правовых основ деятельности банков.

3. Наличие профессиональной ментальности, которое обусловлено воздействием на мышление человека, его поведение и отношение к миру, сформированное профессиональной деятельностью. Профессиональная ментальность работника банка находится под влиянием таких должностных обязанностей, как внутренняя политика, навык стратегического планирования, хорошее знание нормативных, методических, инструктивных материалов, и мн. др.

В контексте профессиональных отношений Д.В. Оборина подчёркивает *групповой* характер ментальности и предлагает следующие компоненты профессиональной ментальности: профессиональные социальные установки, мотивы, ценностные ориентации, особенности восприятия профессионально значимых объектов, поведение по отношению к ним [10, с. 7–8].

4. Профессиональные ценности, основанные на ответственности, компетентности, новаторстве и корпоративной солидарности.

Таким образом, есть все основания полагать, что понятие *профессиональ-*

ной языковой личности подразумевает идеальную динамическую модель и многофункциональную систему, владеющую профессиональными компетенциями, навыками, предпочтениями. Её моделирование связано с социокультурными, гендерными, а также национальными особенностями.

Профессиональная речь сотрудника банка с точки зрения языковой личности представляет собой множество единиц разных уровней языковой системы (коммуникативно-компетентностного и лингвокогнитивного) и функциональных разновидностей языка: специальная финансовая терминология, средства официально-делового стиля со стандартными клишированными выражениями, элементы разговорной речи.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Русская языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
2. Артемьева Е.Ю., Вяткин Ю.Г. Психосемантические методы описания профессии // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 127–133.
3. Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. ... докт. филол. наук. Л., 1984. 44 с.
4. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
5. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
6. Голованова Е.И. Анализ взаимодействия когнитивных и языковых структур при изучении профессиональной языковой личности // Когнитивные исследования языка. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М.; Тамбов, 2011. С. 472–482.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
8. Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3–11.
9. Миронова С.П. Профессиональная сфера в концептуальной картине мира Педагогический журнал Башкортостана. 2012. №3. С. 27–32.
10. Оборина Д.В. Становление профессиональной ментальности педагогов и психологов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Психол. ин-т РАО. М., 1992. 20 с.
11. Солнышкина М.И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2005. 53 с.
12. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
13. Чернышова Л.А. Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы: монография. М.: МГОУ, 2010. 206 с.
14. Эльконин Б.Д. Педагогика развития: проба как конструкт образовательной системы // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление. Красноярск: КрасГУ, 2003. С. 1–20.

УДК 81'42

**Зверева П.П.***Московский государственный областной университет***СЕНТИМЕНТ-АНАЛИЗ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ ТЕКСТОВ  
ГАЗЕТЫ «THE NEW YORK TIMES» О РОССИИ И РОССИЯНАХ)**

*Аннотация.* В статье исследуется эмоциональная оценка текста, в частности эмоциональная оценка текстов средств массовой информации. Рассматриваются такие понятия, как медиатекст, медиалингвистика, тональность (сентимент) текста. Проводится сентимент-анализ фрагментов печатных статей одного из ведущих изданий США, извлечённых из корпуса методом текстологического анализа и по ключевым словам. Полученные в результате сентимент-анализа данные сравниваются с результатами анкетного опроса, проведённого среди группы респондентов.

*Ключевые слова:* тональность, сентимент-анализ, медиатекст, медиалингвистика, средства массовой информации.

**P. Zvereva***Moscow State Regional University***SENTIMENT-ANALYSIS OF TEXT (TEXTS ABOUT RUSSIA AND THE  
RUSSIANS FROM THE NEW YORK TIMES)**

*Abstract.* The research of text affective evaluation, particularly the affective evaluation of Mass Media texts is described in the article. The concepts of media text, mediallynguistics, and text sentiment are reviewed. The paper offers a sentiment-analysis of one of the US leading newspapers text fragments which were extracted from text corpus by means of textual analysis and key words. Received data are compared with the results of survey that was conducted among Russian-speaking respondents who can speak English.

*Key words:* sentiment, sentiment analysis, media text, mediallynguistics, Mass Media.

В современном обществе человек узнаёт о происходящих в мире событиях, в основном, благодаря средствам массовой информации. СМИ оказывают влияние на способ мышления человека, его мировоззрение, поэтому с ними непосредственно связана проблема воздействия языка на мышление и поведение человека. Сегодня СМИ можно назвать источником и проводником коллективного знания, при этом они никогда не остаются индиф-

ферентными по отношению к тому, что освещают.

Изучением текстов СМИ занимаются такие сравнительно новые направления языкознания, как медиалингвистика (изучает языковые явления, сочетающие в себе разные семиотические коды, характерные для функционирования языка в сфере массовой коммуникации [1, с. 27–32]) и имагология – дисциплина, занимающаяся изучением образов «других», «чужих» наций, стран, культур, ино-



родных для воспринимающего субъекта [4, с. 31].

Известно, что СМИ в целом и медиатексты в частности обладают способностью влиять на массовое сознание реципиентов, создавать в их сознании определённые образы объектов, людей и даже стран [2, с. 29]. Сегодня авторы и редакция различных печатных изданий выступают в роли манипуляторов, формирующих общественное мнение, создавая тексты, в которых они «нужным» для себя способом освещают мировые события и создают «нужную» им картину мира. В результате у реципиентов складывается определённое представление о той или иной стране, её руководителях и жителях. Тем самым, образ страны продуктивно создаётся языковыми средствами СМИ. Авторы печатных текстов активно прибегают к использованию различных приёмов с целью создания нужной картины того или иного события в сознании реципиента, в нашем случае – читателя.

В этом контексте большой интерес представляет изучение тональности текстов СМИ. *Тональность текста* – это эмоциональная оценка, выраженная в данном тексте [3, с. 511]. Анализ тональности текста позволяет извлекать из текста эмоционально окрашенную лексику и получать представление об эмоциональном отношении авторов к объектам, о которых идёт речь в тексте, что, по нашему мнению, влияет на формирование определённого образа у реципиентов.

*Анализ тональности текста (сентимент-анализ, англ. sentiment analysis)* – это область компьютерной лингвистики, которая занимается изучением мнений и эмоций в тексто-

вых документах и представляет собой совокупность методов, рассчитанных на автоматическое выявление эмоциональной оценки (*тональности, или сентимента*), выраженной в тексте. Такой анализ позволяет охарактеризовать эмоциональную окраску текста – положительную, отрицательную или нейтральную, выявить субъект и объект этого текста. Сентимент-анализ находит практическое применение в различных областях знаний (социологии, политологии, маркетинге и пр.)

Существует значительное число систем автоматической оценки эмоциональной окраски текста, базирующихся на различных методах (метод, основанный на правилах; метод, основанный на словарях; машинное обучение с учителем; машинное обучение без учителя; гибридный метод). Большинство систем являются продуктами коммерческих организаций, без свободного к ним доступа; ряд систем имеет свободный доступ, что позволяет проводить сентимент-анализ текстовых массивов. Одна из таких программ – система сентимент-анализа *Semantria* [6]. Система представляет собой расширение для программы Microsoft Excel и позволяет классифицировать тональность сообщений на нескольких европейских языках. Общая тональность текста определяется как положительная, отрицательная и нейтральная, по шкале от -1,5 до +1,5. Особенности системы: определение языка сообщения, создание пользовательских категорий объекта тональности, визуализация полученных данных.

Для нашего исследования был проведён сентимент-анализ печатных текстов, опубликованных в интернет-изда-

нии газеты «The New York Times» за 2013 г., и выявлена их тональность. Выбор данного издания не был случайным: газета «The New York Times» – ежедневная широкоформатная газета США, входящая в десятку наиболее популярных газет страны. Газета основана в 1851 г., и, как большинство американских газет, «The New York Times» была создана как региональное издание.

Анализируемый корпус текста представляет собой выборку из статей, сформированную по следующим критериям:

1) фрагмент текста должен содержать ключевые слова «Russia»,

«Russian», «Moscow», «Putin», «Soviet»;

2) методом первичного текстологического анализа определялись фрагменты, содержащие не только описательную характеристику, а также оценку сообщения.

В результате было отобрано 10 фрагментов статей о России и россиянах общим объёмом 525 слов, 3240 знаков. Сентимент-анализ показал следующие результаты: 6 фрагментов программа оценила как имеющие отрицательную тональность, 3 – нейтральную, 1 – положительную. Приведём примеры фрагментов, соответствующие каждой характеристике (см. табл.).

Таблица

**Фрагменты текстов газетных статей о России и россиянах  
разной тональности**

Исходный текст	Тональность документа	
	Тональность	Эмоциональные метки
<i>The final straw appeared to be a law signed by Mr. Putin in December prohibiting the adoption of Russian children by American citizens, which the Kremlin said was retaliation for a new American law punishing Russian human rights violators. ("Another Reset With Russia in Obama's Second Term", February 1, 2013) [5]</i>	-0,67499995	Отрицательная/ negative
<i>Mr. Putin and other supporters of the Games have made clear that they view the pride and prestige of hosting the Olympics to be priceless. It is Russia's first Winter Olympics and its first Olympics since the Summer Games of 1980 in Moscow, when the United States led a boycott to protest the Soviet Union's invasion of Afghanistan. ("Putin's Vision of Olympic Glory Meets a More Earthbound Reality in Sochi", February 6, 2013) [5]</i>	0,0128086	Нейтральная/ neutral
<i>Roshen was doing so well in Russia partly because it introduced a Russian Classic line of chocolates, reviving 18 Soviet brands like the Seagull bar, a plain milk chocolate slab with a Socialist Realist style beach scene on the wrapper. ("Chocolate Factory, Trade War Victim", October 29, 2013) [5]</i>	0,26970103	Положительная/ positive

Затем был проведён анкетный опрос среди русскоязычных респондентов, владеющих английским языком и выступающих в качестве экспертов, и проверена достоверность полученных результатов и эффективность работы системы сентимент-анализа *Semantria*. Этим респондентам было предложено определить эмоциональную оценку сообщения (возможные варианты: «положительная», «нейтральная», «отрицательная»).

В опросе приняли участие 10 респондентов. Отметим неоднозначный характер толкования тональности респондентами, так как только по отношению к 2 фрагментам из 10 оценки всех респондентов совпали. Это указывает на спорность определения тональности текста не только системами автоматической оценки эмоциональной окраски текста, но и респондентами. Мнения респондентов об этих фрагментах совпало с результатами, полученными в результате обработки текста системой сентимент-анализа *Semantria*:

*Environmentalists have cited illegal dumping, destruction of forests and wildlife, and other violations. Dozens of residents say they have been forcibly relocated from their homes without adequate compensation, while thousands of others accepted payments and agreed to move to make way for construction. While local criticism of the Olympics is hardly unique to Sochi, some complaints have been addressed with classic Russian heavy-handedness. On Wednesday evening, a half-hour before a scheduled news conference about property disputes, organizers of the event were ejected from the hotel conference room they had booked and forced to gather on the street. ("Putin's Vision of Olympic*

*Glory Meets a More Earthbound Reality in Sochi"*, February 6, 2013 [5]. *Semantria*: Тональность = -0,38456478714942 «отрицательная».)

*Because American officials do not want to worsen the relationship and still hope for cooperation, they declined to publicly describe the plans. But within the administration it is taken for granted that the relationship with Russia is far less of a priority. ("Another Reset with Russia in Obama's Second Term"*, February 1, 2013 [5]. *Semantria*: Тональность = 0,013475000858306 «нейтральная».)

*Well, as secretary of state today you get to deal with Vladimir Putin, who was born on third base and thinks he hit a triple. That is, even though Russia's economy is hugely corrupt and nowhere nearly as innovative as it should be, Putin sits atop a huge reserve of oil and gas that makes him think he's a genius and doesn't need to listen to anyone. ("Break All the Rules"*, January 22, 2013 [5]. *Semantria*: Тональность = -0,11430607736110 «отрицательная».)

В ходе нашего опроса выявлено, что 7 и более респондентов оценили тональность пяти фрагментов текста так же, как и система сентимент-анализа. При этом мнение о тональности некоторых фрагментов существенно колебалось. Так, 2 респондента присвоили приведённому ниже примеру «положительную» эмоциональную метку, 7 респондентов – «нейтральную» и 1 респондент – «отрицательную»:

*Sochi, known as the capital of the Russian Riviera with its palm-lined promenades, beaches and Soviet-era sanitariums, is the first subtropical host of the Winter Games. That is remotely plausible only because the city sits at the foot of the Caucasus Mountains, the site of most of the outdoor events. ("Putin's Vision of Olympic*

Glory Meets a More Earthbound Reality in Sochi”, February 6, 2013 [5]. *Semantria*: Тональность = 0 «нейтральная».)

Респонденты и система sentiment-анализа *Semantria* дали разные оценки эмоциональной окраски текста по двум фрагментам:

*While Russian lawmakers debated a bill that would outlaw “homosexual propaganda,” nationalist and religious demonstrators on Friday attacked gay rights advocates who had gathered outside the lower house of Parliament to protest the legislation. (“Propaganda’ by Gays Faces Russian Curbs Amid Unrest”, January 25, 2013 [5]. *Semantria*: Тональность = -0,4000000596046 «отрицательная».)*

*Roshen was doing so well in Russia partly because it introduced a Russian Classic line of chocolates, reviving 18 Soviet brands like the Seagull bar, a plain milk chocolate slab with a Socialist Realist style beach scene on the wrapper. But this year, Roshen has missed Teacher’s Day in Russia, a big day for giving chocolate gift boxes. (“Chocolate Factory, Trade War Victim”, October 29, 2013 [5]. *Semantria*: Тональность = 0,26970103383064 «положительная».)*

Отметим, что по отношению к первому фрагменту мнения респондентов разделились практически поровну (60% – «нейтральная» оценка, 40% – «отрицательная», оценка системы sentiment-анализа *Semantria* – «отрицательная»), и можно предположить, что оценки системы sentiment-анализа *Semantria* и респондентов совпали.

Опрос респондентов о втором фрагменте, приведённом выше, показал следующие результаты: «положительная» оценка – 0%, «нейтральная» – 90%, «отрицательная» – 10%. Здесь эмоциональная оценка респондентов не совпадает с «положительной» оценкой системы

sentiment-анализа *Semantria*. Ни один респондент не оценил положительно окраску этого фрагмента статьи, что свидетельствует о полном несоответствии классификации тональности. Следовательно, можно утверждать, что интерпретация тональности фрагментов системой sentiment-анализа *Semantria* неоднозначна.

В ходе sentiment-анализа выявлено, что фрагментов с отрицательной тональностью больше, чем фрагментов с положительной тональностью, а результаты опроса респондентов показали, что наибольшее количество фрагментов имеет «нейтральную» оценку тональности. Мы предполагаем, что при определении оценки тональности респондент рассматривает фрагмент текста целиком, в то время как система sentiment-анализа анализирует отдельные слова и словосочетания. Отметим также, что система sentiment-анализа неверно интерпретирует в текстах иронию, сарказм, объективные предложения с эмоционально окрашенной лексикой.

В заключение отметим, что повышение точности – центральная задача автоматической оценки эмоциональной окраски текста. Для верного определения тональности сообщений необходима разработка метода, учитывающего не только синтаксические и морфологические, но и семантические особенности текста. Кроме того, необходимо создавать и пополнять так называемые тональные словари, представляющие собой списки слов со значением тональности для каждого отдельного слова.

Анализ тональности текста представляет значительный интерес для исследования печатных текстов СМИ

о России, так как он способствует уточнению точки зрения автора и выявлению его отношения к описываемым событиям и лицам. Эти знания помогают выявить приёмы, с помощью которых авторы создают нужный им смысл и интонацию повествования, что влияет на восприятие заложенной в тексте информации реципиентом.

Таким образом, сентимент-анализ можно рассматривать как ещё один формализованный метод, применяемый для изучения формирования образа страны и выявления приёмов манипуляции сознанием реципиента.

В результате проведённого исследования были выявлены проблемы, с которыми сталкиваются современные системы сентимент-анализа текста. Так, точность работы напрямую зависит от автоматического исключения из анализируемой информации нерелевантных сообщений, верного интерпретирования объективных предложений, а также решения проблемы анализа вопросительных и условных предложений, отрицания и др. Путём снятия этих проблем можно добиться построения эффективной системы сентимент-анализа, что позволит давать заключение о предвзятости выраженного мнения, о влиятельности

авторов сообщений в СМИ и представлять результат работы в простой форме, доступной к использованию неспециалистами.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС Эдиториал, 2005. 288 с.
2. Максименко О.И., Зверева П.П. Современные направления лингвистических исследований имиджа страны и её жителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 6. С. 25–30.
3. Пазельская А.Г., Соловьев А.Н. Метод определения эмоций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: «Диалог-2011»: конференция. М., 2011. С. 510–522.
4. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31–40.
5. The New York Times Breaking News, World News and Multimedia. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nytimes.com/> (дата обращения: 15.06.2014).
6. Semantria for Excel. [Электронный ресурс]. URL: <https://semantria.com/excel> (дата обращения: 16.06.2014).

УДК 1751

**Малюга Е.Н., Коготкова С.С.***Российский университет дружбы народов (г. Москва)***КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РАСЧЛЕНЁННЫХ ВОПРОСОВ  
В ДЕЛОВОМ ИНТЕРВЬЮ В РЕЧИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН\***

*Аннотация.* В статье рассматриваются лингвопрагматические характеристики расчленённых вопросов в деловом интервью с учётом гендерных аспектов. Исследуются коммуникативные стратегии расчленённых вопросов в деловых интервью представителей профессиональных сообществ носителей двух национальных вариантов английского языка: британского и американского; анализируются мужской и женский типы речевого поведения и основные характеристики делового интервью. Изучается исторически обусловленное взаимное проникновение и ассимиляция американского и британского вариантов английского языка, выявляются различия в использовании коммуникативных стратегий в британском и американском вариантах английского языка.

*Ключевые слова:* деловое интервью, национальные варианты английского языка, коммуникативные стратегии, расчленённые вопросы.

***E. Malyuga, S. Kogotkova****Peoples' Friendship University of Russia, Moscow***COMMUNICATIVE STRATEGIES OF DISJUNCTIVE QUESTIONS  
IN BUSINESS INTERVIEW OF WOMEN AND MEN**

*Abstract.* The article deals with the linguopragmatic characteristics of disjunctive questions in a business interview in the light of their gender aspects. It examines communication strategies of disjunctive questions in business interviews held by business community representatives, native speakers of two national variants of the English language: British and American. It also investigates male and female types of speech behaviour and basic characteristics of a business interview. The article focuses on historically conditioned interpenetration and assimilation of the American and British variants of English, reveals the differences in the use of communication strategies in British and American English.

*Keywords:* business interview, national variants of the English language, communication strategies, dismembered questions.

Деловая сфера относится сегодня к числу наиболее значимых областей общественной жизни. Коммуникация в сфере бизнеса укрепляет межнациональные связи и в результате этого становится важнейшим социокуль-

турным фактором. Эффективная коммуникация влияет на решение многих задач в бизнесе и строится на непосредственном взаимодействии людей

© Малюга Е.Н., Коготкова С.С., 2014.

\* Исследование выполнено при финансовой

поддержке РГНФ. «Название проекта: "Лингвопрагматика межкультурной профессионально-деловой коммуникации"», проект №14-04-00216

в различных ситуациях. Сегодня профессиональная коммуникация является объектом пристального внимания учёных. В процессе неэффективной межкультурной деловой коммуникации в рамках единого социокультурного пространства коммуникативные проблемы в устном межкультурном деловом дискурсе связаны с различием культур и использованием неродного языка деловыми партнёрами. Коммуникативная и социокультурная некомпетентность свидетельствует о наличии сложностей в информативной и социальной функциях межкультурного делового дискурса, а также национально-культурной специфики [1; 3; 5]. Новые экономические и социальные условия выдвинули на первый план необходимость повышения уровня коммуникативной компетентности современных специалистов.

В данной статье мы анализируем примеры из деловых интервью, не только потому, что этот жанр является одним из самых распространённых и популярных, но и потому, что он наиболее наглядно демонстрирует лингвопрагматические характеристики расчленённых вопросов и их коммуникативные стратегии, используемые в деловых интервью представителей профессиональных сообществ двух национальных вариантов английского языка.

Прежде чем обратиться к конкретным примерам, следует подробнее рассмотреть понятия «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика». Интерес к данной проблематике не ослабевает. Понятие *стратегии* рассматривается в таких сферах науки, как военное дело, экономика, политология, психология, лингви-

стика. В любой из перечисленных областей деятельности стратегический подход «базируется на общих знаниях и когнитивных моделях социума и индивида» [5, с. 55].

В лингвистике нет единого подхода к определению коммуникативных стратегий и тактик. Так, О.С. Иссерс рассматривает коммуникативные стратегии как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [3, с. 54].

О.Н. Паршина понимает коммуникативную стратегию «как сверхзадачу речи, диктуемую практическими целями говорящего», как «определённую направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [8, с. 10-11].

Из вышеприведённых дефиниций видно, что понятие *коммуникативной цели* является основным при определении коммуникативной стратегии. Таким образом, коммуникативная цель определяет всю стратегию общения, что «выражается в выборе манеры разговора, формы и содержания сообщения, уместной формы речи, обстановки и т. д.» [4].

Соответственно, в нашем исследовании под *коммуникативной стратегией* мы понимаем часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой ряд вербальных и невербальных средств используется для достижения определённой коммуникативной цели; при этом учитываются условия коммуникации и личности коммуникантов [6, с. 120].

*Коммуникативные тактики* выполняют функцию способов осуществления коммуникативной стратегии и соотносятся с отдельными комму-

никативными намерениями. Тактики, способствующие достижению сходных целей, объединяются в группы.

Как показывает практика устно-го делового общения, расчленённые вопросы в речи женщин и мужчин составляют её неотъемлемую часть (особенно в американском варианте английского языка). Это диктует необходимость обратить внимание на их оформление и функции.

При изучении гендерных характеристик дискурса делового интервью многие исследователи в первую очередь обращают внимание на стратегию коммуникативного поведения [2; 6]. По их мнению, мужской тип речевого поведения принято называть «соревновательным», что предполагает состязательность, автономность, стремление обладать контролем, а женский тип речевого поведения – «сотрудничающим», предполагающим межличностное взаимодействие, общительность, выражение собственных чувств. Исследовав мужское и женское ассоциативные поля, Е.А. Земская и другие лингвисты установили, что женское ассоциативное поле имеет гуманистический характер, в то время как мужчины ассоциируют себя со спортом, профессиональной и военной сферами [2].

Между тем любая культура признаёт, что женщина имеет менее значимый социальный статус по сравнению с мужчиной, так как деятельность мужчины в общественной сфере рассматривается как социально более значительная в отличие от менее продуктивной деятельности женщины в обществе. Следовательно, гендерно обусловленные модели речевого поведения задаются не природой, а обще-

ством, определяются социокультурными параметрами.

В последнее время внимание исследователей привлекает особый жанр делового дискурса – интервью [5; 9; 10; 11]. Говоря об интервью, Дж. Роджерс отмечает: «Мне никогда не приходилось выполнять более сложную задачу, которая на первый взгляд казалась бы настолько простой» [11]. Для стороннего наблюдателя разница между интервью и повседневной речью не так велика. Но на самом деле между ними действительно существует ряд определённых различий. Основные характеристики делового интервью – сжатость и краткость. Перед интервьюером стоит задача осуществить коммуникативный акт, включающий только вопросы по теме обсуждения, за сравнительно короткий период времени. При этом все ненужные аспекты должны быть опущены, и главные усилия направлены на раскрытие заданной темы. Нельзя исключать и навыки ведения обычной беседы.

В данной статье мы не ставили задачу составления классификации коммуникативных стратегий и тактик, опираясь на положение о том, что коммуникативные стратегии соотносятся с прагматическими принципами общения. Но в отличие от конвенциональности, присущей последним, коммуникативные стратегии не всегда остаются в рамках правил вежливости и принципов кооперации общения. Выявленные нами стратегии можно подразделить на две основные группы.

1) Стратегии, препятствующие кооперативному общению, основанному на принципах Г. Грайса (стратегия уклонения, стратегия понижения статуса коммуникативного партнёра,



стратегия коммуникативного противостояния, стратегия открытого негативного реагирования) [1]; напр.:

Candy Crowley: Mubarak has been a very strong ally. He has helped in the war on terror. With him going, the U.S. is in for a rough go now. *We are losing our closest Arab ally, are we not?*

Edward Walker: Not necessarily. What's important to us is Egypt, it's not Mubarak. And Mubarak is not Egypt.

Candy Crowley: *But Egypt does not seem to care for us, does it?*

Edward Walker: Egypt doesn't care for us for a whole host of reasons, but it has to do primarily with the Palestinian issue... (Фрагмент интервью бывшего посла США в Египте Эдварда Уокера на радио-шоу *State of the Union* Кэнди Кроули, эфир 30 янв. 2011 г.)

Женщина-интервьюер находится в ситуации коммуникативного противостояния с респондентом. Использование разделительных вопросов продиктовано, с одной стороны, её несогласием с точкой зрения собеседника, а с другой – желанием донести до него собственную позицию по обсуждаемой проблеме.

2) Стратегии, способствующие кооперативному неконфронтационному общению (стратегия повышения статуса коммуникативного партнёра, стратегия создания положительной тональности общения, стратегия солидаризации). Рассмотрим пример:

Anita Campbell: Well, let's talk about the current economic climate a little bit. *You know, you'd have to be on the moon not to realize we've been in the midst of a recession, right?* How has that affected the sale and purchase of small-business websites?

Debra Mathews: It's certainly floating down. Just like all other businesses, the

web has been hit by economic decline. Especially in the last year. (Фрагмент интервью брокера Дебры Мэтьюс на радио-шоу *Small Business Trends* Аните Кэмпбел, эфир 14 июля 2009 г.)

В данном микроконтексте разделительный вопрос женщины-интервьюера, использующей стратегию солидаризации, выражает её заинтересованность в обсуждаемой теме и сочувствие к собеседнику.

Приведём ещё пример стратегии такого типа:

Larry King: *It is a dilemma, isn't it, Governor? Dealing with states' rights, federal versus constitutional, the right to – no one wants to deny anyone the right to vote...* (Фрагмент интервью Ларри Кинга с губернатором Марком Раскоу на радио-шоу *Larry King Live*, эфир 11 дек. 2000 г.).

Разделительный вопрос, задаваемый интервьюером – попытка внушить собеседнику мысль о верности своего суждения и найти его поддержку.

Стратегия уклонения реализуется через тактику переадресации, тактику смены темы или уклонения от прямого ответа. Цель коммуниканта, избравшего данную коммуникативную стратегию, – дать отрицательный ответ и при этом постараться избежать прямой конфронтации. Нежелание идти на открытый конфликт характерно, в первую очередь, для женских персонажей. Например:

Larry King: How do I address you now? Is it Madam First Lady, Hillary, Hillary Rodham, Senator?

Hillary Clinton: *It's a little confusing, isn't it?*

Larry King: Yes. What do you like the best?

Hillary Clinton: Well, I... gee, all of those are, you know, really wonderful things! (Фрагмент интервью Ларри Кинга с Хилари Клинтон на радио-шоу *Larry King Live*, эфир 11 дек. 2000 г.)

В тоне интервьюера прослеживается лёгкая ирония, когда он перечисляет этапы политической карьеры своей собеседницы, что, возможно, вызывает в ней небольшое раздражение. Используя разделительный вопрос вместо прямого ответа, женщина-респондент превращает неловкую ситуацию в шутку.

Вне зависимости от индивидуального стиля каждого интервьюера и обсуждаемой темы, существуют основные правила подготовки вопросов. В первую очередь, вопрос должен быть вопросом по своей сути: ситуация анализируется, где именно интервьюер прекращает говорить, и что респонденту задан вопрос. Более того, каждый вопрос следует формулировать таким образом, чтобы получить необходимый ответ респондента, избегая лишней информации. В случае, если вопрос не звучит достаточно ясно, ответ респондента также не будет ясен, и само интервью рискует уйти от темы и потерять целостность. Наконец, респондент может использовать неопределённость и в своих целях: например, легко обойти сложные и неприятные для него вопросы.

Необходимо также отметить, что следует избегать одновременно двух и более вопросов. В этом случае респондент ответит только на один, причём самый простой. Вопросы, склонные подчёркивать важность ответа и уже содержащие в своей формулировке фактическую информацию, не являются эффективными.

Каждый интервьюер разрабатывает собственную стратегию ведения интервью, что даёт собеседнику возможность выявить его собственные уникальные стилистические особенности. В то же время существует ряд общих черт, характерных для жанра в целом. В частности, интервью обычно проводятся в разговорном стиле (хотя некоторые серьёзные политические интервью могут проводиться в информационном стиле). Именно этот стиль предполагает участие эмоциональной реакции на коммуникативный сигнал.

Отношения между интервьюером и респондентом, как и любые диалогические отношения, регулируются определёнными правилами межличностной коммуникации, другими словами, принципом сотрудничества, который предполагает, что участники коммуникации нацелены на достижение коммуникативного успеха. Именно эта цель определяет выбор языковых средств и поведение собеседников в целом. Что касается интонационного аспекта, то во время произнесения высказывания интонационный контур не может меняться свободно. Следовательно, единицы интонационного контура тесно взаимосвязаны, взаимозависимы и строго предсказуемы в рамках каждого высказывания.

Любое интервью характеризуется наличием определённой коммуникативной цели или программы. Из этого следует, что замечания и комментарии интервьюера играют важную роль в организации интервью. Продумывая «стимулирующие фразы», интервьюер обращает внимание на то, что кажется в первую очередь самым важным вопросом для будущей публикации / программы. Соответственно, его речь

включает различные средства воздействия на респондента: предположение, настойчивость, уточнение. Замечания интервьюера могут быть структурно простыми и стилистически нейтральными, что, как правило, наблюдается в вопросах информационного характера, которые предполагают простые ответы. Тем не менее, «стимулирующие фразы» могут быть структурно и стилистически осложнены. Это осложнение, в свою очередь, предполагает осложнение отношений между высказываниями [9].

Убеждение в интервью достигается не только путём логической аргументации, но и посредством влияния на чувства собеседника. Этот фактор определяет широкий спектр выразительных средств. Лингвистические средства выражения оценки, например, могут быть представлены единицами всех уровней языка. Тем не менее, в тексте интервью они особенно широко представлены на лексическом и синтаксическом уровнях. На лексическом уровне это в основном слова с положительной и отрицательной коннотацией (существительные, прилагательные, глаголы, наречия).

Необходимо отметить, что в оценочных комментариях, выражающих общепринятое отношение к предмету оценки, превалирует объективность. В высказываниях же респондента, наоборот, оценка носит более субъективный характер, так как она выражает его личную точку зрения, которая определённо может противоречить общепринятой.

С функционально-прагматической точки зрения, более частое использование разделительных вопросов в коммуникативной стратегии в речи

британских женщин говорит о стремлении казаться менее категоричными, избегать открытых конфронтаций с собеседником и поддерживать кооперативный характер беседы.

В речи американских женщин гораздо чаще встречаются разделительные вопросы с отрицательными коннотациями, чем в речи британских женщин [7].

В речи мужчин в обоих вариантах английского языка употребление разделительных вопросов отмечено реже, чем в речи женщин.

Характерной чертой разделительных вопросов является то, что они немислимы вне диалогической речи.

Достижение коммуникативного успеха определяет как поведение собеседников, так и выбор ими языковых средств. Интервью – это модель речевого взаимодействия, в которой отношения между интервьюером и респондентом имеют специфический характер, определяемый целью и видом самого интервью. Запланированные и спонтанные ситуации полностью зависят от цели интервьюера. При этом спонтанные ситуации встречаются гораздо реже. Данный факт можно объяснить прагматической целью текстов интервью, где респондент находится в зависимости от цели вопроса интервьюера. Выбор средств, способствующих коммуникативной эффективности интервью, определяется рядом факторов: темой интервью, личностью респондента, уровнем профессиональной подготовки интервьюера, характером отношений между интервьюером и респондентом, которые могут измениться в процессе их общения.

## ЛИТЕРАТУРА:

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXVI. М., 1985. С. 220–234.
2. Земская Е.А. и др. Особенности мужской и женской речи / Русский язык в его функционировании / Под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М., 1993. С. 73–85.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 302 с.
4. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. 495 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://l-406.narod.ru/SocL/karasik.pdf> (дата обращения: 20.10.2014).
5. Малюга Е.Н. Лингвопрагматические аспекты делового интервью // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2010. №4. С. 54–62.
6. Малюга Е.Н. К вопросу о гендерном факторе в национальных вариантах английского языка // Вестник университета РАО. 2009. №5. С. 120–125.
7. Малюга Е.Н. Одна из закономерностей стандартной и нестандартной речи в британском и американском вариантах английского языка // Язык. Сознание. Коммуникация. М., 2001. Выпуск 17. С. 86–96.
8. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. М.: ЛКИ, 2007. 232 с.
9. Maddux R. Quality interviewing. New York, 1995. 188 p.
10. Pearce R.D. The structure of discourse in broadcasting interviews. Birmingham, 1993. 254 p.
11. Rogers J. Effective interviews. London: Marshall Publishers, 2001. 176 p.

УДК 81'322.2

**Максименко О.И.***Московский государственный областной университет***ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫЕ СИСТЕМЫ:  
ОЦЕНКА МЕТОДОМ НЕЧЁТКОЙ ЛОГИКИ**

*Аннотация.* Информационно-поисковые системы (ИПС), использующие поиск на естественном языке, требуют особых методов оценки. В статье приводится ряд способов оценки подобных систем, а также описывается структура ИПС КАСКАД и преимущества одного из возможных вариантов оценки эффективности ИПС методом нечёткой логики (на примере данной ИПС). Для количественной оценки качества поиска используются одновременно два частных критерия: критерий полноты и критерий точности поиска. Зависимость оценки качества ИПС от коэффициента полноты наглядно проиллюстрирована на рисунке. Проведённый эксперимент позволил сделать вывод о том, что оценка качества ИПС определяется не только техническими характеристиками самой ИПС, но и зависит от формулировки запроса.

*Ключевые слова:* информационно-поисковые системы, нечёткая логика, экспертные оценки.

**O. Maksimenko***Moscow State Regional University***INFORMATION RETRIEVAL SYSTEMS: ESTIMATION BY FUZZY LOGIC**

*Abstract.* Natural language-based information retrieval systems demand specific estimation methods. In the article a number of estimation methods of these systems are presented, the structure of information retrieval system KASKAD is described and advantages of one of the possible variants of estimating search systems efficiency using the fuzzy logic method are given. Two criteria are used for quantitative evaluation of search system quality – the search completeness and search precision. The dependence of search system quality evaluation on the criterion of completeness is illustrated on the graph. The experiment showed that the information retrieval system evaluation is determined not only by its technical characteristics but by wording of the request for information.

*Key words:* information retrieval systems fuzzy logic, expert estimation.

В последнее время существенно возросла скорость появления и накопления новых данных в самых разных областях человеческой деятельности. В связи с этим появилась необходимость создания информационных систем, которые не только содержали бы в себе

средства поиска тех или иных фактических данных, но и помогали бы находить с их помощью нетривиальные способы решения разнообразных проблем.

Информационный поиск – это процесс выделения из общего информационного потока той информации, которая связана с указанной в инфор-

мационном запросе темой или содержит необходимые факты и сведения. Автоматизация процесса поиска осуществляется с помощью информационно-поисковых систем (ИПС).

Первые ИПС работали преимущественно с информацией фактического характера, например, характеристиками объектов и их связей. Затем появилась возможность обрабатывать текстовые документы на естественном языке (ЕЯ), изображения и другие виды и форматы представления данных. Несмотря на то, что принципы хранения данных в системах обработки фактической и документальной (текстовой) информации схожи, алгоритмы обработки в них заметно различаются. Поэтому в зависимости от характера информационных ресурсов, которыми оперируют ИПС, принято различать два крупных класса систем – документальные (ДИПС) и фактографические (ФИПС).

В автоматизированных научно-технических информационных системах наиболее широкое применение получили ДИПС, что отражает факт ведущего положения документа в процессе распространения информации. Описание содержания документа с помощью информационно-поискового языка (ИПЯ) представляет собой поисковый образ документа (ПОД), а описание содержания запроса – поисковый образ запроса (ПОЗ). Правила составления поисковых образов документов и запросов являются правилами перевода текстов с естественного языка (ЕЯ) на ИПЯ. При наличии массива документов и соответствующих им ПОД поиск отвечающих запросу документов сводится к сопоставлению поисковых образов документов и запроса. Для

оценки степени их соответствия формулируется *критерий смыслового соответствия*, который представляет собой пару, состоящую из меры формальной релевантности (меры близости) поисковых образов документа и запроса и порогового значения меры близости, при превышении которого документ признаётся формально релевантным соответствующему запросу. Известны следующие меры формальной релевантности: скалярное произведение векторов запроса и документа, мера Танимото (нормированное скалярное произведение), мера косинуса угла между векторами запроса и документа и др. [1]. Однако на практике формальная релевантность вовсе не означает содержательного соответствия выданного документа запросу. Если ИПЯ неточно выражает смысл документов и запросов, то может оказаться, что близкие по смыслу документы и запросы будут обладать разными поисковыми образами, и, наоборот, у далёких по смыслу документов поисковые образы окажутся сходными. В этом случае не все документы, формально соответствующие запросу, будут на самом деле соответствовать ему по смыслу, образуя информационный шум. По тем же причинам может оказаться, что часть документов, релевантных запросу, не будет выдана; в этом случае говорят о потерях информации. Есть также понятие *пертинентность* – соответствие документа информационной потребности, что фактически определяется только пользователем, знающим, чего он хочет.

В целях количественного описания уровня качества поиска ИПС исторически первыми были предложены следующие частные критерии оценки

системы: полнота –  $r$  (от *recall ratio*) и точность –  $p$  (от *precision ratio*).

Эффективность поиска информации в ИПС во многом зависит от качества запроса пользователя. В отличие от среды баз данных, в ИПС нет чёткого представления пользовательских запросов. Существует несколько способов повышения эффективности поиска путём модификации представления запроса.

Рассмотрим вариант оценки эффективности поиска ИПС на примере автоматизированной многоязычной базы данных (АМБД) КАСКАД, в разработке которой мы принимали непосредственное участие. Данная АМБД предназначена для обеспечения зарубежных пользователей информацией об отечественных программных продуктах. Информационное и лингвистическое обеспечение АМБД формирует базу данных (далее – БД) по программным средствам (ПС) на русском языке, осуществляет поиск данных по запросу на естественном языке (ЕЯ) (русском или английском) и производит перевод русскоязычной БД на английский язык.

Описания ПС выполняются в соответствии с анкетой, которая содержит сведения о наименовании ПС, его назначении, аннотацию, а также данные об организации-разработчике, годе окончания разработки, адресные данные, координаты для связи и пр. Основу АМБД составляет русский вариант БД по отечественным ПС, предназначенным для зарубежных пользователей. Средства доступа к ней обеспечивают возможность поиска по отдельным параметрам описания ПС с помощью подсказок и по запросам, сформулированным на ЕЯ (русском

или английском). Между русскоязычной и англоязычной БД сохраняется полное взаимнооднозначное соответствие – все файлы имеют одинаковую структуру, состав, наименование, но хранятся в разных каталогах.

Использование СМП для получения БД на иностранном языке или автоматических словарей даёт возможность быстро осуществлять перевод данных на иностранные языки (что становится экономически выгодным для БД, насчитывающих сотни и тысячи документографических единиц), а также позволяет использовать единообразную научно-техническую терминологию, что, в свою очередь, существенно улучшает поисковые возможности системы. При установлении взаимнооднозначного соответствия между терминами русского и английского языков появляется возможность производить поиск в базе и выдавать его результаты на любом языке. Язык интерфейса и выходных документов определяется пользователем. Поскольку в системе используются автоматические словари, и структурой АМБД предусмотрена синонимичность файлов на различных языках, можно производить поиск по запросу на ЕЯ только в русскоязычной базе. При этом запрос может быть сформулирован на английском языке. Затем с помощью автоматического словаря он переводится на русский язык. После этого запрос обрабатывается по русскоязычной базе, а результаты поиска (по номерам найденных документов) выводятся на языке исходного запроса.

Лингвистическое обеспечение АМБД базируется на автоматическом выделении основ ключевых слов (дескрипторов) в текстовых полях (пол-

ное наименование и аннотация ПС). Для формирования словаря основ ключевых слов использовался словарь окончаний, разработанный при создании СМП АСПЕРА, и составленные предварительно вручную словари стоп-слов и стоп-основ, которые включают предлоги, союзы, наречия, некоторые глаголы и неинформативные существительные.

Для предоставления большей свободы при формулировке запроса частотный словарь пополняется словами-синонимами, которым ставится в соответствие одинаковая частота. Запрос на русском языке преобразуется с помощью частотного словаря в последовательность дескрипторов, после чего проверяется вхождение дескрипторов запроса в документы. Границы значений частот для формирования критерия выдачи определяются для высокочастотных, среднечастотных и низкочастотных основ.

При наличии частотных словарей основ ключевых слов критерием выдачи для выбора релевантных документов служит:

- вхождение слов запроса в документ;
- совпадение частот слов запроса в документе;
- попадание частот слов, входящих в запрос и в документ, в указанную категорию частоты (высокая, средняя, низкая).

Русско-английский словарь состоит из трёх частей:

- словарь основ русских слов;
- словарь английских эквивалентов слов;
- словарь словосочетаний.

Словарь русских основ состоит из записей, упорядоченных по алфави-

ту. Каждая запись представляет собой собственно основу слова, грамматическую характеристику (до семи наборов грамматических признаков без разделителей), относительный адрес перевода в словаре эквивалентов. В качестве основы слова может быть представлена квазиоснова или словоформа, если длина основы меньше 4-х символов.

В информационных файлах БД каждая запись (документ) представляет собой последовательность полей, каждое из которых является символьным текстом или кодом, значение которого приведено в соответствующем словаре. Идентификатором документа является первый код – регистрационный номер документа.

Как уже говорилось, поиск по запросам на ЕЯ производится только в русскоязычной базе. На первом этапе запрос преобразуется в последовательность дескрипторов (по частотному словарю основ ключевых слов). Если ни одного слова запроса в словаре не найдено, пользователю предлагается повторить формулировку запроса, воспользовавшись в качестве подсказки словарём дескрипторов. Запрос на английском языке предварительно переводится (пословно) на русский язык. Далее работа ведётся аналогично, но в качестве подсказки приводится английский словарь дескрипторов. Результаты поиска эшелонируются в соответствии с критерием выдачи (вхождение всех дескрипторов запроса в документ; получение пересечения номеров документов по всем дескрипторам; вхождение дескрипторов с высокой или низкой частотой и т. п.) [2].

Для количественной оценки качества поиска АИПС необходимо ис-



пользовать одновременно два частных критерия: критерий полноты и критерий точности поиска. Другим вариантом является использование интегральных критериев, которые представляют собой числовые оценки качества работы ИПС. При использовании частных критериев могут возникать проблемы, когда, например, у одной выдачи критерий полноты больше, чем критерий точности, а у другой, наоборот, критерий точности больше, чем критерий полноты. В этом случае совместное использование критериев приводит к противоречивой ситуации, когда невозможно отдать предпочтение одной из выданных. Решить указанную проблему позволяет нечёткая экспертная система, входными переменными которой являются критерии полноты и точности поиска, а выходной – уровень качества поиска тестируемой ИПС. В зависимости от предпочтений эксперта, составлявшего базу правил логического вывода системы, всегда будет сделан однозначный вывод о ка-

честве конкретного поиска.

Как упоминалось выше, оценка качества ИПС КАСКАД проводилась вариантом нечёткой экспертной системы. Рассматриваемый вариант системы использует одновременно два критерия оценки качества: критерий полноты поиска и критерий точности поиска. Блок-схема экспертной системы показана на рисунке 1. Входные переменные описываются лингвистическими переменными (ЛП) «Коэффициент полноты» и «Коэффициент точности», выходная переменная описывается ЛП «Качество ИПС». Базовые терм-множества входных ЛП одинаковы и состоят из трёх нечётких переменных: для ЛП «Коэффициент полноты» – это  $T_R = \{A_1 = \text{небольшой}, A_2 = \text{средний}, A_3 = \text{большой}\}$ , для ЛП «Коэффициент точности» –  $T_p = \{B_1 = \text{небольшой}, B_2 = \text{средний}, B_3 = \text{большой}\}$ . Нечёткие переменные  $A_i$  определены на отрезке  $X = (0, 1)$ . Областью определения нечётких переменных  $B_i$  является отрезок  $Y = (0, 1)$ .

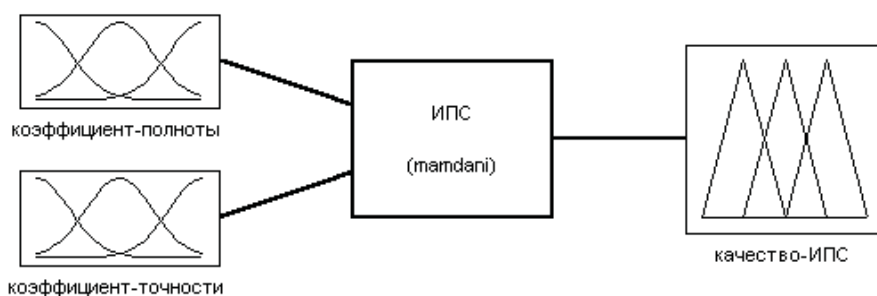


Рис. 1. Блок-схема нечёткой экспертной системы оценки качества ИПС.

Для получения оценки качества поиска ИПС были использованы два известных алгоритма нечёткого вывода: *Mamdani* и *Larsen*. В базе правил вывода входные переменные (предпосылки) объединяются с помощью связки

«И», которая реализуется с помощью операции МИНИМУМ. Минимальное значение функций принадлежности нечётких подмножеств входных переменных, определяющих одно и то же нечёткое подмножество выходной

переменной, используется для его модификации при выполнении операции логического вывода (импликации). Композиция нечётких подмножеств заключений правил осуществлялась с помощью операции МАКСИМУМ. Приведение к чёткости выполнялось центроидным методом. Заметим, что база правил вывода реализует симметричный алгоритм, который даёт одинаковую оценку качества при значениях критериев полноты и точности

равных, например,  $R = a$  и  $P = b$ , и при значениях  $R = b$  и  $P = a$  (рис. 2).

В ИПС КАСКАД находилось на момент исследования 620 документов. Состав базы известен автору, поэтому тестирование проводилось на контрольном наборе документов. Был сформулирован первоначальный запрос на ЕЯ на выдачу документов следующего содержания: «Выдать информацию о разработчиках лингвистического обеспечения СМП». В

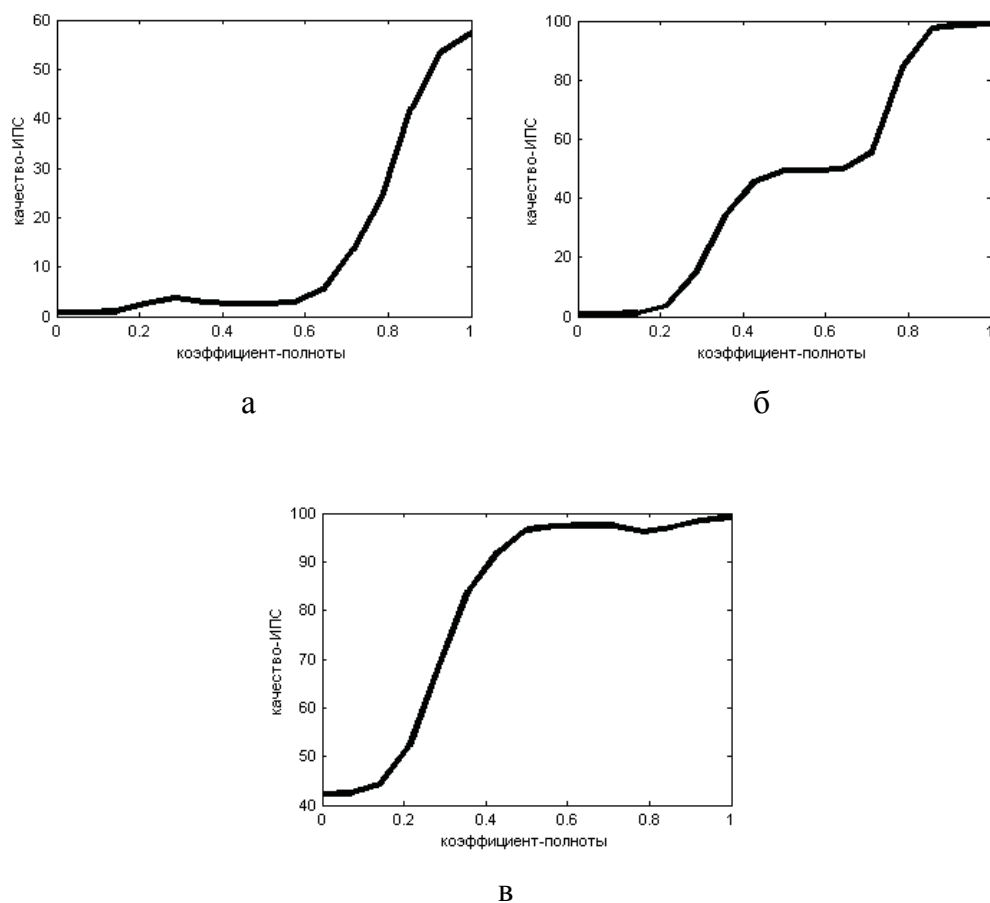


Рис. 2. Зависимость оценки качества ИПС от коэффициента полноты:

- а) коэффициент точности «небольшой» ( $P = 0,2$ );
- б) коэффициент точности «средний» ( $P = 0,5$ );
- в) коэффициент точности «большой» ( $P = 0,9$ ).

ответ на запрос было выдано 80 документов. При анализе запроса ИПС КАСКАД отбрасывает стоп-слова, т. е. неинформативные слова запроса; в нашем случае это «выдать информацию о...». Остальные слова запроса объединяются с помощью операции логического умножения (логическое И), происходит поиск в базе всех документов, в которые входят все слова запроса. Поскольку предлагаемая экспертная система оценки качества работает с коэффициентами полноты и точности, которые основаны на понятии релевантности, необходимо определить эти коэффициенты. Для этого эксперт проанализировал все выданные статьи на предмет их релевантности запросу. Оказалось, что было выдано 54 релевантных документа с точки зрения эксперта, таким образом, значение коэффициента точности составило  $P = 0,675$ . Всего в базе содержится 110 документов, посвящённых системам машинного перевода, следовательно, значение коэффициента полноты оказалось равным  $R = 0,49$ . Оценка качества ИПС КАСКАД составила  $Q = 54\%$ .

Наличие информационного шума в выдаче, т. е. нерелевантных запросу статей объясняется тем, что одно лишь упоминание слов *разработчики, лингвистическое, обеспечение, СМП* в статье ещё не гарантирует её релевантности запросу. Повысить коэффициент точности, т. е. уменьшить количество выданных нерелевантных документов, можно путём применения специальной технологии формирования запроса к поисковой системе. Путём анализа нерелевантных документов в выдаче были определены ключевые слова, которые затем были включены в запрос в режиме отрицания (логическое НЕ).

Таковыми словами оказались *цена, системные, требования*. В результате удалось добиться повышения коэффициента точности до значения  $P = 0,76$  (общее число документов в выдаче составило 71 при 54 релевантных), коэффициент полноты не изменился. Оценка качества ИПС при этом возросла до  $Q = 69\%$ . Теоретически методика отладки запроса позволяет достичь значений коэффициента точности, близких к 1.

Увеличить значение коэффициента полноты можно прежде всего путём добавления в запрос синонимов ключевых слов в режиме логического сложения (логическое ИЛИ). В нашем случае осуществлялось добавление следующих синонимов аббревиатуры СМП: *системы машинного перевода, программы-переводчики, системы МП*. Добавление словосочетания *системы машинного перевода* не изменило ситуации, так как в ИПС КАСКАД имеется небольшой словарь синонимов, и соответствующее словосочетание с самого начала принималось системой во внимание как синоним аббревиатуры СМП, имеющейся в запросе. Добавление синонимичного термина *программы-переводчики* улучшило ситуацию. В результате в ответ на запрос было выдано ещё 14 релевантных документов, причём количество нерелевантных документов в выдаче не изменилось. Отношение количества релевантных документов к общему числу документов в выдаче составило 68 к 85, т. е. коэффициент точности стал равен  $P = 0,8$ . Существенным образом удалось повысить значение коэффициента полноты, он стал равен  $R = 0,62$ . Оценка качества ИПС составила  $Q = 82\%$ . Добавление синони-

ма системы МП вызвало следующий эффект: поскольку ИПС КАСКАД не имеет словаря словосочетаний, соответствующая фраза была интерпретирована как два слова, таким образом, поисковая система наряду с релевантными документами, в которые входят слова *система* и *МП*, выдала ряд нерелевантных документов, в которые входит слово *система* и которые не имеют отношения к системам машинного перевода. Следует заметить, что вновь выданных релевантных документов оказалось существенно больше, чем нерелевантных (27 и 6 соответственно). Таким образом, всего было выдано 118 документов, релевантных среди них стало 95. Коэффициенты полноты и точности оказались равными  $R = 0,86$  и  $P = 0,81$  соответственно. При этом качество системы было оценено как «хорошее», количественное значение составило  $Q = 92\%$ . Добиться дальнейшего повышения коэффициента полноты оказалось сложно, так как попытки его повышения приводили к уменьшению коэффициента точности (к выдаче большого количества нерелевантных документов), поэто-

му решено было остановиться на достигнутых значениях коэффициентов полноты и точности. Эксперимент, проведённый этим способом, был осуществлён и с другими вариантами запросов к ИПС (всего около 150), что дало в целом аналогичный результат.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что оценка качества ИПС определяется не только техническими характеристиками самой ИПС (наличием словаря синонимов, словаря словосочетаний, мощностью базы данных), но, поскольку она зависит от формулировки запроса, оценка может быть улучшена путём модификации запроса. Проведённый анализ показал, что предлагаемая экспертная система может быть использована для формальной оценки качества поисковой системы.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Корнеев В.В. и др. Базы данных. Интеллектуальная обработка информации / Корнеев В.В., Гареев А.Ф., Васютин С.В., Райх В.В. М.: Нолидж, 2000. 352 с.
2. Максименко О.И. Формализованная лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 189 с.

УДК 81'33, 81'42

**Мурашковская Е.М.***Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова***ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ**

*Аннотация.* В последнее время большую актуальность и интерес для исследований в рамках анализа дискурса приобрело изучение особенностей дискурсивных маркеров. В определении этого дискурсивного явления в современной лингвистической науке нет единогласия. В статье рассматриваются различные определения «дискурсивных маркеров» и выявляются их особенности. Сопоставляются подходы к изучению дискурсивных маркеров таких ученых, как М.А.К. Халлидей и Р. Хасан, Д. Шиффрин, Б. Фрейзер, представляющих так называемый «подход, основанный на связности» (coherence-based approach), при котором большое внимание уделяется средствам связи в дискурсе.

*Ключевые слова:* анализ дискурса, дискурсивные маркеры, определение, подход, классификация, связь.

**E. Murashkovskaya***Moscow State University named after M.Lomonosov***APPROACHES TO DISCOURSE MARKERS ANALYSIS**

*Abstract.* Discourse markers analysis as part of discourse analysis has recently become one of the most interesting and promising directions in linguistic research. There is much controversy in respect to the definition of this phenomenon in discourse. The paper focuses on presenting different definitions of the term discourse marker and reveals various features of this phenomenon. Moreover, three approaches to analysis of discourse markers, those of Halliday and Hasan, Schiffrin, Fraser, which represent the so-called coherence-based approach, are summarized and described.

*Key words:* discourse analysis, discourse markers, definition, approach, classification, coherence.

Неоспоримо утверждение учёных о том, что «язык – средство общения между людьми, и он неразрывно связан с жизнью и развитием того речевого коллектива, который им пользуется как средством общения» [6, с. 23]. Анализ дискурса исследует основные процессы речепроизводства: способы связи говорящего / пишущего и слушающего / читающего, структурное построение общения коммуниканта-

ми и влияние языка на повседневную жизнь человека. Результаты этих исследований составляют методологическую базу изучения дискурсивных маркеров. В этой области можно выделить следующие проблемы: функциональное определение дискурсивных маркеров, выявление их признаков и установление функций, которые эти маркеры выполняют в дискурсе.

Цель данной статьи – выявить и сопоставить существующие в науке

определения понятия «дискурсивный маркер», подходы к его изучению, его характеристики.

### 1. Определение понятия «дискурсивный маркер» и его характеристики

До сих пор ещё не выработано единого названия рассматриваемой единицы дискурса: *дискурсивные частицы, дискурсивные маркеры, дискурсивные коннекторы, прагматические маркеры, прагматические частицы* и др. Многие исследования, посвящённые анализу и классификации дискурсивных маркеров, начинаются с попыток определения самого понятия *дискурсивный маркер*.

Так, Фрейзер пишет, что дискурсивные маркеры или, как он их называет, «прагматические маркеры» – это функциональный класс лексических выражений, существующий в любом языке. Эти выражения появляются в сегменте дискурса, но не являются частью пропозиционального содержания высказывания. Они не привносят никакого значения в пропозициональное содержание высказывания как такового. Однако они сигнализируют, помечают, маркируют аспекты сообщения, которые хочет передать коммуникант [7, р. 386]. Это определение отражает прагматический подход к изучению маркеров в частности и дискурса в целом.

По определению Котова Е.А., дискурсивные маркеры – «элементы речи, лишённые лексического значения и не привносящие дополнительной информации тексту, задача которых – разделительная и различительная функции в речевых актах» [3, с. 87]. Приведённое определение не совсем точно, так как не все дискурсивные маркеры лишены семантического значения (*you know, whatever, I mean, на самом деле*), и

их функции не сводятся к разделению и различению.

Другое определение этого класса единиц предлагает известный российским специалистам в области анализа дискурса профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.А. Кибрик: дискурсивные маркеры – слова или словосочетания, кодирующие значения, отличные от пропозиционального содержания (или от истинностной оценки) [2, с. 3]. Преимущество данного определения – указание на собственное значение дискурсивных маркеров и на то, что это значение отличается от содержания самого высказывания. При этом не уточняется, в чём именно заключено смысловое отличие высказывания и маркера.

Рассмотрим характеристики дискурсивных маркеров различных языков, выявленные К.Л. Киселевой и Д. Пайар:

«1. Дискурсивные маркеры не образуют «естественный» класс единиц. Этот класс, во-первых, не имеет чётких границ, и, во-вторых, объединяет единицы, которые традиционные классификации относят к различным частям речи (частицам, наречиям и др.). Принадлежность слова к классу дискурсивных маркеров определяется главным образом на основании функциональных критериев.

2. Своеобразие плана содержания дискурсивных маркеров часто интерпретируется как отсутствие у этих единиц собственного лексического значения или как **десемантизация** слова в его дискурсивных употреблениях. Ср. характерные словарные комментарии: *употребляется для усиления / выделения / подчёркивания* и так далее.

3. У многих слов такого типа существуют, наряду с дискурсивным, и другие, недискурсивные употребления. При этом между дискурсивным и другим употреблением некоторого слова часто не существует непосредственной семантической связи <...>

4. Многозначность дискурсивных маркеров по своим проявлениям отличается от полисемии имён и глаголов. Значения дискурсивных маркеров – категория более субъективная, чем значения полнозначных слов.

5. Проведение границы между значением дискурсивного маркера и значением контекста также оказывается значительно более сложной процедурой, чем в случае конкретной лексики. Многие дискурсивные маркеры, в особенности частицы, могут полностью «сливаться» с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов <...>

6. Описание дискурсивных маркеров обычно требует рассмотрения значительно более «длинных» контекстов, чем в случае других единиц или недискурсивных употреблений соответствующих единиц.

7. Кроме того, в этих последовательностях в центре внимания оказываются некоторые специфические параметры, связанные с отношениями между «действующими лицами» дискурса» [1, с. 9–10].

Анализ этих характеристик позволяет утверждать, что термин *дискурсивный маркер* «соотносится с особым классом слов, принципиально важным свойством которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса» [5, с. 212].

2. *Подходы к исследованию дискурсивных маркеров*

В связи с тем, что дискурсивные маркеры обладают собственным добавочным значением, связанным непосредственно с функционированием дискурса, возникла потребность их классифицировать, уточнить их функцию и воздействие на слушателя или читателя. Среди многочисленных работ, посвящённых этим проблемам, наибольший интерес представляют исследования Фрейзера, Шиффрин, Халлидея и Хасана, представляющих разные научные направления в рамках так называемого *coherence-based*-подхода, уделяющего большое внимание связям в дискурсе. Другой подход, получивший название *relevance-based*, представлен работами Блэкмора, Бласа, Уилсона и Шпербера, рассматривающими дискурс с точки зрения пропозиций и вызываемых им мыслей, то есть когнитивного, а не текстуального развития дискурса.

Заметим, что с нашей точки зрения *coherence-based*-подход представляется более эффективным при исследовании дискурсивных маркеров, и поэтому ему уделяется большее внимание.

2.1. *Подход М.А.К. Халлидея и Р. Хасана*

Халлидей и Хасан исследуют проблему связности текста (преимущественно письменного) и средства, которые делают его единым целым. Не называя эти средства дискурсивными маркерами, они анализируют слова *and, but, by the way, I mean, to sum up* и выявляют их функции, которые фактически совпадают с функциями дискурсивных маркеров. Эти слова, по мнению исследователей, помогают создать текст, указывая на семантические связи в основной понятийной структуре. Халлидей и Хасан выделили че-

тыре значения таких «соединительных единиц»: добавочное, противительное, причинно-следственное и временное [10, p. 5]. Однако внутри эти на первый взгляд простые значения подразделялись на более конкретные. Так, причинно-следственное значение включало в себя общее причинно-следственное значение (простые и эмфатические единицы) и определённое причинно-следственное значение (единицы, обозначающие причину, результат и намерение). Заметим, что сами исследователи признавали, что не только одно значение (функция) может передаваться различными соединительными единицами, но и эти единицы могут в то же время выполнять разные функции. Например, значение *and* может быть добавочным или противительным – в зависимости от контекста.

Такая классификация представляется наиболее логичной, но в то же время и оторванной от устного дискурса, что оправдано исследованием «соединительных единиц» только в письменных текстах. Она даёт общее представление о возможных функциях дискурсивных маркеров, что облегчает задачу исследователю проблемы.

### 2.2. Подход Д. Шиффрин

Другой подход к классификации дискурсивных маркеров представляет Дебора Шиффрин, уделяющая большое внимание тесной взаимосвязи дискурса и маркеров. Она рассматривает дискурс не только как единицу языка, но и как процесс общения, и её работы посвящены устному дискурсу.

Как подчёркивает учёный, дискурсивные маркеры – это единицы, зависящие от последовательности смыслов (*тем или происходящего*), раз-

бывающие *речь на части* [11, p. 57]. По форме Шиффрин делит дискурсивные маркеры на следующие типы:

- 1) соединительные (*and, but, or*);
- 2) восклицательные (*oh*);
- 3) наречные (*now, then*);
- 4) лексические фразы (*y'know, I mean*).

Кроме того, она представила *дискурсивную модель планов*, включающую в себя пять составляющих:

- пропозициональная структура;
- структура действий (речевые акты);
- структура чередования;
- структура участников;
- информационное состояние.

Как утверждает Шиффрин, дискурсивные маркеры могут действовать на разных уровнях дискурса, соединяя высказывания либо на одном плане, либо на различных планах одновременно. Так, маркер *because* может соединять как действия, так и смыслы; ср.:

(a) Yeh, let's get back, *because* she'll never get home.

(b) And they holler Henry!!! *Cause* they really don't know! [11, p. 57].

В примере (a) маркер *because* соединяет просьбу и «оправдание» этой просьбы, в примере (b) он соединяет две идеи. Дальнейшее исследование дискурсивных маркеров Шиффрин показало, что они действуют на частном (между смежными репликами) уровне дискурса.

Учёный уделяет внимание степени собственного значения дискурсивного маркера, выявляя, привносит ли маркер своё значение в дискурс или только усиливает уже семантически понятное значение. Например, маркер *oh* указывает на новизну и неожиданность информации, а маркер *but* отра-



жает понятное из контекста противопоставление.

Отметим, что именно возможность действия на различных планах одновременно обеспечивает многофункциональность дискурсивных маркеров, которая, в свою очередь, обуславливает связи различных планов и уровней дискурса.

### 2.3. Подход Б. Фрейзера

Следующая концепция предложена Брюсом Фрейзером. В ней анализируется прагматика дискурса. Учёный уделяет большое внимание значению предложения и тому, как определённый тип прагматических маркеров связывает смысл одного предложения с другим.

Исследователь выявляет различия между пропозициональным, содержательным и прагматическим значениями и утверждает, что «пропозиция – это семантический инвариант, способный получать истинностное значение» [4, с. 119]. Рассмотрим примеры:

– She thinks the book is not interesting;

– The book is regarded as not interesting by her;

– The book strikes her as being not interesting.

Пропозициональное значение этих трёх предложений одно: местоимение женского рода, первое лицо, *книга*, определение. Понимать пропозициональное значение предложения – знать, о чём оно (кто, когда, где и как именно упоминаются в этом предложении).

Содержательное значение сообщения – это его референциальное значение, то есть более или менее понятное представление о мире, которое говорящий хочет передать адресату.

Прагматическое значение – это значение, связанное с коммуникативным намерением (то есть с тем, зачем говорящий произносит то или иное высказывание, каковы его интенции, чего он хочет достичь).

Фрейзер предлагает классификацию прагматических маркеров:

1) *базовые маркеры (basic markers)*, указывающие на характер основного, базового сообщения:

- a) тип речевого акта;
- b) перформативы;
- c) «прагматические идиомы»;

2) *комментирующие маркеры (commentary markers)*, призванные комментировать базовое сообщение:

- a) оценка;
- b) маркеры очевидности / возможности;
- c) источник информации;
- d) смягчение;

3) *параллельные маркеры (parallel markers)*:

- a) обращения;
- b) маркеры солидарности;
- c) маркеры недовольства и т. д.;

4) *дискурсивные маркеры (discourse markers)*, указывающие на то, как базовое сообщение связано с контекстом:

- a) маркеры смены темы;
- b) маркеры противопоставления;
- c) маркеры детализации, уточнения;
- d) маркеры вывода [8, р. 167–190].

В классификации Фрейзера дискурсивные маркеры – это один вид пояснительных прагматических маркеров, непосредственная задача которых заключается в том, чтобы показать, как одно высказывание связано с другим.

Эта классификация не отражает в полной мере многофункциональность маркеров, признанную большинством учёных.

### 3. Сопоставление подходов к изучению дискурсивных маркеров

Рассмотренные выше подходы во многом совпадают. Так, все они едины в том, что дискурсивные маркеры связывают речь воедино. Они также признают, что дискурсивные маркеры не составляют отдельный синтаксический класс, а являются лишь лексическими высказываниями, относящимися к разным частям речи. Однако в подходах Шиффрин и Фрейзера существует два существенных расхождения.

Во-первых, Шиффрин утверждает, что дискурсивные маркеры соединяют смежные реплики, то есть обеспечивают связь на локальном уровне. А Фрейзер между тем подчёркивает, что прагматическим маркерам совсем не обязательно соединять только последовательно следующие друг за другом реплики, они также могут соединять высказывания на глобальном уровне.

Рассмотрим пример из работы Фрейзера: He drove the truck through the parking lot and into the street. Then he almost cut me off, he ran a red light. *However*, these weren't his worst offences. He was driving without a license [9, p. 938]. Дискурсивный маркер *however* связывает информацию не только из второго предложения, но и из первого с информацией третьего и соответственно четвёртого предложений. Таким образом, Фрейзер утверждает, что дискурсивный маркер может занимать среднюю позицию в высказывании, а не только начальную и конечную.

Во-вторых, различны сами классификации дискурсивных маркеров Шиффрин и Фрейзера, рассмотренные выше.

### 4. Заключение

Разнообразие определений и подходов к изучению дискурсивных маркеров обусловлено множеством речевых ситуаций их употребления и рядом экстралингвистических факторов – таких, как возраст коммуникантов, их социальные роли по отношению друг к другу, и мн. др.

Дискурсивные маркеры – одни из самых сложных и одновременно интересных единиц дискурса для изучения. Внимание многих исследователей привлекает анализ функций дискурсивных маркеров, их позиции в предложении, частотности употребления и роли в современном дискурсе. Всё это и составляет огромный потенциал дискурсивных маркеров, расширяет и углубляет сферу их исследования, ставит новые цели перед учёными-лингвистами и повышает интерес к анализу дискурса в целом.

### ЛИТЕРАТУРА:

1. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 447 с.
2. Кибрик А.А. Лекция «Дискурсивные маркеры» 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14-discourse-markers.pps> (дата обращения: 27.05.2013).
3. Котов А.Е. Социокоммуникативные особенности функционирования дискурсивных маркеров. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ncstu.ru> (дата обращения: 29.06.2013).
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
5. Массалина И.П. Дискурсивные маркеры // Известия КГТУ. 2009. №15. С. 211–217.

6. Тер-Минасова С.Г. «Мысль изречённая есть ложь...» // Ценности и смыслы. 2012. №1 (17). С. 22–33.
7. Fraser, B. An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics. 1990. №14. P. 383–395
8. Fraser, B. Pragmatic markers // Pragmatics. 1996. № 6. P. 167–190.
9. Fraser, B. “What are discourse markers?” // Journal of Pragmatics. 1999. №31. P. 931–952.
10. Halliday, M. A. K. and Hasan, R. Cohesion in English. London: Longman, 1976.
11. Schiffrin, D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

# РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

---

УДК 81:572

**Болховитянов И.В.**

*Московский государственный областной университет*

## **ВЛИЯНИЕ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ НА РАЗВИТИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ АМЕРИКАНСКОГО ФУТБОЛА)**

*Аннотация.* В данной статье описывается межкультурный аспект терминологической антропологической лингвистики на примере анализа регбийных терминов, обозначающих виды игровых комбинаций, в английском и русском языках. В центре внимания автора – процесс становления терминоведения и его корреляции с антропологической лингвистикой. Материалом для исследования послужила лексика, используемая для обозначения игровых комбинаций в таком виде спорта, как регби. Проведённый сравнительно-сопоставительный анализ терминосистемы регби позволил сделать вывод о том, что во многом выбор употребления термина зависит от культурного аспекта, влияющего на сознание человека.

*Ключевые слова:* антропологическая лингвистика, терминосистема, сравнительно-сопоставительный анализ, межкультурный аспект, когнитивная функция языка.

**I. Bolkhovityanov**

*Moscow State Regional University*

## **IMPACT OF TRANSLATION STUDIES ON THE DEVELOPMENT OF LINGUISTIC AND LINGUOCULTURAL ASPECT OF TRANSLATION (ANALYSIS OF AMERICAN FOOTBALL LEXICON)**

*Abstract.* The article describes the cross-cultural aspect of terminological anthropological linguistics in respect to rugby terms denoting types of game combinations in English and Russian languages. We focused on the process of terminology formation and its correlation with anthropological linguistics. The lexicon of game combinations in rugby is the basis of our research. Having carried out the comparative analysis of rugby terms, we came to the conclusion that in many respects the choice of the term depends on the cultural aspect that influences the consciousness of the person.

*Key words:* anthropological linguistics, system of terms, comparative analysis, cross-cultural aspect, cognitive function of language.

---

© Болховитянов И.В., 2014.

Датой появления исследований в области терминологии как отдельного направления отечественного терминоведения принято считать 1931 г. Д.С. Лотте, один из виднейших учёных своего времени, опубликовал статью под названием «Очередные задачи научно-технической терминологии», которая стала первой концептуальной работой, связанной с проблемами унификации и стандартизации терминологии. В своей статье Д.С. Лотте уделяет особое внимание вопросам стандартизации терминов, заимствованию терминов из лексики других языков, а также основным проблемам перевода терминов, которые часто встречаются в научно-технических текстах [2].

Сближение стран, народов и участников различных соревнований является основной целью проведения спортивных состязаний. Общение и обмен информацией между спортсменами, журналистами и болельщиками становится всё более важным в наше время, что делает *спортивный* перевод одной из основных проблем теории перевода.

Любая терминология противопоставляется всей остальной лексике, так как термины стремятся к моносемии, пытаются отделиться от остальной части лексического состава языка [3]. Но в спортивной терминосистеме ситуация кардинально противоположная. Лексика спортивной сферы богата большим количеством примеров многозначности терминов и понятий [1].

Соответственно, спортивная терминология развивается колоссальными темпами, в том числе развитие наблюдается и в лексике такого вида спорта, как регби. Влияние спорта растёт во всём мире, что сказывается на

процессе коммуникации между народами, так как спорт за последнее время стал одной из основных тем для общения.

Исследование лексико-семантических групп (ЛСГ) в регби представляет особый интерес в свете изучения межкультурного аспекта терминологической антропологической лингвистики. Игровые комбинации в регби являются неотъемлемой частью игрового процесса, поэтому выделяются в отдельную ЛСГ. Мы подробнее рассмотрим некоторые лексические единицы, входящие в данную группу, а именно: *blitz defence, breakdown, charging down, counterattack transition, crash ball, dead ball, drag-and-drop, drift, Garryowen, late tackle, loose ball, switch, tunnel, wheel* и *zero tackle*.

*Blitz defence* – *молниеносная защита*. Первая часть данного словосочетания представляет большой интерес. Дело в том, что термин *blitz* появился в 1940-ом году в немецком языке и означал быструю, неожиданную атаку ('sudden overwhelming attack') [4; 5]. Данное слово представляет собой сокращение от *blitzkrieg* (*быстрая война*). В регби и американском футболе данная лексическая единица появилась гораздо позднее, лишь в 1959-ом году, как замена синонимам *quick* и *fast*, которые не могли бы передать всего накала страстей, происходящих на футбольном поле во время проведения данной комбинации [5].

Это один из видов комбинации обороняющейся команды в регби. Суть такой комбинации заключается в моментальном выдвигении защитной линии команды вперёд, как только мяч покидает схватку. Обычно игрок центральной линии выбирает варианты действий защиты при розыгрыше мяча.

Основная задача таких активных действий со стороны защищающейся команды – лишение нападающей команды преимущества по ходу атаки. Такие активные действия вынуждают соперника отходить назад, совершать ошибки при передаче мяча, что повышает шанс потери и перехвата.

С другой стороны, обороняющаяся команда становится уязвимой при такой манере игры. Игрок соперника с мячом может принять быстрое решение и ударить по мячу ногой в сторону ворот, что позволит его партнёрам по команде устремиться за мячом и получить результативные баллы, ведь защитникам надо будет успеть развернуться и вновь набрать скорость, чтобы остановить их.

Другим интересным примером может служить *breakdown* – ‘распад’ / ‘расхождение’ [4]. Данное существительное, образованное от фразового глагола *to breakdown*, имеет ряд значений, включая ‘нервный срыв’ (‘a short period of mental illness when people are too ill to continue their normal lives’), ‘анализ’ (‘a short explanation of the details of something’) и ‘поломку’ (‘when a vehicle or machine stops working for a period of time’) [4]. Однако значения, напрямую связанного со спортивной тематикой, не существует, ввиду чего возможны трудности в понимании данного термина при его употреблении, так как это разговорное выражение, описывающее период между раками (*ruck* (*ruck*) – ‘схватка между игроками команд’ [4]). В этот момент игроки борются между собой за выбор лучшей позиции, используя свою мощь, руки и ноги. Большинство нарушений правил происходит как раз в момент *breakdown*, это могут быть оф-

сайды, движения руками после свистка рефери или попытки получить мяч ранее, чем это будет разрешено главным арбитром.

Ещё один пример, на который стоит обратить внимание – *charging down* – *завал на мяч*. Данное выражение в регби означает блокировку мяча с помощью рук, ног и тела. После того, как игрок противоположной команды нанес удар по мячу, его будет крайне проблематично поймать при ударе о газон (это связано с продолговатой формой регбийного мяча). Именно поэтому игроки противоположной команды часто используют всё своё тело, чтобы в кратчайшие сроки обработать летящий на них мяч. Слово *charge*, заимствованное из французского языка, имеет ряд значений, включая ‘запрашивание платы’, ‘предъявление обвинения’ и ‘произведение зарядки’ [4; 5]. Кроме того, есть значение ‘нападение или атака’ (‘to attack someone or something by moving forward quickly’) [4]. Таким образом, можно прийти к выводу, что в регби данный термин приобрёл частный случай значения атаки, что может говорить о такой роли спортивной терминосистемы, как создание большого количества неологизмов.

Рассмотрим ещё один пример: *crash ball* – ‘разбивающий мяч’ (тактическое действие атакующей команды, при котором игрок получает мяч и на полном ходу устремляется непосредственно в самую гущу защитных построений команды соперника). При высокой скорости игрока атаки остановить очень трудно, поэтому на помощь защитнику приходят два-три партнёра, что позволяет открыть свободные позиции и отдать передачу другому игроку, кото-

рый сможет беспрепятственно пройти до зачётной зоны и принести очки в копилку своей команды.

Данное регбийное выражение не имеет точного эквивалента в русском языке, так как выражает действие, которое легко можно описать на русском языке без использования какого-либо термина. *Crash* – *грохот* ('a sudden, loud noise made when something falls or breaks') [4]; таким образом, мы считаем, что этот термин появился в английском языке благодаря некоторым комментаторам, которые решили употребить новое выражение для придания игровому действию большей эпичности.

*Dead ball* – 'мёртвый мяч' / 'аут', 'ситуация, когда мяч выходит за пределы игрового поля'. При ведении спортивных репортажей русскоязычные комментаторы часто употребляют выражение *мёртвый мяч*, чтобы не допускать постоянной тавтологии и приукрасить репортаж. По сути, данное выражение можно приравнять к *ауту*, так как смысл един. Мяч покидает игровое пространство, и его нужно заново вводить в игру.

Данная лексическая единица используется в основном комментаторами, так как её основная задача – возможность недопущения повторений при описании потери мяча и его отправки за пределы игрового поля, что является довольно частым явлением в регби.

*Garryowen* – *Гарриуэн*. История возникновения термина *Garryowen* известна всем без исключения любителям регби с Британских островов.

В XII в. на территории Ирландии возникло объединение церкви Святого Иоанна и католического духов-

но-рыцарского ордена тамплиеров. Одним из выражений, появившихся в тот период, стало *the garden of John*, по-ирландски звучащее *Garraí Eoin* [5]. От этого выражения и берёт своё начало футбольный клуб из города Лимерик (где и собирались члены ордена тамплиеров).

Футболисты из клуба *Garryowen* первыми начали употреблять один игровой ход, который позволял на короткий промежуток времени передохнуть. Они били по мячу ногой, стараясь не послать его как можно дальше в сторону ворот соперника, а ударить его как можно выше, вне зависимости от дальности полёта мяча.

Такой тактический приём понравился многим футбольным клубам, после чего он стал едва ли не обязательной частью игры почти всех регбийных клубов мира.

*Late tackle* – *поздняя блокировка*. Со словом *late* не возникает проблем при передаче информации на русский язык, а *to tackle* – *перехватывать мяч* ('to try to get the ball from someone in a game such as football') [4].

Поздняя блокировка проводится игроком защищающейся команды на игроке соперника в том случае, когда последний уже расстался с мячом, отдав передачу или ударив по мячу ногой. Так как по правилам регби запрещено атаковать игрока без мяча, то «поздняя блокировка» является нарушением правил, которое может обернуться предупреждением или даже удалением с поля для игрока защищающейся команды.

В случаях, когда поздняя блокировка совершается после удара по мячу, то штрафной удар будет произведён не с того места, где было совершено нару-

шение правил, а оттуда, где приземлится мяч.

Термины в регби могут иметь и прямое (дословное) значение при переводе. Например, *loose ball* – ‘никому не принадлежащий (“ничейный”) мяч’, где *loose* – ‘незакреплённый, болтающийся’ (‘not firmly fixed’) [4].

Во время игры футболист может совершать невынужденную потерю, оставаясь без мяча не из-за активных действий команды соперника, а лишь из-за недостатка собственной техники. Таким образом, термин *loose ball* очень хорошо демонстрирует конкретные действия игрока, который теряет мяч не по причине определённых игровых обстоятельств, а по собственной вине.

*Tunnel* – тоннель. Данное слово имеет только одно значение – ‘тоннель’ (‘a long passage under the ground or through a mountain’) [4]. Это заимствование из французского языка (от *tonnelle*), но и в спортивной терминосистеме возможно употребление такого термина. После того как сформировалась схватка, пространство между ногами трёх игроков передней линии каждой из команд и называется «тоннелем». Схватка будет считаться законченной только в том случае, когда мяч будет выведен из неё в любом направлении кроме «тоннеля».

Аналогичный вариант перевода и употребления термина можно пронаблюдать на примере термина *wheel* – колесо. В английском языке существует всего два значения для данного слова: ‘колесо’ (‘a circular object fixed under a vehicle so that it moves smoothly over the ground’) и ‘руль’ (‘circular object you turn to direct a vehicle’) [4]. Как и в случае с предыдущим примером, может сложиться представление, что

данный термин не может быть частью спортивной регбийной терминосистемы, однако это не так. В случаях, когда игроки, находящиеся в схватке за мяч, сильно увлекаются борьбой, они зачастую начинают поворачиваться вокруг своей оси. Если схватка повернётся на 90 градусов, то судья останавливает игру и возвращает футболистов в исходное положение.

Другой термин, который представляет особую сложность для восприятия человеком, не являющимся носителем английского языка и не понимающим основы регби, – *zero tackle* – ‘правило нулевой схватки’. Сами по себе оба слова, составляющие этот термин, ничем ни примечательны. *Zero* – ноль, *to tackle* – *перехватывать мяч* (‘to try to get the ball from someone in a game such as football’) [4]. Тем не менее, словосочетание в регби имеет непростое объяснение, что связано с тонкостями правил и с отсутствием достаточно высокого уровня интереса к регби в России.

В случаях, когда игроки защищающейся команды на какое-то время завладевают мячом, пока тот находится в воздухе, а затем сразу теряют его, то судья может остановить игру и ввести схватку за мяч. Так как описываемый термин случаем не попадает под основные правила, то схватка будет иметь не № 1, а № 0. Судья обычно объявляет такую схватку фразой *Back to zero!* или *Six again!*. Таким образом, шесть игроков от каждой команды должны вновь вступить в схватку за мяч.

Проанализировав употребление определённой лексико-семантической группы в регби в английском и русском языках, мы пришли к выводу,



что термины в регби переводятся на русский язык дословно или вовсе не переводятся, вместо чего используется метод транслитерации или транскрибирования.

Терминосистемы сильно различаются ввиду определённых обстоятельств, связанных с культурными отличиями, присущими разным народам и этносам. Такое направление антропологической лингвистики, как терминологическая антропологическая лингвистика [3], оказывает существенное воздействие на формирование терминосистем в тех сферах деятельности человека, которые остаются наименее популярными в отдельном народе на определённой стадии его культурного развития.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Богословская В.Р. Активные процессы в спортивной терминологии современного русского языка // Материалы 13-й международной конференции молодых учёных 26–30 декабря 2002 г. СПб., 2002. С. 219–236.
2. Лотте Д.С. Очередные задачи технической терминологии. [Djv-ZIP] Представлено академиком А.С. Орловым. (Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1931. Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. VII серия, 1931, №4). Скан: AAW, OCR, обработка, формат Djv: Dmitry7, 2013. [Электронный ресурс]. URL: [http://publib.ru/ARCHIVES/L/LOTTE\\_Dmitriy\\_Semenovich/\\_Lotte\\_D.S..html](http://publib.ru/ARCHIVES/L/LOTTE_Dmitriy_Semenovich/_Lotte_D.S..html) (дата обращения: 10.09.2014).
3. Чернышова Л.А. Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 206 с.
4. Cambridge Learner's Dictionary, English-Russian. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 18.06.2014).
5. Online etymology dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 18.06.2014).

УДК 81'42

**Колесников А.А.***Московский государственный областной университет*

## ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН В РЭП-ДИСКУРСЕ

*Аннотация.* Статья посвящена понятию интертекстуальности, как свойству текстов активировать в сознании читателя тексты, прочитанные им ранее. Автор анализирует различные подходы к определению интертекстуальности, рассматривает особенности её реализации в текстах разных функциональных стилей. С практической точки зрения освещается вопрос о причинах и особенностях использования прецедентных имён, как частного случая интертекстуальности, в текстах песен рэп-дискурса. Наблюдение над языковым материалом позволяет заключить, что прецедентные имена в рэп-дискурсе используются для введения в текст культурного маркера, который будет понятен широкому кругу представителей определённой социальной группы.

*Ключевые слова:* интертекстуальность, прецедентность, прецедентное имя, текст, рэп-дискурс.

**A. Kolesnikov***Moscow State Regional University*

## CHARACTERISTICS OF PRECEDENTIAL NAMES USAGE IN RAP-DISOURSE

*Abstract.* The article is devoted to the notion of intertextuality as a text characteristic that activates in the reader's mind other texts he/she has read before. In the article different approaches to the definition of intertextuality are analyzed and actualization of his concept in texts belonging to different functional styles is examined. The reasons and peculiarities of precedent names usage in rap-discourse texts as a case of intertextuality are discussed. The main conclusion is that precedent names in rap-discourse are used to introduce into the text a cultural marker that could be understood by the majority of certain social group.

*Key words:* intertextuality, precedence, precedent name, text, rap-discourse.

Понятие *интертекстуальности*, как свойство любого текста вступать в диалог с другим текстом, было введено в научный обиход Ю. Кристевой. В числе основных источников самой теории называют исследования М.М. Бахтина, в частности его понятие «чужого слова», а также понятия *культурной сферы* и *семиотического пространства*, предло-

женные Ю.М. Лотманом [9, с. 97]. В процессе дальнейшего развития сформулированных Кристевой теоретических положений были предложены новые определения и интерпретации термина.

В современных работах (Гусева 2009; Малаховская 2007; Чернявская 2009), как правило, выделяются несколько подходов к определению интертекстуальности:

1) *широкая модель*, в рамках которой любой текст рассматривается как интертекст, независимо от авторской интенции;

2) *узкая модель*, в рамках которой интертекстуальность подразумевает присутствие в одном тексте одного или более других текстов, для реализации которых автор использует такие приёмы, как цитата, аллюзия, реминисценция и др.;

3) *негативная модель*, в рамках которой понятие интертекстуальности используется для определения таких явлений, как цитата, аллюзия, реминисценция и др., и не подразумевает под собой никакой языковой реальности [5; 12; 15].

Несмотря на сосуществование в научной литературе упомянутых выше точек зрения, все они, так или иначе, связаны с различными формами диалогизма текстов. Мы придерживаемся определения, предложенного М.Л. Малаховской, лишённого жёстких границ между концепциями. Автор определяет *интертекстуальность* как «наличие в тексте элементов, которые, вследствие целенаправленной авторской стратегии или же безотносительно его интенции, активируют в сознании читателя другие, прочитанные им ранее тексты» [12, с. 5].

Отметим, что появление понятия «авторской стратегии» в определении М.Л. Малаховской неслучайно. Явление интертекстуальности встречается в текстах различных функциональных стилей; тем не менее, наибольший интерес оно представляет в художественном тексте. Как отмечают многие исследователи, его использование становится важным стилиобразующим и смыслопоражающим фак-

тором и позволяет сохранить в тексте определённый образ культур. О связи текстов художественного творчества с культурой высказываются в своих работах А.Н. Веселовский и Л.С. Выготский.

А.Н. Веселовский отмечает, что «внешний мир действительности даёт поэту объективное, эпическое содержание» [2, с. 190], а история литературы не может восприниматься отдельно от истории культуры. По мнению исследователя, художественный текст связан с человеческой памятью через культурную традицию: «Поэт связан материалом, доставшимся ему по наследству от предшествующей поры; его точка отправления уже дана тем, что было сделано до него» [2, с. 16–17].

Л.С. Выготский в работе «Психология искусства» говорит о невозможности научного изучения искусства при отрицании его связи «со всеми остальными областями социальной жизни, в его конкретной исторической обусловленности» [3, с. 21].

В работах последних лет, посвящённых проблемам интертекстуальности, рассматриваются, как правило, классические литературные произведения. Нами же в качестве объекта исследования было выбрано языковое пространство текстов рэп-дискурса, которое предлагается рассматривать, следуя определению Е.С. Кубряковой, как «сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определённого текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств: знаний о мире, установок, мнений, целей создателя текста» [10, с. 13–14].

Предметом в данном случае послужили примеры использования в текстах рэп-дискурса **прецедентных имён** как частного случая интертекстуальности. Появление самого понятия «прецедентности» и «прецедентного текста» [1; 4; 6; 8] обусловлено повышением интереса к познанию культуры народа через язык, а употребление автором того или иного прецедентного имени связано с его субъективной оценкой, «сформированной под воздействием ценностей, господствующих в данной культуре» [7, с. 5].

Интерпретируя параметры прецедентного текста, предложенные Ю.Н. Карауловым, Д.Б. Гудков приводит характеристики, которыми должно обладать прецедентное имя:

– связь с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных;

– связь с ситуацией, «широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная»;

– прецедентное имя является «именем-символом, указывающим на некоторую эталонную совокупность определённых качеств» [4, с. 108].

Затрагивая вопрос прецедентных феноменов, нельзя обойти стороной проблему номинации как явления, связывающего создание языкового знака с психологией и социально-духовной жизнью человека [13, с. 153]. Важно также отметить, что происходит эта номинация под влиянием экстралингвистических факторов: особенностей культуры и национального характера, стиля и жанровой разновидности текста [11, с. 2]. При использовании прецедентных имён используется вторичная номинация, т. е. вторичное ис-

пользование существующих языковых форм в роли названия.

Говоря о количественных показателях, следует отметить, что 63% прецедентных имён, которые были найдены нами в процессе анализа текстов, являются частью стилистического приёма сравнения. Этот факт подтверждает важность признака, а не референта прецедентного имени при его упоминании в тексте. Так, в примере «*Не вижу смысла поступать по-другому, / Ведь жизнь быстрая, как жёлтая машина Петрова*» для воплощения идеи автора важно не само прецедентное имя «жёлтая машина Петрова» как ссылка на гоночный болид нашего соотечественника, а те характеристики, которые ему соответствуют, в частности скорость.

Рассмотрим и прокомментируем наиболее интересные случаи использования прецедентных имён. В выбранных примерах автор использует для создания определённого образа не только само прецедентное имя, но и некоторые его характеристики:

(1) «*Я не писал для радио, я не писал для клубов, / Но мои песни там. Отмазываться уже глупо / И нелепо, как багажник на крыше у Бэнтли*» (Бэнтли – марка английского автомобиля премиум-класса, и установка на его крыше багажника для перевозки грузов абсурдна);

(2) «*Лестница вверх, следующая ступень. / Внутри сложены числа, будто мой рэп – Эйнштейн*» (исполнитель сравнивает собственное умение писать песни с аналитическим даром великого физика А. Эйнштейна);

(3) «*Во мне мак чикен, кофе, дури как в AMG / 6 и 3, злое музло долбит на весь стрит*» (AMG – маркировка, указывающая на увеличенную мощность

и объём двигателя, которая присваивается отдельным моделям автомобилей марки *Mercedes-Benz*);

(4) «Я почти макака, как **Вака-Флака**, / И на эти тексты принтер зря извёл бумагу» (*Waka Flacka* – американский рэп-исполнитель, который ведёт себя на сцене вызывающе и не серьёзно);

(5) «Это не **Wiz Kalifa**, а Валя Денис и Гига. / Бодришь, Амико, и взлетай с нами ввысь, как **Мигу**» (*Wiz Kalifa* – американский рэп-исполнитель, который отличается лиричным стилем исполнения песен; «Миг» – марка российских военных самолётов-истребителей);

(6) «Не популярен, как **Боб** и мать его **Спанч**, / Любого дна, это хип-хоп Американщина 2!» (*Спанч Боб* – персонаж американского мультфильма, не слишком популярного в России);

(7) «Неважно, на тебе **Джордан** или модный пиджак. / Не промахнись, как **Кержак**, / Не наступи на ежа» (*Джордан* – отсылка к модели кроссовок, разработанной совместно с баскетболистом Майклом Джорданом (в данном случае автор намекает на свободный стиль в одежде своего слушателя); *Кержак* – отсылка к игроку сборной России по футболу, который «отличился» частыми ударами мимо ворот);

(8) «Навожу движухи, когда надо, пуляю с радара, / Везде успеваю, словно минимум 3 **Аватара**» (*Аватар* – отсылка к одноимённому фильму; *Аватар* в данном случае используется как синоним слова клон);

(9) «Свой каждый день превращаю я в праздник, братан. / Пуф! **Амаяк Акопян**» (*Амаяк Акопян* – отсылка к известному фокуснику и его способностям);

(10) «Не стану париться, как **Тай-**

**сон** на экзамене, / Не буду плакаться, как в моём втором альбоме» (*Тайсон* – отсылка к персоне знаменитого боксёра и его возможности не беспокоиться по пустякам в силу своих навыков);

(11) «Магия чисел, будто мой рэп – **Эйнштейн**, / Я складываю кадры, и мне не надо ножниц и клея» (*Эйнштейн* – очередная ссылка на великого физика и сферу его деятельности);

(12) «Сегодня вторник, и мы целуемся в парке, / Улётный день, как **летающие Nike'i**» («летающими» кроссовки фирмы *Nike* стали благодаря полному наименованию этой модели – «*Nike Air Force I*»);

(13) «Один на бэках, второй – в мясе, / Третий стреляет, как **Робин** в цель, меткие фразы» (*Робин* – отсылка к герою легенд и его меткости);

(14) «Не доверяй слухам, это лишь слухи. / Ищешь смысл? – копни в моих песнях, в этом я словно **Google**» (*Google* – отсылка к поисковику, как источнику достоверной информации);

(15) «Пойми, чай должен быть беспощадным, / Как брошенная **Овечкиным** хоккейная шайба» (*Овечкин* – отсылка к известному хоккеисту и его спортивным успехам);

(16) «Я даю ему фору, делаю жадный глоток. / Вербальный массаж парализует как ток, / Я обгоняю время, как **Bugatti** каток» (*Bugatti* – отсылка к модели автомобиля, одному из самых быстрых в мире);

(17) “I’m not a fan of no man, I’m not (Stan) / Flow like **Niagara**, that’s why they go God (dam)” (*Niagara* – ссылка на один из крупнейших в мире водопадов и сравнение с ним своих рифм и стиля);

(18) “Cause I am **Mike Jordan**, **Mike Tyson**, **Mike Phelps** / **Michelangelo**

*with the flow bro and the mic helps*” (Mike Jordan, Mike Tyson, Mike Phelps, Michelangelo – отсылка и перечисление имён знаменитых спортсменов и художника, что может свидетельствовать о выдающихся результатах исполнителя в своём деле);

(19) “*Cus I am Al Capone, John Gotti, Larry Hoover / Tooky Williams, Mike and sexy on, bit\*\*h I will do ya*” (Al Capone, John Gotti, Larry Hoover, Tooky Williams – отсылки к известным американским гангстерам, сравнение с которыми должно наводить на всех врагов исполнителя страх);

(20) “*Involved with the lights to give it that red feel / Feeling like Bruce Wayne, making up for never making the prom*” (Bruce Wayne – отсылка к герою комиксов, который борется со злом);

(21) “*Loyal females who can't just give me the twat / They show me like I'm a big stock broker on Wall Street*” (*Wall Street* – отсылка к названию улицы в Нью-Йорке, где находятся крупнейшие биржевые компании).

Анализ материала показал, что использование прецедентных имён в рэп-дискурсе является весьма распространённым явлением. В 10 текстах, выбранных для изучения, нами было найдено 52 прецедентных имени. Следует отметить, что среди примеров можно выделить языковые единицы со сходным семантическим значением, что позволяет разбить их на группы, например, такие как «спорт», «популярная культура», «спортивные автомобили», «известные гангстеры». Указанные группы содержат 31 прецедентное имя, что позволяет предположить их особую важность для носителей хип-хоп культуры. Таким образом, параллельно с созданием экспрессивности образов

(например, для описания физических качеств, достижений, выносливости, демонстрации высоких результатов и показателей авторы текстов используют ссылки на атлетов, известных во всем мире – примеры (7), (10), (18), (19)) для привлечения внимания используются ссылками модели дорогих автомобилей – (1), (3), (16), а для доступности изложения исполнители используют ссылки на массовую культуру – (4), (5), (8), (20), (21), что позволяет наиболее эмоционально, быстро и ярко воздействовать на слушателя. Исполнитель указывает на те явления действительности, которые имеют для него особое значение, повлияли на него, которые он стремится воспроизводить в речи.

Результаты анализа текстов также подтверждают тот факт, что в процессе номинации прецедентного имени обычно используется один или несколько наиболее ярких признаков, репрезентирующих весь предмет [11, с. 2]. Например, из всех признаков прецедентного имени «*Кержак*» из примера (7) на первый план выходит история его *промахов* по футбольным воротам. При этом такие его характеристики, как *скорость*, *умение владеть мячом*, *физическая форма* и *популярность среди женщин*, опускаются вовсе.

Подводя итог, важно отметить, что прецедентные имена в рэп-дискурсе используются для введения в текст культурного маркера, который будет понятен и воспринят большинством представителей данной социальной группы. Об этом говорит и Ю.С. Степанов. Определяя *интертекст*, он отмечает важность «*соединения, скрепления, «слипания» нескольких представлений, образов и их словесных выражений*» для культуры. По утверж-

дению исследователя, в результате этих процессов *«интертекст становится естественной средой бытования культурных концептов»* (курсив наш. – А.К.) [14, с. 4].

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004–2007 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2008. 230 с.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 408 с.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986. 572 с.
4. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
5. Гусева А.А. Интертекстуальность как переводческая проблема (на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и его перевода на русский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 21 с.
6. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 303 с.
7. Косиченко Е.Ф. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2006. 224 с.
8. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
9. Крестева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 1. С. 97–124.
10. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 2000. С. 7–25.
11. Максименко О.И. Нейминг как особая форма номинации // Аксиомы и парадоксы языка; структура, коммуникация, дискурс. Материалы VII международной науч. конф. ВУ. М.: ЗАО «Книга и бизнес», 2013. С. 433–442.
12. Малаховская М.Л. Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводческом аспекте (на материале произведений К.С. Льюиса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 18 с.
13. Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. Т. 1. С. 147–188.
14. Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60. №1. С. 3–11.
15. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 248 с.

УДК 8:81

**Молчанова Д.В.***Московский государственный областной университет***ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО  
КОНЦЕПТА «ЛЕДИ» (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО  
ЭКСПЕРИМЕНТА СРЕДИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ РЕСПОНДЕНТОВ)**

*Аннотация.* В статье раскрывается методологическая база исследования концепта «леди». По результатам ассоциативного эксперимента, проведённого среди носителей русского языка, автор выделяет категориальные характеристики концепта, отражённые в языковом сознании респондентов. Категориальные характеристики представляют собой суммарный объём значений, полученных при интерпретации результатов ассоциативного эксперимента, и служат отображением восприятия образных характеристик исследуемого лингвокультурного концепта носителями русского языка.

*Ключевые слова:* концепт, образные характеристики, ассоциативный эксперимент.

**D. Molchanova***Moscow State Regional University***FIGURATIVE CONSTITUENTS OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT  
«LADY» (ASSOCIATIVE EXPERIMENT AMONG RUSSIAN NATIVE  
SPEAKERS)**

*Abstract.* The methodological basis of the concept «lady» is presented in the article. Associations that the word «lady» has for Russian native speakers were analysed in order to determine categorical characteristics of the concept reflected in linguistic consciousness. These characteristics were collected while interpreting the results of the associative experiment and serve to reflect the perception of figurative constituents of the above mentioned linguocultural concept by the Russian native speakers.

*Key words:* concept, figurative constituents, associative experiment.

Американские лингвисты Э. Сепир и Б.Л. Уорф ещё в 30-е гг. XX в., задолго до оформления лингвокультурологии в отдельную область науки, выдвинули гипотезу о лингвистической относительности, согласно которой системы понятий, существующие в сознании человека, а, значит, и существенные особенности его мышления, определяются языком, носителем ко-

торого является этот человек. Это относится как к грамматическому, фонетическому и лексическому фондам языка, так и к представлениям отдельно взятых народов о различных концептах. Различие в способе языковой концептуализации мира можно проиллюстрировать на простом примере: в английском языке используются слова *house* со значением «дом как здание» и *home* с дополнительным значением «дом как очаг, родина»; в русском



же языке значения двух данных лексем соединены в одном слове – дом.

Термин «концепт», как один из объектов изучения лингвокультурологии, неоднозначно трактуется различными лингвистическими школами и направлениями. Наш подход к пониманию данного понятия, а также его типология представлены в работе «К вопросу о типологии концепта “леди”» [3].

Настоящая статья посвящена методологии анализа лингвокультурного концепта. Мы рассматриваем понятийные, образные и ценностные характеристики концепта, используя контрастивный (сопоставительный) анализ (по И.А. Стернину [6]).

Мы выбрали эту методику (несколько подкорректировав её) как наиболее подходящую для нашего исследования<sup>1</sup>:

**1. Понятийные характеристики**, определяемые путём этимологического анализа (по данным словарей), анализа значений ключевого слова на основе словарных толкований (дефиниционные характеристики) или концептуального анализа тезаурусных связей, представляющего собой поиск и анализ случаев взаимодействия концепта с различными лексическими единицами в тезаурусных, толковых, энциклопедических и других словарях.

**2. Образные характеристики**, определяемые в ходе ассоциативного эксперимента, т. е. путём анализа ассоциативного поля, связанного с ключевым словом концепта (схожий подход применяют И.А. Стернин и З.Д. Попова, основываясь на концепции ядерно-периферийной структуры концепта).

**3. Ценностные характеристики**,

<sup>1</sup> Использовались идеи В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и С.Г. Воркачева [2; 5; 1].

выявляемые в результате самых разных исследовательских процедур:

– анализ фразеологических и паремиологических единиц, афоризмов, в которые входит изучаемый концепт, что позволяет описать наивные представления о явлении, представить видение мира, национальную культуру;

– рецептивный эксперимент, в котором респонденты получают возможность самим давать определение концепта «леди» и тем самым проявлять степень осведомлённости о нём;

– социолингвистический эксперимент, указывающий на отношение опрошенных к концепту в целом;

– диахронический лингвокультурологический анализ текстов, являющихся подлинными хранителями культуры; сравнение лингвокультурных единиц во времени и проникновение в их сущность. Анализ производится с опорой на результаты социолингвистического эксперимента и этимологического анализа.

В проведённом ассоциативном эксперименте приняли участие 100 респондентов в возрасте 17–25 лет – студенты двух гуманитарных вузов<sup>2</sup>. Инструкция ориентировала испытуемых на порождение свободных ассоциаций на слово-стимул «леди». Количество ассоциаций не ограничивалось.

Проведя анализ словарных дефиниций русских и английских словарей, мы выделили суммарный объём значений лексемы «леди», а также соотношения этих значений с ассоциациями респондентов.

Всего было зафиксировано 418 реакций. Девять из них (нос, птица, iron

<sup>2</sup> Московский государственный областной университет (МГОУ) и Институт гуманитарного образования (ИГУМО).

lady, мама и т. п.) являются окказиональными и не учитываются при дальнейшем анализе. Было проанализировано 409 реакций.

Принципиальной для нас была возможность классификации ассоциатов по категориальным признакам, выявляющим основные значения концепта в индивидуальном сознании респондентов.

1. В первую очередь, леди характеризуется *положительным поведением в обществе* (в том числе и коммуникативным), будучи «воспитанной» (26 ответов), «обладая манерами» (14), «благородством» (9), «сдержанностью» (6), «соблюдением этикета» (6), являясь «уверенной в себе» (5), «умея вести себя в обществе» (5), будучи «доброй» (4), «аккуратной» (4), «вежливой» (4), «нежной» (3), «обаятельной» (3), «культурной» (3), «кокетливой» (3), «обладая трезвостью ума» (3), являясь «уважаемой» (2), обладая «красивой речью» (2) и «культурой общения» (1). В этой группе признаков – желание подражать ей, проявляющееся в том, что леди «безупречна» (2), «настоящая» (1), «идеал» (1), «возвышенна» (1) и обладает «превосходством» (1).

2. Леди получает *положительную оценку внешности*, она «красива» (26), «элегантна» (16), «утончённа» (13), «женственна» (9), «изысканна» (6), «изящна» (6), «грациозна» (6), «ухажена» (6), «с хорошей фигурой» (4). Кроме того, она обладает «чувством стиля» (8) и «вкусом» (1). Её отличают такие аксессуары, как «шляпка» (7), «платье» (6), «перчатки» (3), неизменная «сумочка» (3), красивая дорогая «одежда» (3), «зонтик» (2), «туфли» (2), «шуба» (2), «помада» на губах (1), иногда она в «элегантном костюме» (1), с

«собачкой» (1) и, вероятно, с ухоженными «волосами» (1).

3. Леди – это женщина *определённого возраста*, чаще её считают «взрослой» (1), «опытной» (1), «женщиной» (20) и «дамой» (7), нежели «молодой» (1), «юной» (1), «девушкой» (19) или «девочкой» (1).

4. Леди – особа, *обладающая выдающимися умственными способностями*. Она «образованна» (14), «интеллигентна» (6), «умна» (5), «начитанна» (1), «мудра» (1), «обладает знанием языков» (1), «любит классическую музыку» (1) и «увлечена искусством» (1).

Все эти характеристики формируют ядро концепта, как свидетельствуют многочисленные реакции. Периферии концепта составляют следующие характеристики:

5. Леди обладает отчётливой *персональной идентификацией* в ассоциативном поле респондентов. В первую очередь для них она «светский персонаж» (12), «принцесса Диана» (10), «Виктория Харви» (1) – обладательница Ордена Британской Империи, дама с благородными корнями и «Кейт Миддлтон» (1) – супруга британского принца. Леди – «литературная героиня» (6), «Мэри Поппинс» (4), «леди Уинтер» (1), «Элизабет Беннет» (1) и «часть литературы» (2); единичные реакции вызвали «романы Джейн Остин» (1) и «классическая литература» в целом (1). По мнению респондентов, леди ассоциируется с какой-либо известной актрисой или певицей (были названы «поп-певица» (2), «Леди Гага» (2), «Одри Хепберн» (1), актрисы «Вивьен Ли» (1), «Грейс Келли» (1)); реже – с фильмом или книгой: «Моя прекрасная леди» (2), «собака из мультфильма» (1).

тика» (1) (по всей видимости, Леди из мультфильма «Леди и Бродяга»).

6. Будучи лексемой, пришедшей из английского языка, леди может в какой-то мере служить *символом Англии*; ср.: «жительница Англии» (9), «английская «роза» (2), «чаепитие» (1), «джентельмен» (1), «денди» (1) английский «сад» (1).

7. Следующая группа характеристик – *высокий статус и общественное положение* леди, она «обладает богатством» (5), принадлежит «высшему обществу» (3), «аристократична» (2), у неё «хорошее происхождение» (2), «титул» (1), она может быть «первой леди страны» (1) (то есть супруга президента или премьер-министра).

8. Достаточно близким к предыдущему значению, но всё же отличным от него можно считать характеристику леди как особы, *близкой к королевской семье, придворным* (ср.: «бал» (3), «посещающая приёмы» (3), «дворец» (2), «ресторан» (1), «принцесса» (1), «королевская монархия» (1), «королева» (1)).

9. У большинства респондентов «леди» вызывает положительные ассоциации, однако некоторые считают, что леди – это особа, *вызывающая негативные эмоции*, такие как «скука» (2); её отличают «надменность» (1), «закрытость» (1), «праздность» (1), она «строгая» (1); подобная особа иногда вызывает «эпатаж» (1), «неожиданность» (1) и «нескромность» (1). Первые ассоциаты предположительно навеяны некой чопорностью леди, а последние три можно объяснить, например, ассоциацией с певицей леди Гага.

10. У респондентов леди ассоциируется *со старинной*, она «особа из

прошлого» (1), окружённая «рыцарями» (2), «девушка из XIX в.» (2) эпохи «лошадей» (1), «дуэлей» (1) и «шпага» (1).

Итак, анализ ассоциатов к слову-стимулу «леди» позволяет выявить ассоциативные значения концепта, которые можно сгруппировать по следующим типам<sup>1</sup>:

1. *«Леди → леди» (истинная леди)*. Благовоспитанная, утончённая, образованная женщина привлекательной внешности и этнокультурно ассоциирующаяся с Англией, имеющая там одноимённый титул и тесную связь с королевской семьёй. К числу леди можно отнести иконы стиля XX в. – Одри Хепберн, Грейс Келли, Вивьен Ли, что указывает на высокую честь быть названным этим словом и тот факт, что многие леди родом из прошлого. Леди одета безупречно, как правило, дорого; её внешний вид говорит о тонком вкусе и эlegantности.

2. *«Не Леди → леди» (элевирированная, преобразовавшаяся леди)* – противопоставление, позволяющее предположить, что она не была рождена при королевском дворе, неблагородного происхождения, но наделена положительными оценочными и образными характеристиками. Её безупречный внешний вид во многом списан с образа Мэри Поппинс из одноимённого советского фильма с Натальей Андрейченко в главной роли. Эта особа вполне может являться образцом для подражания, будучи безупречной, настоящим воплощением женщины, хоть и совсем небольшой процент респондентов готов избрать её идеалом для себя.

<sup>1</sup>Подробнее типы изложены в статье «Лингвопоэтический анализ концепта «леди» [4].

3. *Леди* → *не леди* («деградировавшая» *леди*). Являясь в общем положительным понятием, *леди*, всё же, может содержать в себе некоторые отрицательные черты: может быть скучной, закрытой, надменной, а в современном значении – и эпатажной, шокирующей, подобно певице Леди Гага, известной своими неординарными образами и провокационным поведением. При этом она может иметь благородное происхождение. Однако жизненные обстоятельства могут изменить эту особу, заставить её деградировать.

4. *Леди* как синоним девушки, женщины, ставший распространённым вежливым обращением к любой особе женского пола.

Проведенный эксперимент – первый этап исследования концепта. В дальнейшем планируется исследовать этот концепт при помощи сравнительного анализа по результатам ассоциативного эксперимента среди англоязычных носителей, а также иных экспериментов (рецептивного, социолингвистического и методики завершения).

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 237 с.
2. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажии. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 8–25.
3. Молчанова Д.В. К вопросу о типологии концепта «леди» // Формирование культурной и языковой компетентности в процессе изучения иностранного языка. Интернет и изучение иностранного языка: Сб. материалов международной научной конференции (26–27 сентября 2014 г., Москва). М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 290–292.
4. Молчанова Д.В. Лингвопоэтический анализ концепта «леди» // Иностранный язык в системе среднего и высшего образования : материалы III международной научно-практической конференции 1–2 октября 2013 года. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 26–31.
5. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 328 с.
6. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004. 216 с.

УДК 81-114

**Москалева А.С., Круглякова О.В.***Российская таможенная академия (Владивостокский филиал)***ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ МЕТОДОМ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА**

*Аннотация.* Данная статья посвящена исследованию лексических синонимов методом корпусного анализа в английском языке для таможенного дела. Анализ контекстов по таможенной тематике в сопоставлении с контекстами других предметных областей, размещённых в корпусе, способствует выявлению закономерности функционирования и тенденции к употреблению исследуемых синонимичных лексем. Интерпретация функционирования синонимов в английском языке для таможенного дела происходит на основании сопоставления смысловых признаков ситуации, свойственной означиванию исследуемыми лексемами. Подчёркивается роль корпуса как дополнительного инструмента для объяснительных и эмпирических исследований.

*Ключевые слова:* лексическая синонимия, корпусный анализ, корпус национального языка, таможенное дело.

**A. Moskaleva, O. Kruglyakova***Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy***THE STUDY OF LEXICAL SYNONYMS BY APPLYING CORPUS ANALYSIS IN ENGLISH FOR CUSTOMS**

*Abstract.* The article describes the research of lexical synonyms in English for Customs by applying corpus analysis. The analysis of contexts related to the Customs in comparison with the contexts of various discourses from corpuses contributes to revealing usage patterns and parameters of lexical synonyms under study. The interpretation of synonyms usage in Customs English is based on comparing the semantic elements of the context situation which tends to be signified by one of the synonyms. The paper emphasizes the role of corpus as the additional instrument for empiric and explanatory studies.

*Key words:* lexical synonyms, corpus analysis, corpus of national language, Customs.

Современный этап исследования лексической синонимии характеризуется возросшим интересом к изучению данного феномена в текстах профессиональной коммуникации в русле современных научных парадигм. В исследовательской практике имеются работы по изучению синонимических корреляций в научно-попу-

© Москалева А.С., Круглякова О.В., 2014.

лярных медицинских текстах [10; 11], международном морском праве [5], газетном дискурсе [7], терминологии логистики [4].

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена расширением международного сотрудничества России с таможенными службами зарубежных стран, которая в настоящее время ведёт к увеличению количества

правовых документов и отчётной документации.

Изучение особенностей организации и оформления содержания концепции таможенного администрирования в английском языке, а также специфики перевода текстов данной профессиональной области с английского языка на русский язык заслуживает особого внимания в рамках проблематики сопоставления языков для специальных целей.

В данной работе предметом исследования методом корпусного анализа являются синонимичные прилагательные *illegal, illicit, illegitimate, unlawful*, которые в рамках сопоставления параллельных текстов английского и русского языков для таможенного дела, обнаруживают своим соответствием русскую лексико-графическую форму *незаконный*.

Интроспективный анализ правовых документов (конвенций), отчётов Всемирной таможенной организации (ВТамО), включая "Illicit trade in Ireland" («Незаконная торговля в Ирландии»), "Illicit Trade Report 2012" («Отчёт о незаконной торговле»), "Annual report 2012-2013" («Годовой отчёт ВТамО 2012-2013») и др. (около 2500 страниц), выявляет следующий показатель частотности функционирования<sup>1</sup> исследуемых лексем: *illicit* – 51%, *illegal* – 39%, *unlawful* – 6%, *illegitimate* – 4%.

В процессе наблюдения за функционированием данных прилагательных в значении «незаконный» в английском языке для таможенного дела возникает ряд вопросов. Например, являются ли

сочетания *illegal, illicit, unlawful* и *illegitimate* со словами *goods* (товары), *products* (товары, продукция), *drugs* (наркотики), *income* (доход), *import / export* (ввоз / вывоз), *merchandise* (товар) следствием взаимозаменяемости, или такая сочетаемость обусловлена семантикой самих прилагательных, различной референтной соотнесённостью или привязкой к определённому контексту?

Для того чтобы дать однозначный ответ на эти и другие вопросы, необходимо выявить закономерности функционирования и тенденции к употреблению данных лексем в сопоставлении с их употреблением в других предметных областях, исследовав больший по объёму языковой материал. Такую возможность предоставляет метод корпусного анализа, представляющий собой совокупность приёмов и средств для количественной и качественной обработки языкового материала в корпусе текстов, включая программы-конкордансы для анализа аспектов употреблений и распределений слов в корпусе, и семантическую разметку, позволяющую выявлять тенденции слов к сочетаемости с определённым таксономическим классом слов и т. д.

Предваряя ход исследования, остановимся на понятиях лексической синонимии и критериях лексической синонимии, релевантных для данной работы. Анализ существующих в языкознании критериев синонимии позволяет рассматривать *лексические синонимы* как принадлежащие одной части речи эквивалентные корреляты, находящиеся в отношениях семантической близости, степень проявления которой обусловлена не только общностью семантических признаков в пределах их семантических структур, но и общно-

<sup>1</sup> Под *функционированием* лексемы в данной работе понимается актуализация одного из её значений в среде функционирования – контексте и речевой ситуации.

Таблица

## Словарные дефиниции лексем в соответствии со словарём

Лексема	Дефиниция	Этимология	Русское соответствие
<b>illicit</b>	forbidden by law, rules, or custom	Lat., <i>licere</i> , to allow	незаконный, запрещённый, недозволенный, противозаконный
<b>illegal</b>	contrary to or forbidden by law, especially criminal law	Lat., <i>lex</i> , a statutory law	незаконный, противозаконный, неправомерный, противоправный
<b>unlawful</b>	not conforming to, permitted by, or recognized by law or rules	Old Norse <i>lag</i> 'something laid down or fixed'	незаконный, противозаконный, противоправный, неправомерный
<b>illegitimate</b>	not authorized by the law; not in accordance with accepted standards or rules	Latin <i>illegitimus</i> (from <i>in-</i> 'not' + <i>legitimus</i> 'lawful')	беззаконный, незаконный, противозаконный, неузаконенный

\*Источник [17]

стью референциально-тождественного пространства<sup>1</sup>, т. е. ситуации, актуализированной в тексте [4].

Так, верификация словарных дефиниций (см. Табл.) позволяет установить значение каждой лексемы и выделить общий для всех лексем семантический признак *contrary to the law* / *противоречащий закону*, что подтверждает наличие синонимической корреляции между ними.

Однако словарные дефиниции не дают однозначного представления о закономерностях функционирования синонимов.

Интерпретация лексем в нашей работе осуществляется разработанным сторонниками Московской семантической школы [8] сентенционным<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Термин *референциально-тождественное пространство* употребляется в работах С.В. Власенко и трактуется как принципиальное условие установления семантической близости синонимов [1, с. 7].

<sup>2</sup> Сентенционная форма может называться

способом (от. англ. *sentence*), т. е. в виде набора компонентов пропозициональной структуры (сценария), и опирается на точку зрения российских лингвистов, в соответствии с которой различия между синонимами не могут быть сведены только к различиям в их семантических структурах, а касаются коммуникативных, прагматических и других экстралингвистических условий их употребления, их возможных референтов [7, с. 394; 1; 2; 9].

В рамках данной статьи приведём некоторые выявленные в результате проведённого корпусного анализа<sup>3</sup> закономерности функционирования *ис-* и ситуационной формой, так как она включает переменные, которые обозначают участников описываемой данным словом ситуации [3].

<sup>3</sup> Материал для исследования был получен из Национального британского корпуса (British National Corpus – BNC), Корпуса английского языка, распространённого в сети Интернет (Corpus of Global web-based English), корпуса параллельных текстов (ABBY Lingvo), Национального корпуса русского языка.

следуемых синонимов в английском языке для таможенного дела и тенденции для современного употребления (которые, безусловно, нельзя интерпретировать как жёсткие правила).

Так, типизация контекстов различных тематик в корпусе позволила выделить общую ситуацию означивания данными лексемами. Лексические синонимы *illicit*, *illegal*, *unlawful*, *illegitimate* отрицательно характеризуют результат деятельности, род и область занятий человека в соответствии с источником правомерности (законом, традициями, социальными правилами). Ситуация, которая может быть означена одной из исследуемых лексем, структурно задаётся следующей конфигурацией компонентов: субъект *A* осуществляет деятельность *C* неким способом *D* по направлению к объекту *B* для достижения цели *F*, в результате ущерба *G* некий источник правомерности *Y* даёт оценку деятельности *Z* и устанавливает меры ответственности *H*. Каждый компонент ситуации означивания является значением какого-либо признака: субъект деятельности, объект деятельности, характер деятельности (результата, рода занятий), цель, способ, результат, следствие. Некоторые значения у вышеперечисленных признаков совпадают, а некоторые имеют разное семантическое выражение, т. е. являются маркированными.

Так, ситуация означивания включает одинаковый набор компонентов, в котором немаркированными (общими) для всех лексем являются признаки: 1) субъект деятельности; 2) объект, на который направлена деятельность (государство, человек, окружающая среда и т. п.); 3) оценка деятельности (действий, результата или рода дея-

тельности) как противоречащая источнику правомерности; 4) достижение цели – получение выгоды.

Маркированными, т. е. дифференцирующими, являются следующие признаки ситуации означивания: 1) характер деятельности (результата, области занятий); 2) способ осуществления (хитроумные манипуляции, невыполнение требований); 3) степень ущерба (тяжкая, значительная, незначительная, не предполагающая уголовную ответственность); 4) мера ответственности (уголовная, гражданско-правовая); 5) источник правомерности (рационально-правовая основа, социально-нравственные нормы).

Таким образом, интерпретацию функционирования синонимов в английском языке для таможенного дела целесообразно провести на основании сопоставления маркированных признаков ситуации, свойственной означиванию данными лексемами.

**Illegal:** характеризует результат деятельности, род или область занятий человека как юридический факт прямого нарушения закона. В ситуации означивания актуализированы следующие признаки: 1) источник правомерности, семантически выражаемый как рационально-правовая основа государства; 2) степень ущерба, семантически выражаемая как «тяжкая, значительная, крупная», 3) мера ответственности, семантически выражаемая как уголовное наказание.

Лексема *illegal* служит для означивания категории преступлений, подводимых под действия уголовного кодекса: *illegal trade in protected species / traders / immigrants / means / taxes / payments / goods / market / downloads / software / provision / pro-*



*viders / internet pharmacy supply-chain / medicines / online pharmacies / internet / business / commodities / distribution of networks / product seizures / channels.* Анализ употребления лексемы в правовых контекстах выявляет сочетаемость *illegal* с отглагольными существительными (девербативами), называющими результат какой-либо деятельности (физическое создание объектов) или осуществления каких-либо действий по направлению к объекту. Таким образом, лексема квалифицирует факт создания чего-либо или осуществления какой-либо деятельности как преступление против государства с определением меры ответственности за их совершение: *illegal currency transaction / erection of artificial islands / installation / operations with bank cards / dismissal / transfer to another job* [16].

В газетных и политических контекстах лексема *illegal* фокусирует внимание читателей на фактах совершения уголовно-преследуемых действий: *illegal seizure of power / work / occupation / decision / conduct / search / practice / organization / profit.*

Лексеме *illegal* свойственна дистрибутивная формула *illegal + N<sub>ing</sub>*, где *N<sub>ing</sub>* является отглагольным существительным, называющим результат деятельности или род занятий: *illegal dumping of waste / shooting / trapping / poisoning / trafficking / rainforest logging / mining / shipping / hunting / advertising copying / manufacturing.*

**Illicit:** характеризует как наиболее опасные, осуждаемые и запрещаемые законом и обществом преступления, так и экономические преступления, совершаемые тайным, сокрытым от государства способом, целью которых

является обогащение, а результатом – нанесение в огромных масштабах экономического вреда государству и обществу в целом.

Лексема *illicit* сближается с лексемой *illegal* по семантическому признаку «criminality», который содержится в семантических структурах самих лексем. Но в ситуациях означивания лексемой *illicit* происходит актуализация признака «источник правомерности» и смещение фокуса внимания на признак «способ осуществления деятельности».

Семантическая разметка в корпусе с последующим анализом таксономического класса слов, сочетающихся с лексемой *illicit*, вносит определённую ясность в закономерность её функционирования. Так, лексема *illicit* в контекстах различной тематики наиболее встречается в сочетаниях с существительными, называющими результат деятельности, род или область занятий человека, которые не только запрещены законом, но и противоречат исторически сложившимся в обществе этическим и моральным нормам. Контекст выступления Папы Римского, являясь одним из многочисленных примеров вышеуказанного наблюдения, наглядно демонстрирует актуализацию признака «источник правомерности» в ситуации, означиваемой лексемой *illicit*: “It engages in a number of *illicit* and *immoral* activities, such as human and organ trafficking; arms and contraband smuggling; and the trade in pharmaceuticals, which often kill instead of cure and are used in large part by the poor. These crimes transgress *the moral barriers* which were progressively built up by civilization and they reintroduce a form of barbarism which denies man and his dignity”, the pope said [12].

Лексема *illicit* сочетается с существительными, называющими опасные для человека и животных вещества (*substances, drugs, narcotics, alcoholic drink, wastes*). Данной лексеме свойственно сочетание с существительными, называющими различные виды деятельности человека, осуществление которых нарушает морально-этические нормы общества (*human trafficking, trade in Third World babies, cloning, manipulation of the human genome* и т. п.). Такое функционирование *illicit* привязано к контекстам по тематике правоохранительных органов, медиадискурсу, политическому и юридическому дискурсам, что свидетельствует об актуализации в ситуации, означиваемой данной лексемой, признака «источник правомерности», семантически выражаемого как правовая основа государства и морально-этические нормы общества. В вышеуказанных контекстах функционирования форме *illicit* соответствует русская форма *запрещённый*.

В сочетаниях с девербативами на *-ing* (*illicit trafficking / dumping / manufacturing / wildlife trade*) и предметными существительными, называющими продукт производства (*fuel, whites*), происходит актуализация признака «способ осуществления деятельности».

Так, терминологические сочетания *illicit trade in fuels / незаконная торговля топливом* и *illicit fuel / незаконно ввезённое топливо / контрабандное топливо* означают торговлю законно произведённым топливом, но ввезённым на территорию того или иного государства контрабандным способом (*smuggled*) с целью продажи по низкой стоимости за счёт ухода от налогов. В

этом случае контрабандный способ подразумевает осуществление различных хитроумных манипуляций: смешивание с более дешёвым (*mixed*), разбавление (*stretched*), замена красителей, содержащихся в топливе; ср.: “removes marker dye contained in agri diesel from red (UK) and green (ROI)”.

Сочетание *illicit whites* (*оригинальная табачная продукция, ввезённая контрабандным путём / brands manufactured legitimately in one country, but smuggled and sold in another without duties being paid*) является ещё одним примером того, что в фокусе внимания находится признак «способ осуществления деятельности». Торговля табачными изделиями вполне является законной деятельностью при соблюдении условий и порядка торговли, установленных законом той или иной страны.

Программы-конкордансы в корпусе позволяют уточнить употребительность и значение *illicit* в конкретных словосочетаниях в английском языке исследуемой предметной области. Так, понятие *illicit trade* в политических, экономических и правовых контекстах шире, чем в контекстах по тематике деятельности правоохранительных и таможенных органов. В соответствии с положениями рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака<sup>1</sup> понятие, номинируемое *illicit trade*, включает широкий спектр видов незаконной (запрещённой) деятельности, включая отмывание денег (*money laundering*), торговлю людьми (*human trafficking*), торговлю наркотиками (*drug trade*). *Illicit trade* определяется как ‘any practice

<sup>1</sup> World Health Organisation, WHO Framework Convention on Tobacco Control, 2003.

or conduct prohibited by law and which relates to production, shipment, possession, distribution, sale or purchase including any practice or conduct intended to facilitate such activity’.

В сфере таможенного дела определение понятия, обозначаемого формой *illicit trade*, сужено и охватывает такие виды незаконной деятельности, как нарушение прав собственности (intellectual property crime (IPC), включая подделку товаров (counterfeiting); контрабанда (contraband) и незаконное производство (illegal manufacturing)” [13].

**Unlawful:** фокусирует внимание в ситуации на способе осуществления деятельности, который не соответствует нормативно-правовым требованиям для её осуществления и, таким образом, характеризует наименее опасные правонарушения или действия, квалифицируемые как административные правонарушения, требующие разбирательства / доказательства.

Например, в отчётах ВТамО о незаконной торговле данная лексема означает ситуации с ввозом продукции без наличия соответствующих документов на неё, например: “Suspicion that he had arranged the *unlawful importation* of eggs by a third party resulted in a house search during which a number of young parrots were found. The provenance of the animals was unclear because no *documentary evidence* and no computer were found anywhere in the house: nothing relating to the animals in question and no other *relevant document*” [14]. Следовательно, провоз не запрещённого к ввозу товара без наличия на него в силу каких-либо причин соответствующей документации расценивается как *unlawful*, в отличие

от ситуации провоза запрещённого или контрабандного товара путём сокрытия или других хитроумных манипуляций, означиваемой формой *illicit* или *illegal*.

В ходе анализа контекстов других тематик выявлено, что употребление лексемы *unlawful* не всегда предполагает наличие в ситуации семантического признака «criminality». Так, например, проживание в съёмной квартире по истечению срока аренды – незаконно (*unlawful*), но это не является преступлением против государства, это гражданское правонарушение (*tort*). Сравните с ситуацией, когда нанимателю жилья судебным постановлением предписано выселение, но он продолжает занимать помещение. В этом случае ситуация описывается лексемой *illegal*, соответственно *illegal trespassing*.

Лексема *unlawful* имеет тенденцию к сочетаемости с абстрактными существительными, называющими результат ментальной деятельности человека (*agreement, contract, measures, promises* и т. п.); отглагольными существительными, означающими меры силового реагирования (процессуальные действия): *seizure, arrest, detention, removal, prevention, restrictions*. Такая сочетаемость свидетельствует об актуализации признака «характер действия», семантически выражаемого как нарушение применимости закона или иного юридического документа в данное время на данной территории (т. е. результат или действия, не имеющие юридической силы).

**Illegitimate:** редко встречается в контекстах по тематике таможенного дела, что свидетельствует, скорее всего, об особенностях функционирования лексемы в данной сфере де-

тельности. Так, в процессе анализа распределения и употребления лексемы в корпусе было установлено, что в ситуации, означиваемой *illegitimate*, в фокусе внимания находится субъект деятельности, которому приходится прилагать специальные усилия, чтобы защитить своё право поступать так, как он поступил. Деятельность, действия или результат деятельности, номинируемой лексемой *illegitimate*, имеют своим следствием наложение юридической и моральной ответственности, так как источником правомерности для осуществления такой деятельности является не столько рационально-правовая основа, сколько морально-нравственная среда, сформировавшаяся в культуре и обществе той или иной страны.

Употребительность лексемы *illegitimate* в сочетаниях с существительными, называющими властно-политические структуры (*state, organization, government, presidency, regime*), а также с девербативами, называющими властно-политические меры реагирования или воздействия (*occupation, invasion, restrictions, territorial claims, threats, transition*), обусловлена намерением авторов сфокусировать внимание читателей на факте отсутствия аргументации к вышеуказанным явлениям. В сочетаниях с существительными, называющими средства для осуществления чего-либо (*way, methods, behavior, means*) лексема *illegitimate* характеризует их как *легкодоступные*.

В контекстах по таможенному делу наиболее распространены сочетания *illegitimate drug / наркотик незаконного происхождения, illegitimate goods / товары незаконного происхождения*. В контексте “The Palestinian Finance

Minister said all goods produced in West Banks settlements are illegitimate. Therefore, we can't receive merchandise from the settlements in Palestinian markets; we will fight against these goods” [15] – есть прямое указание на то, что данные товары являются незаконными только по причине того, что они произведены на территориях поселений, не признаваемых палестинскими властями.

В результате корпусного анализа функционирования лексических синонимов *illegal, illicit, unlawful, illegitimate* в английском языке для таможенного дела в сопоставлении с употреблением в других профессиональных областях удалось выявить маркированные признаки референтной ситуации, означиваемой данными лексемами. Дифференциацию функционирования синонимов имеет смысл проводить по линии маркированности признаков ситуации означивания.

Общий вывод о контактном функционировании данных лексем в сфере таможенного дела состоит в следующем: функция *illegal, illicit, unlawful* заключается в отрицательной квалификации результата, рода или области деятельности человека, как юридического факта в разной степени его проявления. Функция лексемы *illegitimate*, равномерно распределённой в корпусе текстов, заключается в оценке социально-психологических явлений, существование которых противоречит высшим ценностям цивилизации (справедливости, правде), истории, чувствам и эмоциям, настроениям, реальной или вымышленной воле народа, велениям времени, научно-технического прогресса, требованиям производства, историческим задачам страны.

Корпусный анализ в исследовании лексических синонимов является дополнительным эффективным методом качественной и количественной оценки синонимов, который позволяет перейти из сферы интроспективных и описательных исследований синонимов в сферу объяснительных и эмпирических исследований, а также облегчает процесс гармонизации терминологии и переводов специальных текстов в условиях лексической синонимии.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Власенко С.В. Правовые тексты: «ловушка» кореферентности отраслевой терминологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2011. № 4. Выпуск 2. С. 5-20.
2. Князева Ю.О. Корпусный анализ в исследовании синонимии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Филология». 2008. № 4. С. 165-169.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Едиториал УРСС, 2004. 350 с.
4. Купцова А.К. Проблема синонимии в англоязычной терминологии логистики // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков г. Санкт-Петербург: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ. СПб., 2012. Вып. 4. С. 93-100.
5. Москалева А.С. Интерпретация лексической синонимии в документных текстах чартеров на английском языке в функционально-прагматическом аспекте // Вестник Череповецкого государственного университета. Серия «Филологические науки». 2012. № 3 (41). Т. 2. С. 116-118.
6. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 891 с.
7. Никитина Е.В. Семантические и прагматические характеристики лексической синонимии в газетном дискурсе: на материале электронных версий англоязычных новостных сайтов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 218 с.
8. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
9. Сорокина Т.В. Функционально-когнитивные основания теории грамматической синонимии в английском языке: дис. ... докт. филол. наук. М., 2003. 461 с.
10. Федина Е.А. Синонимические отношения в медицинской терминологии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия «Филология». 2011. № 3. С. 188-189.
11. Хантакова В.М. Синонимы в научно-популярных медицинских текстах // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра СО РАМН. Иркутск: Изд-во "Восточно-Сибирский научный центр экологии человека СО РАМН", 2006. № 2. С. 209-212.
12. Carol Glatz. Fight against terrorism, crime can't be criminal, immoral, pope says. [Электронный ресурс] // CNS Story / Catholic News Service: [сайт]. [2012]. URL: <http://www.catholicnews.com/data/stories/cns/1204721.htm> (дата обращения: 01.09.2014).
13. Grant Thornton. Illicit trade in Ireland // Member of Grant Thornton International Limited Authorised by the Institute of Chartered Accountants in Ireland to carry on investment business. [Электронный ресурс]. URL: [www.oireachtas.ie/.../Illicit-Trade-in-Ireland-report](http://www.oireachtas.ie/.../Illicit-Trade-in-Ireland-report) (дата обращения: 30.06.2014).
14. Illicit trade report. 2012. P. 108. [Электронный ресурс] // World Customs Organization: [сайт]. [2012-2014]. URL: [www.wcoomd.org/.../WCO/.../Illicit-trade-report](http://www.wcoomd.org/.../WCO/.../Illicit-trade-report)

- it%20Trade%20Report%202012/WCO% (дата обращения: 02.09.2014).
15. Jack Khoury. PA Minister: All goods made in settlements are illegitimate [Электронный ресурс] // Haaretz Daily Newspaper. URL: <http://www.haaretz.com/news/pa-minister-all-goods-made-in-settlements-are-illegitimate-1.284180> (дата обращения: 30.06.2014).
16. Labor Code of the Russian Federation of 31 December 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/WEBTEXT/60535/65252/E01RUS01.htm> / (дата обращения: 30.06.2014).
17. Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english> (дата обращения: 30.06.2014).

# РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

---

УДК 81'373":342.61

**Бабич Н.Г.**

*Московский государственный областной университет*

## **СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ПРАГМАТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ИНТЕРВЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

*Аннотация.* В статье рассматриваются и сопоставляются способы передачи лексико-семантического аспекта прагматического наполнения президентских интервью. В основе сопоставительного анализа лежит исследование англоязычного и русскоязычного президентских интервью по таким параметрам, как выразительность, предполагающая апелляцию к эмоциям, стандартизованность, обозначающая стандартизацию формы, концептуализация, включающая ценностные ориентиры любой лингвокультуры и базовые концепты мира политики, формирующие на её основе ритуализованность поведения президента, и персуазивность, содержащая средства манипулирования общественным сознанием.

*Ключевые слова:* президентский дискурс, президентское интервью, выразительность, стандартизованность, концептуализация, ритуализованность, персуазивность.

***N. Babich***

*Moscow State Regional University*

## **COMPARATIVE ANALYSIS OF LEXICAL AND SEMANTIC MEANS OF THE PRESIDENTIAL INTERVIEW PRAGMATIC FILLING-UP (ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)**

*Abstract.* Lexical and semantic means of the pragmatic filling-up of the presidential interviews are compared in this article. The basis of the comparative analysis includes the English and Russian interviews' research, performed according to the following parameters: expressiveness, which presupposes appeal to emotions, standardization, which denotes standardization of the form; conceptualization, which includes values of linguistic culture and basic concepts of politics, which, in their turn, ritualize president's language behavior; and persuasion, which consists of means of public opinion manipulation.

*Key words:* presidential discourse, presidential interview, expressiveness, standardization, conceptualization, ritual behavior, persuasion.

---

© Бабич Н.Г., 2014.

Несмотря на повышенное внимание к политическому дискурсу, общепринятого языка политики на данный момент не существует, но есть мнение, что политическая деятельность сводится к языковой деятельности, так как сопоставление языка и политики предопределено их генетической общностью [22, с. 79]. Большинство политологов, историков и коммуникатологов сходятся во мнении, что язык есть средство реализации той или иной государственной политики [22, с. 79], что также подтверждает определение немецкого лингвиста Б. Совинского, который воспринимает политический язык как совокупность принятых в определённом национальном коллективе композиционно-речевых форм, правил употребления лексических и грамматических средств в соответствии с поставленной коммуникативной целью [32, с. 249].

К лексико-семантическим особенностям президентского интервью относятся такие часто упоминающиеся в научной литературе (например, у исследователей А.П. Чудинова и В. Совинского [30, с. 25; 32, с. 248]) речевые характеристики политического дискурса, как *выразительность* (1), предполагающая апелляцию к эмоциям, *стандартизованность* (2), обозначающая стандартизацию формы, *концептуализация* (3), включающая ценностные ориентиры любой лингвокультуры и базовые концепты мира политики, формирующие на её основе *ритуализованность* (4) президентского дискурса, и *персуазивность* (5), содержащая средства манипулирования общественным сознанием. Данные особенности и послужат основными критериями нашего анализа.

Остановимся на первом критерии. Под **выразительностью** речи понимается способность речи привлекать к себе внимание, а также удерживать его при помощи различных выразительных средств [28, с. 313]. Однако выразительность может являться не только лексико-семантической категорией, но и синтактико-стилистической, и включать целый ряд приёмов, направленных на достижение эффекта выразительности [30, с. 28].

Самыми яркими средствами реализации лексической выразительности в президентском дискурсе следует считать стилистически окрашенную лексику, характеризующуюся способностью вызывать особое стилистическое впечатление вне контекста [24, с. 224].

Исследователь Е.Ф. Петрищева выделяет три основных типа такой лексики: а) лексика, сообщающая о сфере своего употребления; б) лексика, сообщающая об отношении говорящего к предмету речи; в) лексика, характеризующая говорящего или заключающая в себе характеристику самого говорящего [24, с. 224].

Первая группа лексики встречается как в англоязычном интервью, например, в речи Б. Клинтона, использующего её для описания задач, стоящих перед главой государства (1), так и в русскоязычном, например, в интервью Б. Ельцина, употребляющего её в отношении трудностей, характеризующих исторический период в политическом устройстве России, который пришёлся на его президентство (2); ср.:

1) *to spend time saving lives; solving problems; helping people see the future; to support my work on climate change; to be falsely accused of something* [12];



2) *этот болезненный путь бесшабашности и безответственности; в левой по ментальности и мировоззрению стране; победили коммунистов; нелегко быть президентом России; множество чрезвычайно тяжёлых, сложных задач; вытасщить страну из пропасти, в которой она оказалась в девяностом году* [2].

Вторую группу лексики можно также встретить как в англоязычном интервью (например, в речи президента Дж. Буша, выражающего с её помощью отношение к американскому обществу (1)), так и в русскоязычном интервью (например, в речи президента Д. Медведева, использующего эту лексику для выражения отношения к российскому обществу (2)); ср.:

1)... *it's important for the health of the country; to help this society to develop into a peaceful society* [15];

2)... *я как Президент Российской Федерации стараюсь защищать наши интересы <...> нужно создать нормальные условия для жизни <...> пропагандировать нормальный, современный образ жизни* [4].

Лексика третьей группы встречается только в англоязычном президентском интервью, например, в речи президентов Дж. Буша (1) и Б. Обамы (2) – она характеризует их как людей, верующих в силы и помощь Бога; ср.:

1) *a gift of that Almighty to every man; his Holiness speaks with that kind of clarity; to invigorate one's soul* [14];

2) *to have undiminished abiding faith; I believe that Jesus Christ died for my sins; constant conversation with God* [17].

Самыми яркими средствами реализации синтаксической выразительности в президентском дискурсе следует считать такие фигуры прибавления,

как лексический повтор и синтаксический параллелизм [26, с. 253], однако, данный критерий, реализуемый президентами США в полной мере в англоязычном президентском интервью, в русскоязычном используется только на уровне лексического повтора таких лексем, как *Россия* и *СНГ* – в речи Б. Ельцина (1), *государство* и *экономика* – в речи Д. Медведева (2), *государство*, *партнёры* и *экономика* – в речи В. Путина (3):

1) *Россия выступает за Европу без разделительных линий... [3]; ... я считаю, что создание СНГ было единственной альтернативой* [1];

2) *Государства с формирующимися рынками заинтересованы в обеспечении долгосрочного, устойчивого роста глобальной экономики* [8];

3) *Государства с формирующимися рынками заинтересованы в обеспечении роста глобальной экономики <...> развивая взаимодействие с нашими партнёрами* [11].

Второй критерий анализа, стандартизованность высказываний, предполагает использование преимущественно общеупотребительной высокочастотной лексики и деспециализацию политических терминов, что объясняется тем, что политика – единственная профессиональная сфера, общение в которой ориентировано на массового адресата [21, с. 99].

Е.И. Шейгал [31, с. 54] выделяет три лексические группы в наиболее употребительной части политического словаря: 1) политические константы, или оценочно-нейтральная базовая политическая терминология; 2) оценочно-маркированные базовые политические термины, включающие весьма устойчивые в политическом языке

лексемы, денотат которых стабилен, но коннотативное значение подвержено изменениям в зависимости от политических ценностей или исторической ситуации [25, с. 126]; 3) злободневная лексика сегодняшнего дня, включающая следующие группы лексики: а) слова, называющие политические инициативы; б) названия конкретных событий; в) имена действующих политиков и организаций [31, с. 54]. Исследователь З.Е. Фомина предлагает для обозначения лексики третьей группы термин «слова-хронофакты», имея в виду слова, характеризующие конкретный факт, событие, личность [27, с. 96].

Первая группа лексики отличается общей тенденцией использования таких похожих политических констант, как **Президент, демократия, Конгресс** или **Государственная Дума** (в зависимости от лингвокультуры, к которой принадлежит президент), и в русскоязычном, и в англоязычном интервью, что наглядно подтверждают следующие фрагменты интервью президентов США – Б. Обамы (1) и Дж. Буша (2) и России – Б. Ельцина (3) и Д. Медведева (4):

1) *... and whatever fussing I've been dealing with **Congress** <...> I'm a better president now* [17];

2) *I am looking forward to working with the **Congress** to get an energy bill <...> it takes a while for **democracy** to take hold* [14];

3) *Все годы, что я был **президентом**, я всегда помнил, что поставил подпись под соглашением о создании СНГ...* [1];

4) *И вчера **Государственная Дума** ещё раз вернулась к этому вопросу; я как **Президент** Российской Федерации; для того, чтобы Россия имела современную **демократию*** [7].

В функционировании оценочно-маркированных базовых политических терминов в англоязычном президентском интервью наблюдается тенденция к усилению негативной коннотативной части значения лексемы у терминов **terrorism / terror (терроризм / террор)** в связи с эскалацией военного конфликта в Ираке, подробно обсуждаемого в интервью президента Дж. Буша (1); в русскоязычном интервью наблюдается усиление негативной коннотативной части значения лексемы **отношения** в словосочетании **грузино-российские отношения** в связи с эскалацией военного конфликта в Грузии в августе 2008 г., произошедшего во время президентства Д. Медведева (2); ср.:

1) *My priorities for the second term: of course, win the war on **terrorism** <...> for those want to **use terror** as a weapon* [14];

2) *... для меня самого очень больно, что между нашими странами нет нормальных **отношений**, потому что мы очень близкие страны* [6].

Интересным случаем использования слов-хронофактов в англоязычном президентском интервью можно считать выражение, часто встречающееся в речи Б. Обамы, **Washington culture**, передающее обеспокоенность президента внутренним кризисом в правительстве США, который заключается в противостоянии демократов во главе с ним и республиканцев: *... there were a lot of people who hoped I could change **Washington culture** and the polarization* [16].

В русскоязычном президентском интервью слова-хронофакты обозначают чаще всего значимые события в политической жизни страны. Факт того, что на момент президентства

Б. Ельцина приходится смена власти и политического режима, обуславливая наличие в его интервью следующих слов-хронофактов: (*создание*) **СНГ**, **путч** и (*бывший*) **Советский Союз**; ср.: ... *если бы в августе 91-го не произошёл бы путч <...> создание СНГ было единственной альтернативой <...> катастрофическому развалу бывшего Советского Союза...* [1].

Употребление всех групп «злободневной» лексики предполагает расхождения в обозначении политических инициатив, конкретных событий или имён действующих политиков и организаций. Так, в интервью американских президентов часто встречается имя лидера террористов **Osama Bin Laden** (*Осама бен Ладен*) и название его группировки **Al Qaeda** (*Аль Каида*), что объясняется затяжной борьбой с терроризмом (1); а в речи российских президентов часто упоминаются названия таких действующих организаций, как **НАТО** (*Североатлантический союз*), **ООН** (*Организация Объединённых Наций*), **МВФ** (*Международный Валютный Фонд*) (2):

1) *I said that I'd go after al-Qaida and bin Laden; we did* [16];

2) ... *содействуют укреплению центральной роли ООН <...> пополнению кредитных ресурсов МВФ* [11]; *Мы сумели «перезагрузить» <...> отношения между Россией и НАТО* [7].

**Функционирование концепта**, как единицы, принадлежащей сознанию и позволяющей соотносить опыт индивида с глобальными общественными **ценностями** [20, с. 46], становится **третьим критерием** исследования президентского интервью.

Анализ концептов в репликах президентов США и России позволяет

проследить расхождения в их использовании, обусловленные ценностями или событиями, представляющими значимость для американской и русской лингвокультур.

Так, тексты интервью президента США Б. Клинтона (1) становятся основой вербализации концепта **freedom** (*свобода*), являющегося базовым для американской лингвокультуры; интервью Дж. Буша (2) реализуют концепт **terrorism** (*терроризм*), ставший яркой приметой современной эпохи, изменившей содержание и тональность американского политического дискурса после трагедии 11 сентября 2001 г.; а тексты интервью Б. Обамы (3) служат основой репрезентации концепта **crisis** (*кризис*), указывающего на борьбу президента со слабостью экономической и политической систем США после его прихода к власти; ср.:

1) *We want freedom to triumph over terror and we need to keep learning and keep getting* [12];

2) *The war on terrorism began on the streets of New York* [14]; ... *we weren't exactly sure as to the nature of the terror that was being inflicted upon the people* [15];

3) ... *we just went through the worst recession and the worst financial crisis since the Great Depression...* [16].

Тексты интервью президентов России Д. Медведева (2) и В. Путина (3) становятся основой вербализации базового для русской лингвокультуры концепта **экономика**, функционирующего как экономическая категория, связанная с проблемой состояния российской экономики; в речи президента Б. Ельцина (1) чаще всего встречается концепт **перестройка**, представленный в его интервью в виде политической категории, связанной с пробле-

мой перехода государства от одного режима к другому; ср.:

1) *Причина есть – перестройка* <...> *Люди готовы к перестройке* [2];

2) ... *от этого наша экономика слабеет не станет* [5];

3) ... *любой сбой в экономике отражается на нашей экономике* [10].

Принадлежность президентского интервью к ритуальному дискурсу подтверждается задачей этого типа дискурса, представляющего собой стереотипное символически нагруженное общение, ориентированное на закрепление идентичности индивидуума как члена социума либо на создание новой идентичности индивидуума [21, с. 98]. Таким образом, **ритуализованность** поведения президента становится четвёртым критерием анализа президентского интервью.

Принцип «ритуализованности поведения» в речи американских и русских президентов выражается посредством индивидуального использования элементов усложнённого языка, различных речевых клише и шаблонных политических выражений.

Интересным случаем проявления ритуализованности в англоязычном президентском дискурсе можно считать явление «бушизмов» [18], реализуемое в речи Дж. Буша лексическими ошибками (например, в случае лексемы *legislatures*, использованной по аналогии с необходимой лексемой *legislators* (1)) или композиционно-текстовыми – в виде смысловых повторов (2):

1) ... *The legislatures will – legislators will do what they feel like they've got to do...* [14];

2) ... *there would be chaos. If we did not work to secure Baghdad and help*

*the Iraqis to secure Baghdad, the country could evolve into a chaotic situation, and out of that chaos would emerge an emboldened enemy* [15].

Специфической чертой передачи принципа «ритуализованности» в русскоязычном президентском интервью следует считать явление паремии, представленной в речи Д. Медведева и В. Путина речевыми клише в виде афоризмов фольклорного происхождения [23, с. 224].

Так, при обсуждении проблем внешней и внутренней политики президенты часто используют обычную паремию (1), однако в интервью В. Путина можно встретить паремию с инвективным потенциалом, которая также подвергается в некоторых случаях окказиональной модификации и сигнализирует об актуализации нового семантического центра высказывания (2):

1) *Сейчас все думают о том, как унести оттуда ноги... [9]; с идеологией нетерпения, в какие бы одежды она не рядилась... [10]; ... важно периодически встречаться, сверять часы... [8];*

2) ... *что такого происходит, что мы должны дёргаться, я прошу прощения, «как блоха в аркане»?* [11].

Пятый критерий анализа президентского интервью заключается в исследовании **персуазивных** средств, которые оказывают воздействие на адресата с целью убеждения в чём-то или призыва к совершению или несовершению им определённых действий [19, с. 28].

Изучение **персуазивности** предполагает исследование персуазивных средств, функционирующих в президентском интервью в качестве

средств диалогизации и интимизации [19, с. 28]. Необходимо учитывать тот факт, что исследователь С.П. Хорошилова выделяет внутреннюю и внешнюю диалогизацию [29, с. 131].

Внешняя диалогизация реализует равноправные отношения между адресатом и адресантом и позволяет быстро устанавливать доверительные отношения между говорящим и слушающим в силу своей имплицитности [29, с. 132].

Функционирование средств выражения внешней диалогизации в англоязычном и русскоязычном президентских интервью совпадает, но различается наполнением прагматического содержания, например, в случае использования подконтекстного императива. Так, президент Б. Ельцин посредством данного персуазивного средства указывает на необходимость защищать интересы России и обеспечивать её безопасность (1); а в интервью президента Б. Обамы подконтекстный императив представлен обращением внимания конгресса к существованию подхода, способного решить главные экономические проблемы США (2):

1) *Попытки организовать европейскую безопасность по так называемой натоцентристской модели, игнорирующей национальные и политические интересы России...* [3];

2) *... we're going to say to them, look, here is a comprehensive approach that gets our debt and deficits under control...* [16].

Основное различие в употреблении средств внутренней диалогизации заключается в использовании прагматического потенциала метафорических моделей, объектом персонификации в

которых становится Америка в англоязычном президентском интервью (1) и Россия – в русскоязычном (2):

1) *America's given me a lot, more than I could have ever dreamed* [13];

2) *... Россия – весьма мощный поставщик энергоносителей; ... да и Россия немало вкладывает в экономики других стран* [5].

Приобретая более динамичный характер, внутренняя диалогизация в президентском интервью нередко совпадает с интимизацией, что позволяет президенту апеллировать к национальному менталитету, ценностям и идеям, заложенным в нём [29, с. 133].

Очевидно, что в качестве средств интимизации президенты США и России выбирают наиболее приоритетные, на их взгляд, общественно-политические реалии. Президент Б. Клинтон такой реалией считает *изобретение Интернета* и *создание Майкрософта* (1), а президент В. Путин при помощи лексем *союзники, интересы, хорошие / добрые / партнёрские (отношения)* формирует политическую реалию *взаимоотношения России и США*, выражая тем самым надежду на развитие дружеских отношений России и США в будущем (2); ср.:

1) *And you get a guy like Gates, who built Microsoft <...> there are a lot of people with average incomes who are joining them because of the Internet* [13];

2) *Россия и Соединённые Штаты <...> были союзниками <...> развития мировых дел, взаимных интересов России и Соединённых Штатов <...> чтобы выстраивать добрые партнёрские отношения* [10].

Подводя итоги, можно отметить, что стремясь оказать речевое эмоциональное воздействие на сознание на-

рода, установить контакт с адресатом, усилить его чувство гордости за страну и повысить его доверие к главе государства, президенты США и России используют различные лексико-семантические средства в целях должного прагматического наполнения содержания их высказываний.

В употреблении выразительных средств наблюдается общая тенденция оказания особого стилистического впечатления, как в англоязычном, так и русскоязычном президентских интервью, за исключением тех случаев, когда американские президенты используют стилистически окрашенную лексику в целях собственной характеристики.

Стандартизованность президентских высказываний находит выражение в речи американских и русских глав государств только в случае выражения политических констант, так как функционирование оценочно-маркированных базовых политических терминов, «злободневной» лексики и «слов-хронофактов» отличается индивидуальным подходом при выборе события и личности, что обусловлено их острой актуальностью на текущий момент президентства.

Расхождения наблюдаются не только в репрезентации концептов в англоязычном и русскоязычном президентских интервью, что объясняют события, определяющие ход исторического развития США и России, но и в реализации принципа «ритуализованности», выражаемого в речи американских и русских глав государств посредством индивидуального использования элементов усложнённого языка, различных речевых клише и шаблонных политических выражений.

Однако следует обратить внимание на специфические черты передачи данного принципа посредством явлений паремии в русскоязычном президентском интервью и «бушизмов» в англоязычном.

Большинство персуазивных средств, используемых в англоязычном и русскоязычном президентских интервью, совпадает, но отличается только в случае специфического наполнения прагматического содержания высказываний глав государств, в определении прагматического потенциала метафорических моделей и в выборе приоритетных общественно-политических реалий и значимых политических фигур.

Всё вышесказанное подтверждает тот факт, что высшие должностные лица государства создают свой политический имидж, главной составляющей которого является преданность Соединённым Штатам и Российской Федерации американцев и россиян соответственно, стремление к прогрессивному экономическому развитию этих стран и приверженность демократическим идеалам.

#### ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

##### *Источники языкового материала:*

1. Интервью Бориса Ельцина «Российской газете» (24.04.2007). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2007/04/24/elcin-interview.html> (дата обращения: 20.08.2014).
2. Интервью Бориса Ельцина главному редактору «Известий» (31.01.2006). [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/310747> (дата обращения: 20.08.2014).
3. Интервью Президента Российской Федерации Бориса Ельцина журналу

- «Шпигель» (28 июня 1999). // Дипломатический вестник. Июль 1999. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.mid.ru/bdomp/dip\\_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/ddafdc4078060173c32568860053af62!OpenDocument&Highlight=0,%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81,%D0%95%D0%BB%D1%8C%D1%86%D0%B8%D0%BD](http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/ddafdc4078060173c32568860053af62!OpenDocument&Highlight=0,%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81,%D0%95%D0%BB%D1%8C%D1%86%D0%B8%D0%BD) (дата обращения: 20.08.2014).
4. Интервью Дмитрия Медведева американскому телеканалу «Эй-Би-Си ньюс» (09.04.2010). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7435> (дата обращения: 20.08.2014).
  5. Интервью Дмитрия Медведева газете «Коммерсантъ» (4 июня 2009). [Электронный ресурс]. URL: [http://archive.kremlin.ru/appears/2009/06/04/2350\\_type63379\\_217277.shtml](http://archive.kremlin.ru/appears/2009/06/04/2350_type63379_217277.shtml) (дата обращения: 20.08.2014).
  6. Интервью Дмитрия Медведева телеканалу «Russia Today» (05.08.2011). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/12204> (дата обращения: 20.08.2014).
  7. Интервью Дмитрия Медведева польским СМИ (06.12.2010). [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20101206/164717064.html> (дата обращения: 20.08.2014).
  8. Интервью Дмитрия Медведева информационному агентству Рейтер (25.06.2008). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=190152> (дата обращения: 20.08.2014).
  9. Интервью Владимира Путина немецкой телерадиокомпании ARD (05.04.2013). [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/by-keyword/82> (дата обращения: 20.08.2014).
  10. Интервью Владимира Путина журналу «Time» (21.05.2013). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/online/news/44729> (дата обращения: 20.08.2014).
  11. Интервью Владимира Путина информационному агентству ИТАР-ТАСС (22.03.2013). [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/by-keyword/13> (дата обращения: 20.08.2014).
  12. Interview with President William J. Clinton for BBC (22.06.2004). [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/1/shared/spl/hi/programmes/panorama/transcripts/clintoninterview.txt> (дата обращения: 20.08.2014).
  13. Interview with President William J. Clinton (07.05.2004). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprah.com/omagazine/Oprah-Interviews-President-Bill-Clinton> (дата обращения: 20.08.2014).
  14. Interview with President G. Bush (16.01.2005). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politico.com/news/stories/0508/10316.html> (дата обращения: 20.08.2014).
  15. Interview with President G. Bush (12.03.2013). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ewtn.com/vnews/getstory.asp?number=87526> (дата обращения: 20.08.2014).
  16. AP Interview transcript with President Obama (25.08.2012). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.huffingtonpost.com/huff-wires/20120826/us-cvn-obama-interview-transcript/> (дата обращения: 20.08.2014).
  17. Interview of President Obama with Oprah (02.10.2013). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprah.com/world/Oprah-Winfrey-Interviews-Barack-Obama> (дата обращения: 20.08.2014).
- Литература:*
18. Баработкина М.С., Жукова Л.К. «Бушизм» как явление американской действительности. [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/24759/28-Barabotkina.pdf?sequence=1> (дата обращения: 20.08.2014).

19. Гончарова Е.А. Принцип употребления видовременных форм в различных типах авторского повествования. // Интерпретация художественного текста в языковом вузе. Л., 1983. С. 25–33.
20. Иванова И.В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 214 с.
21. Извекова Т.Ф. Место ключевых концептов языка в формировании национального сознания и особенности их функционирования в художественном дискурсе // Филология и человек. 2012. Вып. 1. С. 96–109.
22. Кашенкова И.С. Прагматические особенности политического дискурса в международной сфере: лингводидактический аспект // Вестник МГПУ: «Языковое образование. Межкультурная коммуникация». Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2009. С. 75–81.
23. Константинова А.А. Современный американский политический дискурс: паремия в риторике Барака Обамы // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». 2010. № 331. С. 7–31.
24. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984. 224 с.
25. Потапова Н.М. Эвфемизмы в языке и речи (на материале англоязычного делового дискурса): дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 165 с.; ил.
26. Спиридовский О.В. Лингвокультурные характеристики Американской президентской риторики как вида политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 255 с.; ил.
27. Фомина И.Н. Семантическая деривация в формировании английской политической терминологии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 189 с.
28. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. 313 с.
29. Хорошилова С.П. Диалогизация процесса речевого воздействия на аудиторию // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 11. С. 131–133.
30. Чудинов А.П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестник Воронежского государственного университета. 2003. Вып. 1. С. 19–31.
31. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е.И. Шейгал. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
32. Sowinsky B. Stilistik. Stiltheoriein und Stilanalysen / B. Sowinsky. Weimar: Metzler Verlag, 1999. 252 s.



УДК 81'27

**Кириенко П.А.***Московский государственный областной университет***СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА ПРОЗЫ ДЖ. КУТЗЕЕ  
НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

*Аннотация.* В данной статье проводится комплексный синтактико-стилистический анализ прозы Дж. М. Кутзее на материале романа «Бесчестье». Стилистические особенности синтаксиса произведения играют ключевую роль при передаче авторского замысла читателю, выражении авторской оценки, а также создании особой атмосферы повествования. В статье рассматриваются примеры синтаксических взаимоотношений в тексте, образующих определённую стилистическую направленность произведения, на материале английского и русского языков, проводится анализ синтаксической связности текста.

*Ключевые слова:* анализ, синтаксис, стилистика, сопоставительный метод.

**P. Kirienko***Moscow State Regional University***SYNTACTICAL STYLISTICS ANALYSIS OF J.M. COETZEE PROSE IN  
ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES**

*Abstract.* The present paper presents integrated syntactic-stylistic analysis of J.M. Coetzee prose, namely the novel "Disgrace". Stylistic peculiarities of the novel syntax play the key role in communication between the author and the reader, in conveying the author's attitude, as well as in creation of the special narrative atmosphere. The paper presents analysis of examples of syntactic relations and links in the original and translated texts, which form a certain stylistic orientation of the novel.

*Key words:* analysis, syntax, stylistics, comparative method.

Текст создаётся автором с целью донести определённую информацию до адресата или целой аудитории. Этой цели служат не только языковые средства как таковые, но и особенности, специфика их употребления в речи автора. Так, слова, образующие предложения и текст в целом, передают информацию двояко: посредством денотативного и коннотативного значения. Изучением данной области лингвистики занимается стилистика – наука о средствах сцепления в разных

речевых стилях и вытекающих отсюда правилах выбора языковых единиц [5, с. 213].

Автор, сообщая определённую мысль читателю через текст, неизбежно оставляет свой отпечаток на сообщении, наполняет созданное им произведение свойственной именно ему атмосферой, оставляет частицу себя, показывает свой характер и мировоззрение. Это явление называется субъективной модальностью.

Сфера синтаксиса наиболее часто является показателем авторского сти-

ля, здесь его специфика принимает наиболее широкий размах. Синтаксис, будучи разделом грамматики, изучающим процессы структурирования речи [5, с. 193], предоставляет огромные возможности автору для создания особых речевых конструкций, несущих в себе специфику авторского замысла, позволяющих более полно раскрыть идею и замысел текста, а также передающих авторское настроение и отношение к высказыванию.

История синтаксической стилистики берёт своё начало ещё со времён М.В. Ломоносова, который первым в русской науке выдвигает учение о «периоде» – предложении [6, с. 8]. Г.Я. Солганик лаконично определяет данную лингвистическую дисциплину как «учение о построении речи с точки зрения её стилистических свойств» [6].

Суждение, облечённое в форму предложения, с точки зрения синтаксической стилистики нельзя рассматривать изолированно. Анализ совокупности суждений в тексте является основным критерием изучения речемыслительного процесса. Суждение в лингвистике представляет собой универсальную форму, первичную ячейку нашего мышления [6], и именно из таких взаимосвязанных между собой ячеек и складывается текст.

Связь между суждениями имеет определённую иерархию: прозаические строфы (объединения суждений) делятся на *цепные* и *параллельные* [6, с. 39]. Первые характеризуются переносом логического предиката из одного суждения в следующее, вторые – сопоставлением суждений на основе общности элемента их структуры.

В данной статье будут рассмотрены синтаксические особенности про-

зы южноафриканского писателя, нобелевского лауреата Дж. М. Кутзее с точки зрения стилистики языка, проанализированы закономерности и устойчивые тенденции использования синтаксических конструкций в произведении, а также их отличительные черты, способы связи и характер взаимоотношений.

Язык автора обусловлен атмосферой и окружением действия литературного произведения. Дж. Кутзее родился и вырос в ЮАР, что во многом обуславливает мировоззрение автора, его стиль и манеру письма, язык его произведений. Это и влияние политической обстановки, её изменения в стране, и жизненный опыт, впечатления писателя, его взгляды и убеждения, образование, а также, что немаловажно, влияние на него других выдающихся писателей и деятелей культуры и искусства. «О чём бы ни писал Кутзее, он пишет о Южной Африке, иногда она предстаёт на страницах его романов узнаваемой, реальной, иногда затерянным в космосе мифическим миром», – пишет Л. Залесова-Докторова [3].

Сам Дж. Кутзее считает, что стиль, отношение к миру, «по мере того, как оно пропитывает нас», становится частью личности, частью человека и «от самого человека уже ничем не отличается» [8]. В интервью Д. Этуэллу он дополняет свою точку зрения следующим наблюдением: «Есть литературные произведения, влияние которых сильно, однако оказывается не напрямую, а скорее через посредство культуры в целом, чем мгновенно в виде желания подражать. На ум приходит пример Вордсворта. В своих произведениях я не вижу следов ни его стиля письма, ни его образа мыслей, хотя

ощущая его постоянное присутствие, когда пишу о человеке и его отношениях с естественным миром» [4]. Такое влияние сам Кутзее в статье «Homage» называет “literary paternity” – рус. «литературное отцовство» [8].

Проанализируем синтактико-стилистический фон прозы Дж. Кутзее на примере оригинального текста романа «Бесчестье» (“Disgrace”) и его перевода, выполненного С. Ильиным; для удобства анализа пронумеруем предложения.

1) He buys a small television set to replace the one that was stolen. 2) In the evenings, after supper, he and Lucy sit side by side on the sofa watching the news and then, if they can bear it, the entertainment.

3) It is true, the visit has gone on too long, in his opinion as well as in Lucy's. 4) He is tired of living out of a suitcase, tired of listening all the while for the crunch of gravel on the pathway. 5) He wants to be able to sit at his own desk again, sleep in his own bed. 6) But Cape Town is far away, almost another country. 7) Despite Bev's counsel, despite Petrus's assurances, despite Lucy's obstinacy, he is not prepared to abandon his daughter. 8) This is where he lives, for the present: in this time, in this place.

9) He has recovered the sight of his eye completely. 10) His scalp is healing over; he need no longer use the oily dressing. 11) Only the ear still needs daily attention. 12) So time does indeed heal all. 13) Presumably Lucy is healing too, or if not healing then forgetting, growing scar tissue around the memory of that day, sheathing it, sealing it off. 14) So that one day she may be able to say, ‘The day we were robbed,’ and think of it merely as the day when they were robbed.

15) He tries to spend the daytime hours outdoors, leaving Lucy free to breathe in the house. 16) He works in the garden; when he is tired he sits by the dam, observing the ups and downs of the duck family, brooding on the Byron project.

17) The project is not moving. 18) All he can grasp of it are fragments. 19) The first words of the first act still resist him; the first notes remain as wisps of smoke. 20) Sometimes he fears that the characters in the story, who for more than a year have been his ghostly companions, are beginning to fade away. 21) Even the most appealing of them, Margarita Cogni, whose passionate contralto attacks hurled against Byron's bitch-mate Teresa Guiccioli he aches to hear, is slipping. 22) Their loss fills him with despair, despair as grey and even and unimportant, in the larger scheme, as a headache [2, с. 141-142].

1) Он покупает маленький телевизор взамен украденного. 2) Вечерами, после ужина, он и Люси бок о бок сидят на софе, смотрят выпуски новостей и, если хватает терпения, развлекательные программы.

3) Всё верно, визит его подзатянулся – и на его взгляд, и на взгляд Люси. 4) Он устал жить на чемоданах, устал постоянно вслушиваться в хруст гравия на ведущей к дому дорожке. 5) Ему хочется снова сесть за свой письменный стол, лечь в свою постель. 6) Но Кейптаун далеко, почти в другой стране. 7) Несмотря на советы Бев, несмотря на заверения Петраса, несмотря на упорное молчание Люси, он не может оставить дочь. 8) Вот он и живёт здесь до поры – в этом времени и в этом месте.

9) Способность видеть пострадавшим глазом полностью восстановилась. 10) Зажила и кожа на голове, маслянистая повязка ему больше не нужна. 11) Только ухо по-прежнему требует ежедневного ухода. 12) Стало быть, время и вправду лечит всё. 13) Кажется, излечивается и Люси, а если не излечивается, то забывает, наращивает рубцовую ткань вокруг воспоминаний о том дне, заключает их в плотную оболочку. 14) И значит, настанет миг, когда она сможет сказать: «В день ограбления», – и думать об этом дне просто как о дне ограбления.

15) Дневные часы он старается проводить под открытым небом, чтобы Люси чувствовала себя в доме свободно. 16) Он копается в огороде, а когда устаёт, сидит на насыпи, наблюдая за жизнью утиног семейства и с грустью размышляя о своём байроновском замысле.

17) Замысел этот застыл без движения. 18) Всё, что у него есть, это разрозненные фрагменты. 19) Первые слова первого акта ему так и не даются, первые ноты остаются уклончивыми, как струйки дыма. 20) Временами его мучают опасения, что персонажи придуманной им истории, больше года бывшие его прозрачными собеседниками, начнут исчезать один за другим. 21) Даже самая привлекательная из них, Маргарита Когни, чьи неистовые контральтовые выпады против Байроновой сучки, Терезы Гвиччиоли, он так жаждет услышать, – ускользает даже она. 22) Утрата их наполняет его отчаянием, таким же серым, ровным и в конечном счёте бессмысленным, как головная боль [1, с. 191-192].

Первое, что бросается в глаза при сравнении данных отрывков – количество предложений одинаково на английском и русском языках. Переводчик выполнил свою задачу, придерживаясь оригинального текста и используя различные приёмы и способы перевода. Сопоставим синтаксические связи внутри строф, а также межстрофные способы связи данных отрывков.

Первое и второе предложения связаны цепной лексической связью в оригинале и переводе – используется приём лексического повтора местоимения (*he / он*). В третьем предложении оригинала логический субъект *It is true* представляет собой интересную конструкцию с точки зрения структуры суждений: указательное местоимение *it* в данном примере вбирает в себя смысловую нагрузку предыдущего контекста. С точки зрения структуры связь суждений выглядит как «предыдущий текст – подлежащее». Вместе с этим данное предложение начинает новую авторскую мысль, новую строфу. Таким образом, местоимение *it* является связующим звеном между строфами. В переводе местоимение *it* было заменено переводчиком на наречие *всё*. Такой приём даже усиливает данный аспект благодаря более широкому значению данного наречия. Четвёртое и пятое предложения оригинала демонстрируют параллельную связь, усиленную анафорой – в обоих предложениях субъект занимает первую позицию и выражен личным местоимением *he*. В русском же тексте пятое предложение односоставное и не имеет грамматического подлежащего, анафора не передаётся переводчиком, что может быть объяснено желанием

избежать тождественности субъектов предложений и их повтора. По грамматической структуре предложения коротки, просты и не перегружены. Эта тенденция к использованию простых предложений, сходных по конструкции, соединяющихся параллельно и содержащих однородные члены предложения и конструкции, характерна для произведений Дж. Кутзее, а также отражена и в переводе С. Ильина. Задавая определённую ритмику текста, используя синтактико-стилистические средства, автор тем самым воздействует на читателя.

Переход от пятого к шестому предложению более сложен. Здесь проявляется значимость контекста: герой, в силу определённых обстоятельств, вынужден был покинуть родной Кейптаун, и это определяет ход повествования, связывая суждение из шестого предложения с остальным текстом. Седьмое предложение показывает нам связь с пятым: после мечтаний о лучшей жизни герой как бы возвращается в реальность, отмахивается от иллюзий. Данный переход оформлен как с помощью лексического повтора подлежащего (*he / он*), так и с помощью деепричастных оборотов с союзами *despite / несмотря на*, что служит выражением субъективной модальности и экспрессии – автор показывает нарастающие эмоции. В восьмом предложении оригинала в роли субъекта выступает местоимение *this*, и, как уже отмечалось выше, оно включает в себя мысль предыдущих суждений, образуя тем самым связь с другими суждениями и занимая своё место в строфе. Структурная связь здесь «предыдущие суждения – подлежащее». Русский же вариант имеет в роли подлежаще-

го местоимение *он*, а, следовательно, связь суждений здесь уже цепная местоименная: «подлежащее – подлежащее». Такая смена вида связи суждений указывает на концовку строфы, завершение мысли автора. Она также оформлена, во-первых, однородными обстоятельствами уступки в седьмом предложении и, во-вторых, модальной частицей «вот» в восьмом.

Девятое предложение открывает новую строфу, новую мысль автора. С предыдущими строфами она связана общностью субъекта, о котором идёт речь, а также видо-временным планом повествования. В оригинале это настоящее время глаголов, в русском тексте к нему добавляются формы глаголов прошедшего времени совершенного вида (*восстановилась, зажила*), имеющие, тем не менее, общее значение настоящего времени и скорее вносящие разнообразие в синтаксический рисунок строфы. Анализ десятого предложения показывает различия в английском и русском вариантах. В оригинале оно связано с предшествующим с помощью притяжательного местоимения *his* – наглядный пример цепной местоименной связи. В переводе же связь крепче: цепная синонимическая (*восстановилась – зажила*) дополняется связью с помощью союза *и*, вносящего идею последовательности повествования. К тому же, необходимо отметить, что переводчик выделил данное предложение инверсией – препозитивным сказуемым (*зажила и кожа на голове*), тогда как в оригинале порядок слов прямой. Результат такого нововведения – более ярко выраженный переход к новой мысли в новой строфе (в предыдущей строфе все предложения имели прямой порядок слов).

Далее, в одиннадцатом предложении мы встречаем неявно выраженную цепную лексическую связь: в предложении опущено притяжательное местоимение *his*, чтобы не перегружать художественный текст однотипными конструкциями. Однако это не прерывает связующую нить между суждениями, ведь читатель знает (из контекста), что у героя действительно было повреждено ухо. Необходимо сказать, что автор специально выделяет это суждение в отдельное предложение, хотя оно могло бы быть частью предыдущего. Это может объясняться следованием автора его специфической манере письма, особого стиля. А.М. Пешковский называет такой вид связи предложений «сочинением после разделительной паузы» [7, с. 420], и этот приём ещё больше укрепляет связь двух суждений. Подобная структура строфы является аналогом структуры сложного предложения, где суждения выступают в роли его частей. Так, в нашем примере мы имеем дело с аналогом сочинительной связи сложного предложения – суждения равноправны, но находятся в тесной связи.

Двенадцатое предложение оригинального отрывка соотносится с десятым и одиннадцатым, во-первых, цепной лексической связью «сказуемое – сказуемое» (*is healing – heal*) и, во-вторых, единым направлением развития суждений (выздоровление героя). В переводном тексте связь синонимическая: *зажила – лечит*. Немаловажен здесь и союз *so* (в переводе его функцию выполняет вводное выражение *стало быть*), также сигнализирующий о связи с предыдущими суждениями и вдобавок указывающий на концовку прозаической строфы. Тринадцатое предложение и в

оригинале, и в переводе также соотносится с предыдущим цепной связью с переходящим сказуемым (*heal – is healing / лечит – излечивается*), четырнадцатое же демонстрирует нам уже упомянутый выше приём выделения части суждения в отдельное предложение, тем самым делая структуру строфы ещё «сплочённой». В оригинале связкой выступает союз *so*, в русском варианте – союз *и*, а также вводное слово *значит*, и, следовательно, связь предложений в тексте перевода сильнее.

Пятнадцатое и шестнадцатое предложения образуют новую прозаическую строфу с параллельной структурой. Параллелизм выражен в сходном порядке слов, единстве форм сказуемых в обоих языках. Однако есть и различия: русский вариант имеет препозитивное дополнение (*дневные часы*), что, с одной стороны, делает смену направления авторского повествования более заметной, но с другой – снижает степень параллелизма, делая его не столь явным.

Семнадцатое предложение начинается новым абзац, новую строфу, при этом демонстрируя тесную связь с предыдущей: ... *brooding on the Byron project – The project is not moving/ ... размышляя о своём байроновском замысле – Замысел этот застыл без движения*. Английский вариант стилистически нейтрален, в то время как в русском варианте переводчик в очередной раз использует инверсию (*Замысел этот*), что обусловлено необходимостью создать тесную связь между строфами посредством лексического повтора существительного на границе строф (конструкция *этот замысел* увеличила бы ритмическую паузу между абзацами и, соответственно, строфами,

ослабив их связь). Сама новая строфа представляется нам параллельной структурой. Логический субъект предложений переходит из одного суждения в следующее, т. е. рассматривается с разных сторон. Интересен русский вариант: здесь теряется связь с предыдущим предложением (в оригинале она присутствует в роли дополнения *it*), что способствует ослаблению связи между суждениями. Двадцать первое и двадцать второе предложения оформляют концовку строфы, так как здесь способ связи суждений меняется: параллельная связь заменяется цепной местоименной (*characters – the most appealing of them / персонажи – самая привлекательная из них; their loss / утрата их*), а предикат двадцатого предложения становится субъектом следующих за ним суждений.

Основываясь на проделанном анализе отрывков из романа Дж. Кутзее мы можем сделать вывод, что автор, несомненно, обладает своей особой, характерной манерой письма. В оригинале обращает на себя внимание простота изложения, отсутствие больших, структурно сложных предложений. Синтаксический рисунок текста не осложнён – преобладают однотипные, простые предложения с прямым порядком слов. Как мы могли убедиться, в данном отрывке цепная связь соседствует с параллельной, образуя тем самым сложную словесную ткань текста. Особенности авторского стиля изложения, фигуры речи, средства выражения эмоциональности укрепляют связь между суждениями, делая её ещё теснее в синтаксическом и семантическом плане, при этом оставляя её естественной, прозрачной для читателя. Достигает-

ся это с помощью использования таких средств, как лексический повтор, связь посредством указательных, личных и притяжательных местоимений, а также параллельной связи, характеризующейся однотипностью форм выражения сказуемых, единым видо-временным фоном повествования.

Перевод, выполненный С. Ильиным, безусловно, следует за оригиналом в синтактико-стилистическом плане. Однако в русском варианте повествование не дублирует авторский вариант, переводчик дополняет текст, усиливая или ослабляя связь между суждениями и строфами в соответствии с нормами русского языка. В этом, как известно, и состоит мастерство адекватной передачи иностранного произведения. Тем не менее, переводчику удалось создать общую временную перспективу повествования, объединённого общей модальностью, благодаря использованию инверсии и других средств выразительности как синтаксических способов усиления или ослабления связи суждений.

#### ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

##### *Источники языкового материала:*

1. Кутзее Дж. М. Бесчестье; пер. с англ.: С.Б. Ильин. СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2004. 295 с.
  2. Coetzee J. M. Disgrace London: Vintage Books, 2008. 220 p.
- Литература:*
3. Залесова-Докторова Л.В. Мир Джозефа Максвелла Кутзее // Звезда. 2004. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/3/dok10.html> (дата обращения: 16.04.2014).
  4. Кутзее Дж. М. Интервью Д. Этуэллу [Dagens Nyheter, 08.12.2003] // Лауреаты Нобелевской премии по литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://noblit.ru/node/1448> (дата обращения: 10.09.2014).
  5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
  6. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2013. 232 с.
  7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
  8. Coetzee J.M. Homage / J.M. Coetzee // The Threepenny Review. Spring, 1993. № 53. [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/4384178?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=21103840727521> (дата обращения: 27.03.2014).

УКД 81-115

**Осипова А.А.***Московский городской педагогический университет***ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ)**

*Аннотация.* В настоящей статье представлен сравнительный анализ фрагмента Книги Притчей Соломоновых в двух русских переводах – Синодальном и Современном. В качестве материала была выбрана притча о премудрости и глупости (один из немногих фрагментов данной части Библии, имеющих относительно оформленную композицию). Работа с двумя текстами позволила выявить их несоответствия, которые могут быть классифицированы как лексические, синтаксические, коннотативные. Обращение к более ранним переводам Священного Писания (Вульгате и Елизаветинской Библии) позволяет в некоторых случаях установить причины несопадений и оценить степень влияния выбора переводчика на уровень восприятия текста.

*Ключевые слова:* перевод, текст, расхождение, лексический, коннотативный, смысл.

**A. Osipova***Moscow City Pedagogical University***SPECIFICS OF TRANSLATION OF RELIGIOUS TEXT INTO THE RUSSIAN LANGUAGE (THE BOOK OF PROVERBS)**

*Abstract.* The present paper contains the comparative analysis of the Book of Proverbs represented in two Russian translations – Synodal and Modern. The parable about wisdom and stupidity was chosen as a material of the research (that is one of few fragments of the part of the Scripture which has complete composition). In the comparative analysis of the two texts divergences of different types were found. These divergences can be classified as lexical, syntactic and connotative. In some cases the explanation of the translators' choice can be found with the help of analysis of earlier texts – Vulgate and Bible of Elisabeth in the Church Slavonic language.

*Key words:* translation, text, divergence, lexical, connotative, meaning.

*Книга Притчей Соломоновых* включена в ветхозаветную часть библейского повествования и имеет статус дидактической книги, что вполне оправдано, так как в данной части Священного Писания содержатся некоторые изречения царя Соломона относительно разных аспектов бытия. «Из 915 стихов этой Книги не менее трети – это афористические изречения об ис-

© Осипова А.А., 2014.

точнике материального богатства, его использовании, о труде, благотворительности, устройстве домашнего хозяйства и торговле» [6]. А.А. Олесницкий говорит о нестандартности композиции данной книги, указывая, что «между собранными здесь наречениями часто нет логической связи» (*орфография современная*. – А.О.) [7, с. 4]. Не следует забывать, что в *Книгу* вошли далеко не все изречённые Со-



ломоном в течение жизни притчи. Как бы то ни было, царь Соломон является очень значимой исторической фигурой, поэтому его жизнеописание и «мудрости», призванные определять образ существования современников и потомков, в процессе межъязыковой передачи библейского текста должны быть переданы максимально точно. Однако сравнение двух переводов Священного Писания на русский язык позволяет выявить целый ряд их несоответствий друг другу, вследствие чего в настоящей статье мы попытаемся определить тип таких несоответствий и их существенность. Обратимся к *Книге Притчей Соломоновых* в вариантах Синодального (далее – *СП*) и Современного русского (далее – *СРП*) переводов. Скажем, что в некоторых случаях сравнения двух текстов оказывалось недостаточно, и возникали предположения, что выбор языковых средств в большей или меньшей степени определялся уже существующими переводами Священного Писания. В таких случаях мы считаем целесообразным обращение к церковнославянскому и латинскому переводам.

Уже в первом предложении притчи, представленной в двух русских переводах, находим расхождения лексико-синтаксического плана, которые, однако, не сказываются на точности передачи содержания текста:

– «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его...» (*СП*, *Притч.* 9:1) [2];

– «Премудрость построила себе дом, семь столпов поставила тесаных...» (*СРП*, *Притч.* 9:1) [1].

Следует отметить, что в Синодальном переводе употребляется слово «столб», а в Современном – его уста-

ревший вариант. Согласно словарям, первое значение семантической структуры этих слов совпадает и обозначает «колонну» [5, т. 4; 9]. Безусловно, различия в организации текста позволяют по-разному толковать информацию о процессе создания этого дома, однако, всё высказывание носит метафорический характер, поэтому едва ли различия в толковании существенно влияют на точность передачи оригинального текста. При этом Синодальный перевод в данном случае близок к латинской версии *“sapientia aedificavit sibi domum excidit columnas septem”* [4].

Компонентные несовпадения двух переводов находим в продолжении притчи:

– «Заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу...» (*СП*, *Притч.* 9:2) [2];

– «...приготовила мяса и пряных вин, накрыла на стол...» (*СРП*, *Притч.* 9:2) [1].

В двух вариантах этого фрагмента расхождений довольно много. Во-первых, обратим внимание на глагол, употреблённый в Синодальном переводе, называющий действие, производимое с вином. Согласно словарю В.И. Даля, данный глагол может подразумевать сочетание «*растворить вино водою*», в составе которого имеет значение «*разжижать, размешивать жидкостью*» (*орфография современная*. – А.О.) [5, т. 4, с. 5]. Отметим, что в церковнославянской версии данная фраза выглядит следующим образом: «...*раствори в чаши своей вино*...». В Современном переводе одно сказуемое «*приготовить*» имеет два дополнения (*мясо и вино*). Интересно, что в латинской версии использован глагол “*miscere*”, в семантической структуре

которого есть и значение «*мешать, смешивать*», и значение «*приготовлять*». В Синодальном переводе – два сказуемых, каждое из которых имеет дополнение. Так, глагол «*заколоть*» имеет дополнение «*жертву*», которое соответствует современному «*приготовить мясо*». Отметим, что в данном случае Синодальный перевод вновь максимально близок к латинской версии, где данный фрагмент выглядит следующим образом: “*immolavit victimas...*” [4]. Последняя часть данного фрагмента в двух переводах также представлена по-разному. В Синодальном переводе употреблена лексема «трапеза», которая, согласно словарю В.И. Даля, означает «*стол с пищею, с яствами, обед, ужин*» [5, т. 4, с. 426]. Отметим, что в русском языке XIX в. слово «стол» существовало, однако авторы данного текста выбрали менее общеупотребительную лексему, имеющую более специфическую семантическую структуру. В латинском переводе употребляется слово “*mensa*”, в семантической структуре которого первое значение – «*стол*», второе – «*кушанье, яства, трапеза*» [9].

Интересно ещё одно, не очень существенное, на наш взгляд, для передачи смысла текста в целом, расхождение. В Синодальном переводе речь идёт о «*слугах*», которым даёт поручение премудрость; в Современном переводе употребляется слово «*служанки*». В латинском тексте также использована форма множественного числа имени существительного женского рода “*ancilla*”, что значит «*служанка, прислужница, рабыня*» [9]. Не исключено, что на Синодальный перевод оказал влияние церковнославянский текст, где также функционирует существи-

тельное мужского рода: «...*посла своа рабы...*» [3].

В словах премудрости, обращённых к людям и представленным в двух переводах, также находим некоторые расхождения:

– «*Идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное...*» (СП, Притч. 9:5) [2];

– «*Приходите, ешьте мои яства, пейте пряные мои вина!*» (СП, Притч. 9:5) [1].

В первую очередь обратим внимание на значение слов «*хлеб*» и «*яства*», функционирующие в переводах. Слово «*хлеб*», согласно словарю В.И. Даля, в своей семантической структуре имеет следующее значение: «*всякая пища человека, харчи, продовольствие*» [5, т. 4, с. 552], в то время как слово «*яство*» имеет значение «*кушанья, еда (обычно изысканная, вкусная)*» [9]. Это различие имеет отношение не к семантическому, а скорее к коннотативному аспекту высказывания. Относительно лексемы «*вино*» следует отметить, что в Синодальном переводе снова употребляется компонент «*растворенное*», в Современном переводе появляется слово «*пряные*». Заметим, что в латинском переводе компонента «*пряные*» нет, но употребляется слово, означающее «*смешанный*».

В дальнейших поучениях премудрости находим следующие несовпадения:

– «*Поучающий кощунника наживет себе беславие, и обличающий нечестивого – пятно себе...*» (СП, Притч. 9:7) [2];

– «*Поправишь наглеца – не миновать оскорбления, упрекнешь нечестивца – лишь себе на позор*» (СП, Притч. 9:7) [1].

Обратим внимание на первую часть предложения: слова «кощунник» и «наглец» употребляются в двух переводах соответственно. Анализ семантической структуры данных слов позволяет заключить, что значения их не совпадают. Так, «кощунник», согласно словарю В.И. Даля, – тот, кто «насмехается над священными предметами, отзывается об них с презрением, бранно, пошло; сквернит, оскверняет» [5, т. 2, с. 183]. «Наглец», согласно словарю современного русского языка, – «наглый человек, нахал». Слово же «наглый», в свою очередь, определяется как «крайне нахальный; дерзкий, бесстыдный». Таким образом, даже частичных совпадений семантических структур у данных слов нет. Сомнительным, на первый взгляд, представляется и соответствие слов «бесславиe» и «оскорбление». Лексема «бесславиe» (орфография современная) трактуется словарём В.И. Даля как «отсутствие доброй славы; бесчестие, стыд, срам, позор, поругание, поношение; дурное мнение, молва, слава о ком» [5, т. 4, с. 73]. Лексема «оскорбление» в современном русском языке обозначает результат оскорбления, которое, в свою очередь, понимается следующим образом: «крайне обидеть, унизить кого-либо, уязвить в ком-либо какие-либо чувства; осквернить, унижить чем-то неподобающим» [9]. Из приведённых дефиниций видно, что частично семантические структуры слов, выбранных авторами разных переводов, совпадают, поэтому говорить о каком-либо семантическом расхождении в данном случае, как это ни странно, не приходится. Любопытно, что в церковнославянском тексте имеется два варианта данного фрагмента: «изобличаай же нечестиваго порочна

сотворить себе (\*Сѣбличеніа бо нечестивомоу раны емоу)» [3].

Интересным представляется следующее расхождение в выборе лексем в двух переводах:

- «...науци правдивого, и он приумножит знание...» (СП, Притч. 9:9) [2];
- «...науци праведного – еще разумнее будет...» (СРП, Притч. 9:9) [1].

Слово «правдивый», согласно Словарю Академии Российской, трактуется как «любящий, хранящий, наблюдающий правду; основанный на правде» [8, с. 1044]. Слово «праведный» в современном русском языке понимается как «строго соблюдающий правила религиозной морали; благочестивый, безгрешный; отвечающий правилам религиозной морали, нормам нравственности» [9]. Совершенно очевидно, что семантические структуры данных слов не совпадают, и можно говорить о смысловом расхождении, причиной которого становится выбор данных лексем.

Сравнение двух переводов даёт возможность выявить случаи компонентного расхождения фрагментов, которые никоим образом не влияют на их содержательную составляющую, например:

- «Потому что чрез меня умножатся дни твои...» (СП, Притч. 9:11) [2];
- «Со мной, Премудростью, продолятся твои дни...» (СРП, Притч. 9:11) [1].

Речь идёт о появлении слова «Премудрость» в современном переводе. Безусловно, понятно, что повествование ведётся от её (премудрости) «лица», однако употребление данного слова несколько облегчает читателю восприятие, избавляя его от необходимости задумываться над тем, какое

слово замещает предыдущее местоимение. Отметим, что в латинской версии, как и в Синодальном переводе, данное слово отсутствует. Церковнославянский вариант в данном случае отличается от обеих русских версий: «...и приложатся тебѣ лета живота твоегѣ...» [3].

Далее хотелось бы обратить внимание на строфы 13-15, где речь идёт о *Глупости* и её действиях. Интересно, что в Синодальном переводе глупость как самостоятельный персонаж (аналогичный *Премудрости*) как таковой не обозначается. Повествование о ней начинается словами: «Женщина безрассудная, шумливая, глупая и ничего не знающая садится у дверей дома...» (СП, Притч. 9:13-14) [2]. Такое языковое оформление не даёт возможности персонифицировать субъект. Отметим также, что подобная организация характерна и для латинского текста («*mulier stulta at clamosa plenaque inlecebris et nihil omnino sciens sedit in foribus domus...*» [4]), и для церковнославянского («Жена безоумная и продерзала скоудна хлѣбомъ бываетъ, яже не вѣсть стыдѣдѣниа седе при дверехъ домон своегѣ...» [3]), который, однако, отличается от рассматриваемых переводов лексическим оформлением.

Итак, проведённый сравнительный анализ русских вариантов *Книги Притчей Соломоновых*, представленных в Синодальном и Современном русском переводах, позволил выявить несовпадения разных планов. Наиболее интересными и требующими особого внимания, на наш взгляд, являются лексические несовпадения, которые возникают вследствие выбора разных слов, что, на первый взгляд, становится причиной смысловых несоответствий

двух переводов. Сравнение семантических структур слов, употреблённых в соответствующих фрагментах в разных переводах, довольно часто позволяет заключить, что частично или полностью их значения совпадают, и поэтому говорить о каком-либо различии переводов неправомерно. Также следует обращать внимание на то, что выбор синтаксической структуры или её лексических компонентов может производиться под влиянием более ранних переводов Священного Писания. В данном случае мы обращались к церковнославянскому и латинскому текстам Библии (Елизаветинская Библия и Вульгата). Следует признать, что в большинстве случаев Синодальный перевод совпадает с предшествующими текстами, в то время как современный перевод выглядит более независимым. Интересными кажутся случаи, когда более ранний текст предлагает два варианта одного предложения (вероятно, переводчики не могли окончательно определиться и не считали возможным опустить один из вариантов), а современные останавливаются на одном.

В заключение отметим, что при значительном количестве несовпадений, выявленных в процессе сравнительного анализа двух переводов, лишь незначительная их часть может быть названа фактическими, что доказывается обращением к толковым словарям русского языка того временного периода, когда создавались переводы. Следует, скорее, говорить о том, что языковое оформление двух текстов определяет их восприятие читателем. Так, Синодальный перевод иногда бывает чрезмерно архаизированным, а современный, за редким исключением, понятен любому носителю современного русского языка.

## ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

*Источники:*

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. М.: РБО, 2011. 1404 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложением (Синодальный перевод). М.: РБО, 2011. 1408 с.
3. Елизаветинская Библия. Электронное издание. 2002 (репринт 1900 года). [Электронный ресурс]. URL: [http://utsheniya.ru/p\\_3062.html](http://utsheniya.ru/p_3062.html) (дата обращения: 20.10.2014).
4. Biblia Sacra Vulgata. Weber-Gryson. De Editione Quinta. Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart, 2007 (1 ed. 1969). 1980 s.

*Литература:*

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1980. Т. 2 (779 с.) и 4 (683 с.).
6. Лукин С.В. Притчи Соломоны об источнике богатства, труда и благотворительности // Проблемы современной экономики, №1/2 (13/14). 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=737> (дата обращения: 02.07.2014).
7. Олесницкий А.А. Книга притчей Соломоновых (Мишле) и её новейшие критики. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884. 144 с.
8. Словарь Академии Российской. Т. 4. СПб.: Тип. при Императорской Академии Наук, 1789. 639 с.
9. АBBYU Lingvo x5 электронный словарь. [Электронный ресурс]. АBBYU, 2011. Русский язык. Словари XXI в.. 1 диск CD-ROM.

# НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

## О НАУЧНОЙ ШКОЛЕ Л.Л. НЕЛЮБИНА «LANGUAGE IN ACTION»

XXI век ознаменован бурным ростом научных школ, их ветвлением и развитием международных связей для решения научных задач. В настоящее время объединённые усилия учёных находят воплощение в формировании научных школ. Выработка и распространение научных идей и образование молодых учёных, как приоритетные задачи деятельности научной школы, служат фундаментом признанной лингвистической школы «Language in action», лидером которой является её бессменный руководитель – Нелюбин Лев Львович, доктор филологических наук, профессор, почётный профессор Московского государственного областного университета.

Истоком научной школы следует считать защиту Л.Л. Нелюбиным диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук «Информационно-статистические и инженерно-лингвистические особенности языка и текста в условиях специализации» в 1975 г., заложившую основу его дальнейшей плодотворной научной деятельности. Созданные Л.Л. Нелюбиным монографии, учебники, учебные пособия (более 50 трудов), словари (15 наименований) изданы и издаются в нашей стране и за рубежом тиражами (и более многочисленными) тиражами, являясь предметом гордости обладателей этих книг. Л.Л. Нелюбин является автором более

100 статей, более 90 тезисов докладов и сообщений конференций разного масштаба и продолжает публикационную активность, о чем свидетельствуют количественные показатели последних 5 лет, представленные на сайте Научной электронной библиотеки: количество публикаций – 20, количество цитирований – 673, индекс Хирша – 6.

Непосредственный вклад в развитие филологического знания, отражённый в трудах лидера научной школы – работы, ставшие классическими и вошедшие в золотой фонд мирового переводоведения. Успешная и разноаспектная исследовательская деятельность – не единственный показатель масштабности научной школы Л.Л. Нелюбина. Результатом активной и напряжённой работы по воспитанию научных кадров СССР и РФ стали 110 кандидатов и 15 докторов филологических наук, которые в свою очередь обеспечивают преемственность поколений в научной школе, расширяют палитру исследовательской работы и обогащают филологическую науку.

Научно-технические достижения школы «Language in action» живут на продуктивной научно-издательской деятельности. В этом направлении лидером школы и его учениками сделано немало: издание 54 рецензируемых сборников статей ВАК «Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика» (1998–2014 гг.), 41 межвузовского сборника научных

статей «Проблемы теории языка и переводоведения», проведение 8 международных научных конференций «Перевод в XXI веке» и «Перевод и когнитология в XXI веке» (2007–2014 гг.) и издание сборников тезисов докладов и сообщений и сборников статей по материалам конференций.

Результатом долгой работы школы является научно-общественное признание, воплощённое в полученных Л.Л. Нелюбиным и его учениками российских и зарубежных премиях и почётных званиях: Государственная Президентская стипендия для выдающихся учёных России, национальная премия «Кремлёвский грандъ», Международное звание «Человек года» (1997 и 2003 гг.), звание «500 величайших гениев XXI века», Международная премия им. Шекспира за литературные достижения, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник науки и образования, заслуженный работник образования Московской области и пр., – а также членство в российских и международных академиях: РАЕН, МАИ, РАЕ, Совет Британского биографического центра, Международная академия наук Сан-Марино, Международная организация по унификации терминов-неологизмов при ООН, Британская биографическая ассоциация. Высокий уровень исследований и их оригинальность обеспечили научную репутацию школы профессора Л.Л. Нелюбина. Признанием заслуг Л.Л. Нелюбина в развитии отечественной науки и успешности его научной школы служит решение Президиума РАЕ от 26.11.2013 г. о присвоении ему почётного звания «Основатель научной школы», а также орденов «Primus inter pares» («Первый среди равных») и «Labore et scientia» («Трудом и знанием»). В настоящий момент на сайте РАЕ филологические науки представлены 38 научными школами России, среди которых зафиксирована научная школа Л.Л. Нелюбина «Language in action».

Преемственность поколений в научной школе и поддержание традиций обусловлены широкомасштабным практическим использованием полученных научных результатов – внедрением монографий, учебников и учебных пособий в учебно-образовательную и научно-исследовательскую деятельность членов научной школы. Развитию межвузовской, межрегиональной и межгосударственной научной кооперации служит тесное международное сотрудничество в научно-исследовательской области с зарубежными вузами, среди которых Мюнхенский институт иностранных языков и Университет Виттен (Германия), Уханьский университет (Китай), Тегеранский университет (Иран), Университет им. Дж. Неру (Индия), Минский государственный лингвистический университет (Беларусь), Институт международных отношений Киевского национального университета им. Тараса Шевченко и Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара (Украина), а также рядом отечественных вузов: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Военный университет МО РФ, Московский институт лингвистики, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Государственная классическая академия им. Маймони-

да, Российский государственный социальный университет, Российская академия правосудия, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, Московский гуманитарный педагогический институт, Белгородский государственный национально-исследовательский университет, Сургутский государственный педагогический университет, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

В научном поиске члены школы руководствуются стремлением к познанию, служащим краеугольным камнем школы и соединяющим исследовательский коллектив; приоритетный принцип деятельности отражает известная фраза К.Г. Маркса: «В науке нет ши-

рокой столбовой дороги, и только тот может достигнуть её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам». Поздравляя Л.Л. Нелюбина и членов научной школы «Language in action» с достигнутыми успехами, хотим пожелать им дальнейшего роста и пополнения школы новыми воспитанниками, которые и впредь будут вносить достойный вклад в развитие российской филологической науки.

**Нелюбин Л. Л.,**

*Филиппова И. Н.,*

*Московский государственный  
областной университет*



# ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

## НЕЛЮБИН ЛЕВ ЛЬВОВИЧ

(31.I.1927 – 2.XI.2014)

2 ноября 2014 г. научную общественность постигла тяжелая утрата – ушел из жизни легендарный деятель науки, доктор филологических наук, профессор, почетный профессор МГОУ Лев Львович Нелюбин.

Боль от этой потери разделяют ученые России, США, Великобритании, Франции, Германии, Дании, Венгрии, Румынии, Чехии, Польши, Эстонии, Грузии, Армении, Казахстана, Молдавии, Узбекистана, Белоруссии, Украины и других стран, где работают ученики и коллеги Льва Львовича Нелюбина и изданы его труды.

Родился Л.Л. Нелюбин 31 января 1927 г. в Ленинграде, на Фонтанке, в доме своего деда – академика, доктора медицины, статского советника Александра Петровича Нелюбина. В детстве жил с родителями в г. Тегеране (Иран), с 1931 г. в Москве. Затем с родителями в Стокгольме и в Лондоне, где он после окончания средней школы становится студентом Политехнического колледжа Лондонского университета. После войны и возвращения из Лондона в Москву учится на механическом факультете Московского нефтяного института им. акад. Губкина, а летом 1946 г. поступает на военно-морской факультет Военного института иностранных языков (ВИИЯ). После заграничной командировки в Великобританию по линии Управления уполномоченного по репатриации советских граждан продолжает учебу на факультете западных языков ВИИЯ. После окончания института в 1953 г. работает препода-

вателем в Свердловском суворовском военном (офицерском) училище, потом офицером ГРУ ГШ МО СССР, а с 1962 г. на преподавательской работе в Военной академии Советской Армии (ВАСА) и с 1963 г. – в воссозданном ВИИЯ: преподавателем, адъюнктом, старшим преподавателем, заместителем начальника кафедры, старшим научным сотрудником (докторантом). С февраля 1974 г. по январь 1985 г. – начальник кафедры английского языка (основного) факультета западных языков ВИИЯ, Военного института МО (ВИМО), Военного Краснознаменного института (ВКИ).

В 1964 г. Л.Л. Нелюбин опубликовал учебное пособие по военному и военно-техническому переводу для курсантов, изучающих английский в качестве второго языка. В 1968 г. Л.Л. Нелюбин в Воениздате издает уникальный иллюстрированный военно-технический словарь на шести языках, который становится настольной книгой военных переводчиков. Затем – издает два военных словаря-минимума (англо-русский и русско-английский). В 1972 г. в соавторстве был издан учебник по военному переводу, а в 1981 и 1984 гг. – «Учебник по военному переводу. Общий курс» и «Учебник по военному переводу. Специальный курс» под редакцией ученого. Эти учебники давно стали классическими трудами по практике подготовки военных переводчиков в военных учебных заведениях в России и СНГ и на военных кафедрах вузов. В 1968 г. Л.Л. Нелю-

бин защитил кандидатскую диссертацию, вызвавшую большой интерес не только специалистов-языковедов, но и широкого круга военных преподавателей и переводчиков. В 1971 г. Воениздат издает монографию Л.Л. Нелюбина «Перевод боевых документов армии США», а в 1989 г. переиздает этот труд. В 1975 г. в Ленинградском отделении Академии наук СССР Л.Л. Нелюбин защитил докторскую диссертацию на тему «Информационно-статистические и инженерно-лингвистические особенности языка и текста в условиях спецкоммуникации». Автор исследования анализирует особенности автоматизированной переработки информации. Разработанный Л.Л. Нелюбиным Машинный автономный отраслевой словарь (МАОС-1) и его модификации – МАОС-2 и МАОС-3 стали революционными, как и его труд «Перевод и прикладная лингвистика».

Специалист в области общего, военного, машинного перевода, компьютерной и прикладной лингвистики, Л.Л. Нелюбин публикует труды «История и теория зарубежного перевода», «История и теория перевода в России», «История науки о языке», «Сравнительная типология языков» (в соавторстве), «Очерки по введению в языкознание», «Введение в технику перевода», «Лингвостилистика современного английского языка», «Толковый переводоведческий словарь», которые легли в основу подготовки лингвистов-переводчиков высокой квалификации.

Поколение отечественных филологов и военных переводчиков является его учениками: многие учились, учатся и еще будут учиться по его книгам. Он создал большую научную школу в об-

ласти общей и прикладной лингвистики, истории науки о языке, истории и теории перевода, общего, специально-го (военного) и машинного перевода.

Л.Л. Нелюбин – признанный авторитет в области переводоведения, терминологии и терминографии, лингвостатистики и компьютерной лингвистики.

Энциклопедически образованный, требовательный к себе и своим ученикам, доброжелательный и внимательный, Л.Л. Нелюбин отличался новаторским, творческим подходом к исследуемым проблемам. Его публикации стали основой фундаментальной подготовки военных переводчиков и переводчиков-лингвистов в отечественных вузах.

Вся организационная и методическая деятельность Л.Л. Нелюбина была направлена на гуманитаризацию и оптимизацию содержания обучения переводоведению и иностранным языкам, повышение качества и эффективности учебно-воспитательного процесса, совершенствование приемов и методов обучения, создание и использование современных ТСО и лингводидактических материалов на базе компьютеризации учебного процесса по теории, методике и технике общего и специального перевода.

Масштабность деятельности ученого и выдающиеся успехи в различных областях языкознания получили заслуженное признание научного сообщества: Лев Львович Нелюбин – заслуженный деятель науки РФ, академик Российской Академии естественных наук, Международной Академии информатизации при ООН, академик Американского биографического института, член-

корреспондент Российской академии естествознания, член Международной организации по унификации терминов-неологизмов при ООН, почетный член Совета международного биографического центра (Кембридж), член-корреспондент Британской биографической ассоциации, ассоциированный член Международной Академии наук Сан-Марино, действительный член Общества психологов АН СССР, член экспертного совета ВАК по филологии и искусствоведению, член Координационного Совета по машинному переводу при Всесоюзном центре перевода, председатель диссертационного совета Д 212.155.04, заместитель председателя диссертационного совета Военного университета, член диссертационных советов МГОУ, МГЛУ г. Минск, МГПИИЯ.

О выдающихся заслугах Льва Львовича Нелюбина на научном, военном, педагогическом и общественном поприще свидетельствуют многочисленные ордена и медали: дважды лауреат Президентской стипендии для выдающихся ученых России, лауреат национальной премии «Кремлевский грандь», лауреат международного звания «Человек года», международных наград им. В. Шекспира, им. А. Эйнштейна; он входил в число «500 гениальных людей XXI в.», «500 выдающихся ученых мира», «5000 выдающихся личностей мира», награжден медалью «2000 выдающихся ученых XXI в.», медалью «Американский зал славы» Американского биографического института, почетными званиями «Honoris causa» (Почетный доктор наук), «Primus inter pares» (первый среди равных), «Labore et scientia» (Трудом и знанием), «Заслуженный

деятель науки и образования» и «Основатель научной школы» Российской Академии естествознания, дипломом «Золотая кафедра России», медалью им. В.И. Вернадского, орденами Почета, «Знак Почета», «За честь и достоинство», медалями «За боевые заслуги», «За воинскую доблесть», «Ветеран труда», «Ветеран Вооруженных сил СССР», 13 юбилейными медалями за долголетнюю службу, именными часами от Министра обороны СССР, серебряной медалью ВВЦ, нагрудным знаком «Благодарю» губернатора Московской области, нагрудным знаком «За отличные успехи в работе» МВ и ССО СССР.

Лев Львович Нелюбин – автор свыше 280 научных работ общим объемом более 700 п.л., опубликованных в авторитетных отечественных и зарубежных изданиях. Под его руководством подготовлено 16 докторов наук, 112 кандидатов наук, лауреат государственной премии СССР в области науки и техники, заслуженный работник науки и образования.

Соболезнуем родным и близким, коллегам и ученикам Льва Львовича Нелюбина.

Память о Льве Львовиче будет жить в его детях и внуках, многочисленных учениках, во всех, кто имел счастье общаться с этим выдающимся ученым и неординарным человеком (студентах, аспирантах, докторантах, преподавателях не только его кафедры и факультета, но и всех преподавателях МГОУ, всех членах возглавляемого им совета, всех, кто защищался в этом совете, тех, кто учился по его книгам и пользовался созданными им словарями, тех, кто воспользовался его научными советами).

Лев Львович любил людей и свою профессию, это был энциклопедически образованный, доброжелатель-

ный, чуткий к чужим бедам и обладавший тонким чувством юмора человек.  
*Коллектив ИЛиМК МГОУ*

## НАШИ АВТОРЫ

**Бабич Наталья Георгиевна** – соискатель кафедры германской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, консультант по английскому языку Научно-производственной корпорации «Системы прецизионного приборостроения»; e-mail: natallib@mail.ru

**Богданова Татьяна Вячеславовна** – аспирант кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: fria@bk.ru

**Болховитянов Иван Валерьевич** – аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: cybersportsman@yandex.ru

**Гринева-Гринева Сергей Викторович** – доктор филологических наук, профессор, профессор Белостокского университета (Польша); e-mail: svgrinev1@gmail.com

**Жарова (Федорова) Анна Валерьевна** – ассистент кафедры иностранных языков Российского экономического университета им. Плеханова (г. Москва); e-mail: zhanna495@gmail.com

**Зверева Полина Петровна** – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: zvereva.pl@gmail.com

**Кириенко Петр Александрович** – аспирант кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета; e-mail: petr.kirienko@gmail.com

**Козоткова Серафима Сергеевна** – ассистент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (г. Москва); e-mail: BonZoso@yandex.ru

**Колесников Алексей Александрович** – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: macswheel@yandex.ru

**Круглякова Ольга Валентиновна** – доцент кафедры иностранных языков Владивостокского филиала Российской таможенной академии; e-mail: kroogl@yandex.ru

**Малюга Елена Николаевна** – доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заведующая кафедрой иностранных языков Российского университета дружбы народов (г. Москва); e-mail: en\_malyuga@hotmail.com

**Максименко Ольга Ивановна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: maxbel@hotmail.ru

**Молчанова Дарья Валерьевна** – аспирант, преподаватель-ассистент кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: Minako9@yandex.ru

**Москалева Анна Сергеевна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков Владивостокского филиала Российской таможенной академии; e-mail: anet2106\_teacher@mail.ru

*Мурашкова Елена Михайловна* – аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: lena.murashkovskaya@gmail.com

**Нелюбин Лев Львович** – доктор филологических наук, профессор, академик РАН, МАИ, член-корреспондент РАН, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: ins-ilimk@mgou.ru

*Осипова Анна Александровна* – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; e-mail: assya@yandex.ru

*Сорокина Эльвира Анатольевна* – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: ellasor@mail.ru

*Филиппова Ирина Николаевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: little\_lion06@mail.ru



## ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки ([www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru)), а также на сайте Московского государственного областного университета ([www.vestnik-mgou.ru](http://www.vestnik-mgou.ru)).

---

### ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ЛИНГВИСТИКА»

2014. №5

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова  
литературный редактор Е.О. Духовнова  
переводчик Н.Г. Юрышева  
корректор А.С. Барминова  
компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»  
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98  
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31  
e-mail: [vest\\_mgou@mail.ru](mailto:vest_mgou@mail.ru)  
Сайт: [www.vestnik-mgou.ru](http://www.vestnik-mgou.ru)

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 350 экз. Уч.-изд. л. 8, усл. п.л. 8.

Подписано в печать 10.11.2014. Заказ № 2014/11-4.

Отпечатано в типографии МГОУ  
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а